

МОСКВА ПО ПОНЕДЕЛЬНИКАМ

роман-история

Всем шагающим в ногу со временем посвящается

PROLOG

Экран.

Сотни начищенных до блеска сапог вычерчивали сотни прямых параллельных линий.

Превращая геометрию в искусство.

На военном тренировочном плацу.

В окружении неприступного кирпичного забора.

Однако ни пронзительного командирского «левой-правой», ни путающего грохота сливающихся воедино шагов слышно не было. Приказы потеряли голос. Все вокруг замолкло. И только таинственно-сладостные звуки одинокой трубы ненавязчиво доносились откуда-то сверху. Сквозь безоблачную летнюю тишину. Будто музыкальное сопровождение немого фильма.

Безымянная мелодия для безымянной постановки.

В армейском театре под открытым небом.

Неужели кто-то наблюдал за происходящим? Неужели у кого-то всерьез возникло желание придать этому ничем не примечательному, однообразному зрелищу мягкости и даже поэтичности?

Или, может, кому-то просто захотелось дать свободу собственной фантазии?

Труба не звала.

Труба пела.

Просветленные лица марширующих то неожиданно приближались, то до высоты птичьего полета отдалялись. Кинокамера выбирала крупные планы по своему вкусу и предпочтению. И хотя все лица были вроде бы разные, настроение, молодость и одинаково короткая стрижка делали их похожими друг на друга.

В этот солнечный день юные воины, казалось, забыли о тяготах службы и выглядели свежими и подтянутыми. Они напоминали переодетых в военную форму ангелов.

И такое сравнение не было далеко от истины.

Музыка их объединяла.

Музыка их вдохновляла.

Но не на подвиги.

На жизнь.

Геометрия не случайно превращалась в искусство.

На то была чья-то воля.

Солдаты чувствовали повышенное внимание и с трудом скрывали смущение.

Это было видно по глазам.

И яркому румянцу на щеках.

Сам же невидимый наблюдатель не смущался.

Он не мог оторваться от экрана.

ОТ АВТОРА

Если писать одну правду, тебя могут привлечь за клевету. Поэтому иногда лучше разбавить ее вымыслом. Данный роман и есть пример такого синтеза.

Он заряжался энергией.
Такое кино ему нравилось.
Тем более что это был единственный сеанс для
единственного зрителя.
Волшебно шуршал кинопроектор.
Сон затягивал.
Сон затягивался.
И просыпаться зритель не торопился.
Сон – состояние магическое.

1

Мать плакала.
Жалобно.
Тихо и безутешно.
Вчера вечером она кое-как еще крепилась, сегодня – будто прорвало. Поток жгучих холодных слез не иссякал с самого рассвета, грозя смыть прочный домашний мир. Не спасало ни присутствие ей умение держать себя в руках, ни самовнушение, ни условительно.

Под стать материнскому настроению даже погода за окном выдалась не по-августовски мрачной. Лето решило поиздеваться над календарем и приноровившимися к нему человеческими привычками.

Мать плакала.
Но она ничего не могла с собой поделать.

Никогда прежде ее закаленная душа не разрывалась между счастьем и тревогой. Еще никогда прежде мать не переживала так за своего сына. Нет-нет, она ничуть не жалела, что его по окончании школы направляли учиться за границу. Наоборот, этим неожиданным доверием и особым признанием ее родительских заслуг она гордилась. Престижный университет. Престижная специальность. Ну и диплом, понятно, престижный. Далеко не перед всяким молодым соотечественником вот так и сразу открывалась столь масштабная перспектива. Однако за несколько часов до отъезда сына радость исчезла, сердце зануло, а во всегда спокойном поведении матери появилась чуждая ей нервозность.

Мать плакала.
И всем своим слезам верила.

Сейчас она была полностью во власти неизвестности и страха. В ней, похоже, за считанные секунды проснулись все мыслимые родительские инстинкты. При этом больше всего ее пугали пять лет предстоящей разлуки. Уже сама мысль о том, что буквально с завтрашнего дня ее один-единственный ребенок начнет жить по чужим законам и под чужим надзором, разжигала в ней лютую ревность. И бороться с этим неведомым ей до сих пор чувством было невыносимо трудно. Она ни с кем не хотела делить своего сына. Она ни с кем не хотела делить, как

она считала, исключительно ей одной вверенное право поощрять его или наказывать. Будучи убежденной атеисткой, мать вдруг вспомнила о Деве Марии. Но только вспомнила. Просить ни о чем не посмела. Впрочем, она толком не знала, о чем Ее можно просить и как это делать. Такого сомнительного опыта у нее еще не было. Она никогда не позволяла себе опускаться до подобной беспринципности. Потому что беспринципность была для нее равносильна предательству. И в первую очередь, по отношению к непрерываемым жизненным идеалам. В которые она искренне верила. Ради которых она готова была пойти на любые жертвы. В том числе и на личные.

Мать пребывала в растерянности.
Она знала, что сейчас ей неоткуда ждать помощи.

Даже сочувствия.
Мать плакала.

Все ее тайные мечты о блестящей карьере сына сегодня утром вмиг потускнели, отошли на задний план, уступив место более конкретным и земным проблемам. Оптимизм исчез. Воображение, увы, не спало. Между настоящим и будущим образовалась пропасть, в которую страшно было заглядывать. Так как отныне все, что связано с ее сыном, должно было решаться далеко, за тысячи километров, без ее непосредственного участия. Если в предыдущие месяцы мать рассуждала о его университетских успехах уже как о свершившемся факте, то сегодня она поняла, что путь к ним лежал и через ее страдания.

Это было открытие.

За окном гудел ветер.

За окном продолжала тянуться заунывная, ничем не примечательная вечерняя жизнь.

Мать плакала.

Она напряженно ходила из угла в угол крошечной родительской комнаты.

Не поднимая головы.

То и дело вытирая слезы насквозь промокшим носовым платком.

Сегодня ей показалось, будто она отправляет любимое чадо на фронт. И что бы ни говорили о Советском Союзе, о социализме, о вождях, о заматеревшей на политических и спортивных полях сражений великой дружбе между двумя великими народами, а воспоминания о войне даже спустя десятилетия не давали покоя. Мать хорошо помнила речи фюрера из дребезжащих уличных репродукторов. Как она вытиралась в струнку до самого последнего его выкрика. Помнила победоносные кадры отечественной кинохроники под звуки духового оркестра. И ей с трудом верилось, что русские простили немцев за все их прошлые грехи. А если к этому добавить немногословные жуткие рассказы мужа, воевавшего на

танковой дуге под Курском и оставшегося, на удивление, с головой на плечах, то становилось совсем не по себе. Правда, сегодня было другое время. Тем не менее матери не раз приходилось читать в газетах и слышать с экрана телевизора знаменитое русское: «Никто не забыт! Ничто не забыто!» И она ни на мгновение не сомневалась в искренности этих крылатых, пафосных, но в то же время угрожающих лозунгов. Русские давно убедили немцев: слов они на ветер не бросают. Поэтому, с точки зрения памяти и логики, опасаться действительно было чего. Ко всему прочему надо учесть множество национальных особенностей народа-победителя, которые с особенностями немецкими иногда ну никак не сочетались. Так что рассчитывать хрупкому созданию на беззаботную жизнь среди бывших врагов его родителей вряд ли стоило. По крайней мере, на первых порах. По крайней мере, пока не удастся зарекомендовать себя преданным другом и единомышленником.

Вот за что мать была воистину спокойна, так это за идеологическую пуленепробиваемость сына. В чем в чем, а в идеологии восточные немцы переоголевали даже своих учителей-победителей. Теперь к высочайшему искусству морали и дисциплины они могли сами приобщить кого угодно. Поголовное всенародное покаяние и беззастенчивое самоперевоспитание не прошли для нации впустую. За считанные годы она преобразилась не визуальное – по сути. И почти в полном составе. В передовиках эфдзётской молодежи числились самые дисциплинированные, самые благонадежные, самые проверенные из проверенных. Гэдзэровские власти не скрывали, что учеба в СССР была для всех «самых-самых» золотой олимпийской наградой за их активность. И в то же время авансом на будущее. Так что, отправляясь на пять лет в братскую страну, молодые люди стремились любой ценой оправдать оказанное им доверие. Без усталости и капризов они совершенствовали социализм. Быстро смирились с безжалостным русским климатом и ежедневной неустроенностью повсеместно-местного быта, они перенимали бесценный исторический опыт. И, надо сказать, у большинства из них это чертовски получалось. Даже примерные советские сверстники, не без юмора и схидаства, отмечали не свойственную иностранцам чрезмерную правильность восточных немцев. Их пылкую работоспособность и закалку, а еще чаще их спортивную, полувоспитанную выправку. Да, без преувеличения, потомкам победителей было чему поучиться у младших братьев по содлагерю. Хотя успехи «младших», как правило, в СССР никем не замечались.

И все-таки не идеологией единой жил статистический гэдзэровский обыватель. Сегодняшний печальный образ матери служил тому доказательством. Впервые в жизни она с трудом

узнала себя, случайно остановившись перед зеркалом. Впервые в жизни она по-настоящему задумалась о своем возрасте.

Мать плакала.

Прикрывая лицо руками.

Боясь своим плачем ненароком разбудить сына. Время до отхода поезда еще было. Пускай отдохнет перед дорогой, наберется сил. Когда он теперь посидит в теплой домашней постели? О комфорте и порядках московского студенческого общежития она могла только догадываться. Однако то, что они мало чем будут напоминать родную ростокскую квартиру, сомнений не вызывало. И хотя мать воспитала своего ребенка терпеливым, самостоятельным и отнюдь не избалованным, она знала: трудности будут. Поэтому и жалела его заранее. Даже при непоколебимом уважении к советской стране на любовь и сострадание ее граждан она, честно говоря, не очень рассчитывала. Она не могла представить себе русских в мирной, созидательной жизни. Русские вызвали в ее сознании несколько иные ассоциации. И освободиться от давно сформировавшихся стереотипов у нее не получалось. Но все равно, каких бы испытаний ни уготовила судьба сыну на чужбине, мать надеялась, что он не растеряется и сумеет выбраться из любого трудного положения. В конце концов его будущее было, прежде всего, в его руках. А к борьбе он был готов с детства. Несмотря на нежный возраст, он успел многому научиться. И мать, и рекомендовавшие его на продолжение учебы учителя верили во все его таланты и способности. Он только внешне производил впечатление беззащитного, хрестоматийного, интеллигентно-книжного подростка. Характер же у него был на зависть сильным. Независимо от сложности ситуации он ставил перед собой максимальные задачи. Независимо от сложности задач он всегда находил оптимальное решение.

Он умел застенчиво промолчать. Он умел убедить. Он умел переубедить. Он умел вовремя выступить. Он умел временно отступить. Он умел, не переоценивая, оценить. Он умел делу не навредить. Он умел глубоко спрятать свои чувства. Хотя он умел и приоткрыть свое сердце. Он умел привлечь к своей персоне внимание. Он умел наперед просчитать и не просчитаться. Он умел рискнуть, пойти на компромисс и согласиться. Он умел своего добиться. Он умел и подчинять, и подчиниться.

Мать знала наизусть лучшие качества сына.

Она по праву гордилась им и была уверена, что в ближайшие пять лет они, конечно, приумножатся. Поэтому там, наверху, его непременно заметят и признают. Там, наверху, для него быстро найдут достойное место. Родная партия обязательно протянет ему крепкую руку. У партии было хорошее чутье на «своих». Мать не сомневалась, что по окончании учебы из него «сделают» государственного мужа. Многие высшие чины были

выходцами из простых семей и тоже начинали с нуля, без связей и влиятельных покровителей. Результаты – ежедневно на первых полосах центральной газеты страны. Достижения – в учебниках по новой истории.

Новая Германия нуждалась в новых талантах.

Новая Германия не имела права разбрасываться своим главным достоянием.

Мать кое-что смыслила в государственных делах.

К тому же специалист по дошкольному воспитанию и библиотекарь по совместительству, она не без основания считала себя прирожденным психологом и в сыне никогда не ошибалась. По крайней мере до сих пор его жизнь это упрямо подтверждала.

Мать плакала.

Но легче ей от этого не становилось.

Сегодня она чувствовала себя брошенной и одинокой. Мужа вчера вызвали в Берлин. В штази хотели еще раз побеседовать с отцом ростокского активиста. Так что ни поддержать, ни утешить убитую счастьем-горем мать было некому. Наверное, оттого ее растерянность едва не довела ситуацию до неоправимости. Длительное, монотонное хождение по комнате настолько усыпило ее бдительность, что она не заметила, как пришла пора будить сына. Ведь они могли опоздать на берлинский поезд. А там – и на московский. Хорошо, что вещи были собраны. Хорошо, что все они уместались в сохранившемся с военных времен небольшом чемодане. Спасало и то, что дом находился всего в нескольких кварталах от вокзала. Поэтому была еще надежда успеть.

Мать в панике ворвалась в комнату сына.

Сын в панике вскочил с постели.

Сон оборвался.

Однако сейчас было не до сна.

Будущее повисло на волоске.

Видеть столько ужаса в глазах друг друга матери и сыну еще не приходилось. Но времени на оправдания и вопросы, как и на приготовленный с вечера завтрак, у них не было.

Далее все происходило автоматически.

Автоматически продолжали литься и нескончаемые материнские слезы.

2

Райхсбан на сей раз не подвел.

Ростковский дизель-поезд прибыл в Берлин практически по расписанию.

Озабоченный муж встречал жену и благословленного спецслужбами на учебу сына, как договорились, в центре платформы. И несмотря на то, что до отхода московского поезда оставалось более двух часов, от Лихтенберга до Остбанхофа решили добираться с комфортом, на такси. Редкий случай для

скромного семейного бюджета. Однако сегодня экономия выглядела бы настоящим кощунством. Столь знаменательный день в их общей биографии был равносильен должданному празднику.

Причем не важно, что на лицах он сейчас не отражался. Главное, что он присутствовал в душах.

По дороге все молчали.

Никто ни с кем даже не пытался заговорить.

Да в этом, наверное, и не было необходимости. В такой ситуации любые слова теряли смысл. Все равно все трое были погружены в одни и те же мысли. Все равно ничего нового сказать друг другу они уже не могли. Ежась от противного озноба, каждый лишь пытался согреть руки. Не выдавая внутренних переживаний, каждый пристально смотрел в свое закрытое окно. Хотя увиденное там вряд ли могло заинтересовать. Обычно приветливая берлинская погода сегодня не отличалась от обычно откровенной ростокской. Серость широченных столичных проспектов сливалась с серостью навалившегося на них столичного неба. У общего семейного настроения не было ни малейшего шанса на исправление. А тут холодный порывистый ветер еще больше обозлился на город. Через какое-то время и вовсе заморосил дождь.

Матери показалось, что сейчас она плачет не одна.

Но на ее слезы никто внимания не обращал.

Будто их не было.

Молчаливое путешествие по мокрому Берлину заняло меньше получаса. Автомобильные пробки помехой не стали. Выйдя из такси, отец сразу взял инициативу в свои руки и быстро, по-предводительски, повел семью за собой. На перроне уже собралось много народу, и приходилось буквально протискиваться между кучками чемоданов и людей. Иногда спотыкаясь или наступая кому-нибудь на ноги. Не всегда успевая извиняться за свою неуклюжесть или неосторожность.

И тем не менее всем троем было приятно оказаться в непривычной суголке. Почувствовать себя среди равных и одновременно среди избранных.

Это чувство дорогого стоило.

Предстояло только найти квадратный метр свободного места. Чтобы обустроить свое ожидание. До прощания оставалось совсем ничего.

Расположились росточки под вокзальными часами.

Родители старались смотреть по сторонам.

Сын же смотрел себе под ноги.

Позже из окна вагона Ральф попробовал улыбнуться – не получилось. Помешал протяжный гудок локомотива. Поезд тронулся.

Тяжело вздохнув, толпа провожающих всколыхнулась.

Ее потянуло вслед за поездом.

Расставание выдалось не из легких.
В ход пошли зонты, ленты и носовые платки.
У кого-то в руках появился гэдээровский флаг.
Ральф подумал, что его провожает вся Германия.
Впрочем, в этой промокшей от дождя мысли не было
чрезмерного преувеличения.

Отныне юный активист на самом деле переходил в более
престижную категорию.

Становился человеком международного масштаба.

На глаза новоиспеченного студента вдруг навернулись
детские слезы.

Он попытался было по-мужски их сдержать, дрожащим
пальцем прижав очки к переносице.

Чтобы скрыть свою слабость перед соседями по купе.

Но не получилось.

Тем временем наступил самый ответственный момент.

Родители судорожно замахали руками.

Родители оставляли любимого сына насдине с новой,
взрослой жизнью.

Они были горды.

Они были счастливы.

Для них тоже начиналась новая жизнь.

Хотя и не без привкуса горечи.

Еще один гудок прозвучал как прощальный.

Отец рукавом вытер со лба пот.

Мать беспомощно взглянула на мужа.

Они обнялись.

Крепко.

Мать плакала.

3

Когда выглядываешь из-за угла, всегда нужно помнить, что
со спины тебя видят из-за другого угла.

Это – закон.

Предостережение.

А иногда и предупреждение.

Для любого игрока.

Независимо от того, в какую игру ты вязался и на каких
условиях.

Тем более если она сопряжена с риском.

С риском для карьеры и твоего светлого будущего.

Ральф всматривался в неведомый ему советский мир не без
робости. Пока он не знал, каких сюрпризов и каверз от сего мира
ждать. Поэтому, в первую очередь, он надеялся только на себя
самого. Для начала это был весь его ресурс.

В Москве Ральф принял работу над собой и своим
образом еще усерднее.

Ведя игру аккуратно и осмотрительно.

Из всех путей, что ведут к победе и признанию, немец не
выбирал полегче и покороче. Для него такие понятия как
«работа», «борьба», «будущее» имели похожий смысл. Немец
серьезно вникал в свой второй родной язык. Охотно
разговаривая со всеми профессорами и студентами на разные
темы. Он легко знакомился практически с каждым. Правда,
близко к себе подпускал лишь тех, кто хоть чем-то выделялся на
фоне однотонно-скучной советской массы, кто умел
самостоятельно мыслить или, по крайней мере, привлекал своей
незаурядной внешностью и поведением. Ведь тот, кто постоянно
на виду, был потенциально интересен для компетентных
органов. Ральф не формально создавал себе окружение. Он
тщательно отбирал материал. А вот какие и с кем сложатся
личные отношения, его особо не волновало. До личного Ральф
пока не дорос. И с этим он не торопился. С подобного рода
субъективностями и частностями он собирался разобраться
позднее. Не только в серьезных, но и в различных
второстепенных вопросах будущей историк-КПСовед
предпочитал точность. Страх случайного промаха над ним
довлеял. Он присматривался к многочисленной университетской
гвардии. Сопоставлял, выжидал, оценивал. Запрягал, на первый
взгляд, медленно, но добросовестно и скрупулезно. Получая
полноценное профессиональное удовольствие от процесса.

Ральф выстраивал свою схему студенческой жизни.

Ральф привыкал к необычному для него укладу.

И никогда не пренебрегал сомнениями.

Как ни странно, немцу с первых дней не понравилось
повсеместное отношение к нему как к иностранцу. Его искренне
раздражало типично советское, игриво-слащавое заискивание
перед всем зарубежным. Хотя от поблажек, которые
притались в стране Советов гражданам других государств,
Ральф не отказывался. Но справедливости ради стоит признать,
что в отличие от заносчивых иностранцев, пользовался ими без
пафоса, не афишируя. Общительно немцу хотелось, чтобы и в
аудиториях, и в общежитии все поскорее забыли о его
чужеземном происхождении, чтобы воспринимали как равного
среди равных, без церемоний и лишних комплексов. Ему
хотелось отличаться от других иностранцев. Ему хотелось,
чтобы его считали «своим». И буквально за два-три месяца он
без видимого труда этого добился. От чего уважения к нему на
всем историческом факультете лишь прибавилось. Молодому
неприхотливому немцу и в самом деле нравилось жить в одной
комнате с русскими сверстниками. Бесконечно спорить с ними и,
не в последнюю очередь, от души веселиться в разных шумных
компаниях.

Несколько сложнее складывались отношения у Ральфа со
своими соотечественниками, которых в университете, к его
удивлению, училось немало. В отличие от простоватых потомков

Михайло Ломоносова, эти смекалистые юноши и девушки оказались здесь не случайно и требовали к себе нестандартного подхода. Ральф прошел с ними одну и ту же гэдээровскую школу и отлично понимал, что не только ему придется придиричиво выискивать недостатки в своих земляках, но и сам он будет находиться под их неусыпным перекрестным наблюдением. И докладные придется писать всем, часто и в основном одинаковые. Порядки в восточно-германском землячестве иногда были похлеще советских. А коэффициент друг-на-другого доносительства в его стройных несокрушимых рядах достигал практически ста процентов. Гэдээровская безопасность гордилось этими «священными» показателями. Вот уж где нелегко было сыграть на опережение. Вот когда ни в коем случае нельзя было допускать ошибки. Все напрямую передавалось в спецотдел посольства. Оправдания там никогда в расчет не принимались. Зато молниеносно принимались решения. Даже незначительный по советским меркам проступок мог в одночасье перевернуть дальнейшую судьбу еще вчера образцового эфдэтовца. Порой пустяковое недоразумение становилось роковым. Гэдээровская родина оступившихся не прощала. Она сразу отказывалась от услуг ненадежных. Ставя на карьере несостоявшегося специалиста жирный несмыываемый крест.

Ральфу предстояло действовать на два фронта.

Ральф настраивался на две победы.

Если не считать науку.

И хотя времени ему катастрофически не хватало, немец все равно умудрялся успевать многое. Расходуя энергию и силы целенаправленно, экономно, продуманно. А везде, где того требовала ситуация, он без колебания проявлял инициативу и свои лидерские качества. Этого у юного активиста было не отнять.

Массам нужен лидер.

Его ценили.

Его хвалили.

На всех собраниях.

По любому поводу.

Старшие советские товарищи никогда не жалели для него броских эпитетов. По каждому поводу ставя в пример собственным неисправимым прогульщикам, троечникам и лентяям. К праздникам и всевозможным годовщинам ему регулярно объявляли благодарности, награждали всякими бесполезными сувенирами и почетными грамотами. С размахистыми красными знаменами и портретами Ленина. За подписями уважаемых партийных и университетских начальников. Ральф надолго застолбил себе центральное место на обитой бордовым бархатом факультетской доске отличников. Сам того не ведая, он становился в глазах однокурсников живым воплощением пламенной советско-гэдээровской дружбы.

Преподаватели удивлялись, как этот юный иностранец сумел столь быстро овладеть русским языком. С какой легкостью он общался со всеми, кто его мало-мальски интересовал.

Авторитет Ральфа рос изо дня в день.

Теми же темпами накапливался и опыт.

И что стоит отметить: в окружении немца не было ни врагов, ни соперников. Ни тайных, ни явных. Наоборот, к числу желающих с ним подружиться можно было отнести весь курс. Поэтому и задачи, поставленные перед будущим историком берлинскими спецслужбами, упрощались. Ведь он с утра до ночи учился и работал среди тех, кто хотел видеть в нем товарища. А значит, доверие к нему было гарантировано. Оставалось тонко и умело этим доверием воспользоваться.

Немец старался.

У немца все получалось.

И он быстро привыкал к успехам.

Регулярно фиксируя их на бумаге. Вести полноценный дневник Ральф, конечно, позволить себе не мог. А вот письма в родной балтийский Росток шли каждую неделю, на пяти-шести страницах, из раза в раз полные счастья и восторга. Полные счастья и восторга, приходили оттуда и не менее длинные ответы.

Это были самые радостные дни недели.

Семья, школа, страна переживали за своего примерного воспитанника.

Поддерживали и вдохновляли.

«Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас».

Все они были одной сплоченной командой.

Молодой, но уже с чемпионскими традициями.

И кто знает, может, когда-то Ральф станет их верным капитаном?

Часть I
DRANG NACH OSTEN

Далеко не всегда герои-символы уходят вместе с превозносившей их эпохой. Нередко они изменяют самим себе и своему прошлому. Без стеснения пристраиваясь к эпохе следующей.

Эгоизм как высшая форма человеческой искренности.

Искренность как высшая форма человеческого эгоизма.

1

То, что Москва – не только столица страны Советов, но и центр коммунистической цивилизации в двадцатом веке признавало практически все человечество. При этом одна его половина непоколебимо верила во все без исключения ее революционные начинания и эксперименты, другая – настолько же непоколебимо все большевистские лозунги, тезисы и их зримые площадные воплощения ненавидела. Равнодушных не существовало.

Мир четко делился на коммунистов и на их не менее пламенных антиподов.

Идеологически выдержанный Ральф, разумеется, как и подавляющее число его соотечественников, относился к первой, то есть к прогрессивной половине. Ральф был идеальным продуктом марксистско-ленинского учения. Он уже с детства имел богатое представление о Москве. И, нужно отдать ему должное, патриотическими советскими кинолентами и популярными картинками из школьных учебников оно не ограничивалось. Ральф много читал. Ральф знал почти всех русских классиков. Был знаком по фотографиям со всеми советскими вождями и некоторыми героями-партизанами-революционерами. И даже проявлял интерес к их подвигам. Не зря же он собирался стать настоящим политиком. А уж как и где делается настоящая политика, из кого растят самых преданных, ответственных и красноречивых государственных деятелей, в ГДР знал каждый. В Берлине этого ни от кого не скрывали. Скорее, наоборот, восточно-немецкая демократия всегда гордилась идейными связями с советскими братьями. Гордилась и всеми силами эти связи из года в год укрепляла. Укрепляя тем самым и собственную власть.

Все тропы к берлинскому трону вели через Москву.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что молодому человеку из скромного, невзрачного Ростока повезло.

С первых шагов самостоятельной жизни он оказался в городе, который без преувеличения называли истинным воплощением мирового коммунизма и который, с учетом особенностей эпохи и максималистских планов подающих надежду большевиков, никак нельзя было обойти.

Ральф оказался в нужном месте в нужное время.

С нужными рекомендациями.

И нужными убеждениями.

У него появился шанс не только получить образование, но и на практике подготовиться к достойному применению этого образования в будущем.

Немец глубоко вдыхал московский воздух.

Немец каждый Божий день причащался грандиозными советскими свершениями.

Теперь молоткасто-серпастое полотнище развевалось над Кремлем и в его честь. А просыпался он по утрам вместе со всеми жителями 1/6 части суши под бодрые звуки общего гимна.

И даже слова его выучил наизусть.

Постоянно повторяя их во время короткой зарядки.

Одной мечтой стало меньше.

Одной реальностью – больше.

И все же для серьезных отношений с Москвой у Ральфа в начальные месяцы учебы попросту не хватало времени. Лекции. Семинары. Собрания. Беседы с преподавателями и разного рода боссами-кураторами. Общественная нагрузка в землячестве. Ответственные визиты в посольство. Почти все вечера напролет – в библиотеках. Даже развлечения – исключительно в стенах родного общежития и только по выходным. И то, без особых экспромтов, по расписанию. Права на свободное время у Ральфа не было. О каком же близком знакомстве с Москвой могла идти речь?

Откуда ему, немцу, было знать, что люди в этом городе чаще живут чувствами, нежели расчетом и разумом. Тогда как будущий историк привык интересоваться лишь сухими конкретными фактами и лишь на их основе выстраивал свои отношения с миром. Все абстрактное было не его стихией. Все абстрактное не внушало доверия. Слишком уж оно отдаляло от идеалов.

Поэтому не сразу Ральф понял, что судьба привела его в город, в который можно влюбиться как в живое существо. И который, как живое существо, способен на искренность и взаимность.

Ситуацию спасла весна.

Первая московская весна Ральфа.

С наступлением тепла его потянуло на волю. Подальше от каждодневного однообразия и сумятицы. Подальше от серых университетских аудиторий и поднадоевших лиц. Нет-нет, регулярные занятия, конечно, прогуливать он не начал,

общественными нагрузками ни разу не пренебрег. Это было святое. Однако с приходом весны отношение ко всему обязательному стало все-таки немного прохладнее. Более того, при первой же возможности, никому не говоря ни слова, Ральф уезжал в центр Москвы, где и пропадал нередко до позднего вечера. Скоро в старой части города у него появились «свои» маршруты, которые он чередовал в зависимости от погоды и настроения. А в приглянувшихся непритязательных кафе или ресторанах немец позволял себе не только передохнуть, съесть салат «Столичный» и полюбившуюся «Котлету по-киевски», но и неторопливо, с вдумчивым видом молодого интеллектуала, «повкушать» бокал-другой сухого грузинского вина. Об этом в письмах родителям примерный сын никогда не упоминал. В конце концов, маленький первый личный секрет был тоже признаком нарождавшейся зрелости.

Ральф мужал.

Ральф искал себя и – находил.

Первая московская весна довольно серьезно изменила отношение будущего историка к жизни. В однообразно-монотонном ритме стали вдруг появляться даже проблески романтического вдохновения. И хотя стихи писать он не начал тем не менее иногда, блуждая по два освещенным вечерним переулкам, Ральф напевал себе под нос мелодии популярных гдээрзовских шлягеров, которые полюбил еще в школе.

Ну разве мог он раньше представить, что быть один на один с городом – это ни с чем не сравнимое удовольствие? Оказывается, и не злоупотребляя свободой, можно легко почувствовать ее вкус.

Через какое-то время отношение Ральфа к людям стало менее настроженным. Неожиданно для себя он перестал избегать чужих взглядов и научился смотреть собеседнику в глаза. Он больше уже не стеснялся улыбнуться в ответ совершенно незнакомому человеку. Ему даже стало иногда нравиться, когда во время прогулок на него вдруг кто-то обращал внимание. Правда, эта символическая внутренняя контрреволюция происходила с ним за пределами alma mater. А несколько часов спустя в университете или в общегитии все степенно возвращалось на круги своя. Вел себя немец, как прежде. Ни в чем не противореча своему устоявшемуся образу и еще в Германии расписанной по пунктам роли. Он продолжал избегать непредсказуемости и ненужных рисков. Он делал все, чтобы его личностные, сугубо интимные открытия остались незамеченными для окружающих. Никто не должен был знать, что загадочный иностранец бывает не только таким, каким все привыкли его видеть. Да и ему самому не следовало об этом часто вспоминать.

Пускай и с опозданием, но Москва немца приняла. Она нашла ему место в своем необъятном сердце. И немец стал чаще

задумываться о постуниверситетских перспективах. Он совсем не прочь был связать свое будущее с этим городом. Понятно, что как патриот своей страны, он не собирался поселиться здесь навсегда и тем более заводить семью. Строить семейную крепость надо дома, на родине, поближе к родителям. И все же Ральф был уверен – ему придется еще не раз приезжать в Москву. Заниматься серьезно тем, чем он собирался заниматься, без учета мнений советских товарищей было утопией.

Постепенно немец открывал для себя мир большого города. И одновременно сам органично становился частью этого мира. В ту весну он впервые ощутил, что кроме учебы, посольства и прочих обязанностей существует еще другая жизнь. И хотя на эту тему он мог лишь фантазировать, Ральфу все же казалось, что однажды он к этой другой, закулисной, жизни прикоснется. Рано или поздно Москва откроет перед ним свои тайны. И немец ею овладеет.

В этих надеждах он не был далек от истины. Уж так сложились исторические, что Москва из кожи вон лезла, стараясь всем угодить. Это было в ее характере. И в ее принципах. Хотя и зачастую трудновыполнимо. Она не любила никому ни в чем отказывать. Нередко вступая с собой в противоречия. И, как ни один другой город, дорожила многочисленными слухами о своей сказочной гостеприимности.

«Москва – щедрая душа!»

«Москва – открыта для любых страстей!»

В Москве каждому гостю что-то да выпадало. Кому – политика и рубиновые звезды Кремля, кому – девушки, водка, икра, кому – эпический балет и всемирно известный «Большой». Кому – достаточно было лишь неторопливых, вальяжных прогулок в едва приметном скверике напротив «Большого». Вот почему все ступавшие на разгоряченную московскую землю всегда стремились раскрыть себя здесь полностью, от души, с поистине русским размахом. Нужно было доказать, что ты достоин такого внимания. Что ты лучший из лучших. А без амбиций ну какой был смысл приезжать в белокаменную?

Можно еще упомянуть и тех, кто приезжал в советскую столицу с более-менее прозаичными целями и мечтами – зарабатывать на жизнь или постигать науки... Впрочем, провинциальные трудяги и студенты тоже люди, поэтому все выше перечисленное в той или иной степени им тоже было не чуждо.

2

Перед самыми майскими праздниками между лекциями к Ральфу подошел незнакомый человек и, можно сказать, по-приятельски, с улыбкой предложил отойти в сторону и поговорить. На вид ему было лет тридцать – тридцать пять. Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой «полубокс» и,

что особенно бросалось в глаза, совсем не по-советски модно одетый. Представился незнакомец не сразу, а только после того, как они с гэдэровцем уединились в дальнем конце факультетского коридора, на безопасном расстоянии от любопытствующих ральфовских однокурсников. В СССР редко кто из русских мог позволить себе одеваться на уровне западных иностранцев. И это, конечно, привлекало внимание.

Прочитав позолоченные буквы на красной корочке предъявленного удостоверения, будущий историк не на шутку заволновался. Во-первых, до сего дня с советскими спецслужбами сталкиваться ему не приходилось. А тут вдруг такая честь. Во-вторых, живого сотрудника КГБ он рисовал в своем воображении, мягко говоря, иным. В этом же – ничего сурового, ничего сверхъестественного, ничего героического и в помине не было. Наоборот, он был похож на человека, который сам старается держаться подальше от КГБ. Да и говорил он довольно расплывчато и не всегда понятно о чем.

За исключением дежурного предупреждения никому не рассказывать об их встрече и еще двух-трех отчетливо сформулированных вопросов, все остальное вполне можно было принять за розыгрыш. Правда, в отличие от внешнего вида чекиста, содержание его не совсем вразумительного монолога Ральфа не очень удивило. Скорее всего, человек пришел на несколько минут, на беглую разведку, и даже не собирался начинать серьезного разговора. Ему нужно было лишь познакомиться и договориться уже о свидании по существу, в спокойной деловой обстановке. Подальше от университетской территории.

Подальше от лишних глаз и языков.

Наверняка следовало ждать какого-то предложения.

Хотя студент-первокурсник не очень и понимал, чем конкретно он мог быть полезен столь важному визитеру, однако интуиция и эфдэтовская логика его не подвели. Рассуждал он в правильном направлении. Люди из КГБ случайно ничего не делают. И уж тем более не приходят к иностранцам без причины. А точнее, без распоряжения своего начальства. Люди из КГБ зря время не тратят. Оно для них – тоже оружие.

Владимир Владимирович, а именно так представился широкоплечий модник, разумеется, был специалистом высокой квалификации. Иначе бы работу с иностранцем ему не доверили. Поэтому можно было не сомневаться, что этих самых нескольких минут ему достаточно, чтобы определить дальнейшую жизнь немца. Кадровый чекист не только все до мелочей замечал, но и по-актерски делал вид, будто он ничего не замечает. Для Ральфа же, как ни странно, этакая мнимая легкость и непосредственность общения были спасением. Уж очень ему не хотелось признаваться в своем влечении. Правда, через несколько минут он взял себя в руки. А после внушительных

слов: «Ваши немецкие товарищи в курсе», – и вовсе воспрянул духом. Оставшееся время немец уже держался свободно. Даже пытался понравиться Владимиру Владимировичу. Он хотел произвести впечатление надежного и уверенного в себе человека. Другого такого шанса могло не быть. Вот почему сей импровизированный блиц-экзамен необходимо было выдержать только на отлично.

Ральф напряг всю свою волю.

И выбрался из нелегкого положения.

Он осознал, какое испытание послысала ему судьба и как важно ему было сейчас утвердиться. И не в последнюю очередь, в собственных глазах.

Комсомольца-эфдэтовца можно было поздравить с первым успехом. Понравиться кадровому чекисту с первого взгляда дорогого стоило.

Разговор оборвался неожиданно, одновременно со звонком об окончании перерыва. Создалось впечатление, будто мерзкий дребезжащий звук застал обоих врасплох. Во всяком случае, так выглядело со стороны. Товарищу немцу пора было бежать на следующую лекцию. Он не хотел заходить в аудиторию после ее начала, на виду у всего курса. Хотя о лекции он думал сейчас меньше всего.

Расставание получилось несколько скромным.

Зато доброжелательным и естественным.

Напоследок реальный дзержинец, модник и артист в одном лице удостоил Ральфа открытой улыбкой и крепким мужским рукопожатием. Что дзержинцу начинающему не могло не польстить.

Ральф спешно удалялся в длинном тоннеле коридора.

Словно летел навстречу великим свершениям.

Владимир Владимирович, застав темным силуэтом, не торопился. Проводив немца изучающим взглядом, он выждал, когда студенты разбредутся по аудиториям, и только потом направился к выходу. Уже совсем другой походкой, без улыбки, но в хорошем рабочем настроении.

Визит удался.

Визит вошел в историю.

И не только в личную.

Копия отчета сохранилась в архиве.

Ральф мог бы таким отчетом гордиться.

Время и место своего первого шпионского randevу он запомнил на всю оставшуюся жизнь.

27 апреля.

18.30.

Гостиница «Белград-2».

Кафе на первом этаже.

Последний столик справа.

Два дня и две ночи тянулись для Ральфа невыносимо мучительно и долго.

Он никого не замечал.

Ни с кем не разговаривал.

И нервничал, не зная, чем себя отвлечь.

Даже подготовка к весенней сессии вышла из графика, хотя и трудно было в такое поверить.

В голове царил неразбериха: любопытство и чувство ответственности, детское неведение и отнюдь не детская серьезность, чрезмерная гордость, невероятные амбиции. И что подбрасывало дровишек в огонь, чуть-чуть обыкновенного страха. Плюс масса ощущений, до сих пор неведомых и не поддающихся словесному определению. Плюс страстное желание поделиться всем произошедшим с отцом и матерью. В эти трудные дни родителей ему не хватало больше всего. Но, увы, они находились слишком далеко. Других же проверенных людей, кому бы будущий историк доверял, как самому себе, у него не было. Ни там, на родине, на берегу Балтийского моря, ни тут, в Москве, на Ленинских горах. Поэтому строго предупреждение Владимира Владимировича хранить молчание о встрече в данном случае теряло всякий смысл. Делиться секретом изначально было не с кем.

На главную встречу своей жизни Ральф собирался как на интимное randevу. Подстригался, мылся, брился. Белая рубашка, отглаженные брюки, любимый сине-желтый полосатый галстук. Выход из общежития – на час раньше. Неторопливая прогулка по еще не оперившимся зеленью переулкам Старого Арбата – для самоуспокоения. Спасибо календарю. Спасибо весне. Она была как нельзя кстати. Под теплыми солнечными лучами не только свободнее дышалось, но и свободнее думалось. А мыслей накопилось гора. И каждая требовала несложного разбирательства и безошибочного решения. Ральф хотел предусмотреть все до мелочей, с учетом и дня сегодняшнего, и перспективы. Чтобы не разочаровать Владимира Владимировича. В первую очередь надо было подтвердить бытующее в сознании русских мнение о врожденной немецкой пунктуальности.

Для начала это был самый правильный ход.

В нужные моменты о патриотизме будущий историк тоже не забывал.

В конце концов он был немец.

И не беда, что не арийских кровей.

В половине седьмого, незаметно опустив в широкий карман выраженного швейцара трехрублевую купюру, не броско, но празднично одетый молодой человек вошел в гостиницу на Смоленской площади. Можно было, конечно, эти не маленькие

для студента деньги сэкономить, однако тогда в качестве пропуска пришлось бы подтверждать свое иностранное происхождение и предъявлять гэдэровский паспорт.

Ральф не стал привлекать к себе лишнее внимание.

Ральф решил сразу включиться в действие и предпочел игру в конспирацию.

Он спешил опередить события.

Он рвался в невидимый бой.

Сегодня навсегда заканчивалось его детство.

И за оставшиеся считанные секунды до назначенной встречи ему удалось придать своей мальчишеской походке мужской солидности, а внутреннему состоянию – деловитости и хладнокровия.

Будущий историк чувствовал, что великие события не заставят себя долго ждать.

Он был на пути к ним.

Итак, вечером 27 апреля в интуристовской гостинице «Белград-2», напротив громыковского МИДа, началась без преувеличения самый героический период жизни с виду неприметного гэдэровского интеллигента. Или, если быть точным, его многолетнее плодотворное сотрудничество с наиболее авторитетной и отчаянной секретной службой мира, внушавшей ужас не только разного рода врагам, но и друзьям, и даже «своим». Ральф всегда преклонялся перед этим великим советским мифом. А 27 апреля официально стал его неотъемлемой микроскопической частицей.

Если бы на Лубянке существовала доска почета для сексотов, то ангельскому личику в круглых брехтовских очечках на ней бы обязательно нашлось место.

Дверь в кафетерий Ральф открывал с неподдельной уверенностью здешнего завсегдатая. Приглушенный свет. Ненавязчивая музыка. Обитая рубиновой кожей мебель. Посетителей почти не было. Двое подвыпивших «особых» русских о чем-то спорили за стойкой бара. За последним столиком справа в спортивном джемпере с золотистым трилистником на груди восседал Владимир Владимирович, занятый чтением журнала. И каково было удивление гэдэровца, когда, подойдя ближе, он увидел в руках чекиста не всенародно почитаемый в Союзе журнал «Огонек», а запрещенный для продажи западногерманский «Stern». Непроизвольно мелькнула даже мысль о мелкой запланированной провокации. Говоря на прямом гэдэшном языке, о первой проверке на идеологическую прочность. Но подавать виду было нельзя. Любые проверки – тоже часть рискованной, полуподпольной работы. Которых еще предстояло наверняка немало. И к ним нужно было быть готовым всегда.

Ральф принимал вызов.

Ральф чувствовал в себе силы.

Сейчас он мог доказать свою идейную состоятельность на любом уровне.

С сегодняшнего дня он не случайно попадал в чье-то подчинение.

Он считал, что заслужил это право.

Хотя и не ожидал, что это произойдет так скоро.

Да еще прямым попаданием в яблочко.

KaГэБэ – притяжение магическое.

4

«Добрый вечер!» прозвучало вполне бодро.

– Добрый, добрый, присаживайся...

Прищурив глаза, приветливо растянув начальственную улыбку, Владимир Владимирович оторвался от журнала. Его голос казался еще мягче, еще непринужденнее, нежели два дня назад.

– Я надеюсь, ты от кофе не откажешься... Ничего, что я бесцеремонно перешел на «ты»?.. Мне кажется, так будет проще... К чему формальности?.. Деловым отношениям они только мешают... Да и разница в возрасте у нас не Бог весть какая...

– Конечно... На «ты» будет удобнее... А от кофе я не откажусь, если не очень крепкий...

– Крепкий в наших заведениях не делают... О крепком нужно специально просить бармена... Ты что, первый раз в московском кафе?..

– Нет, но кофе я не увлекаюсь...

– Тогда можно черныи чай, лимонад... Или что-нибудь покрепче... На твой вкус...

Немец насторожился. Опять, как с журналом, возникло подозрение.

– Нет, нет... Спасибо...

– Не стесняйся, Ральф... Мы с тобой сейчас не в студенческом общежитии... Я, между прочим, тоже не так давно был студентом и на себе не раз испытывал, что такое «сухой» закон... И за мной тоже гонялся оперотряд... Не бойся, здесь он нас не застанет... Здесь его не бывает... Мы в безопасности... И вообще, с этой минуты ты не должен ничего бояться... Ты как за каменной стеной... Тебе надо научиться везде ощущать себя как дома... Свобода – твой новый козырь...

– ...

– Предлагаю заказать бутылочку грузинского вина... Я угощаю... За встречу... Мы ж имеем право отметить наше знакомство?... Или ты не в настроении?... Чего замолчал?..

– Не знаю...

– Ральф, ну не стесняйся... Будь смелее... Здесь мы свободны... Здесь можно расслабиться... И с вином нам будет гораздо веселее... Давай устроим себе маленький праздник... Ты

же никуда не торопиться... И я на сегодня все свои дела закончил...

Стоило Владимиру Владимировичу незаметно махнуть рукой в сторону стойки бара, как тут же из-за спины немца появился семенящий официант в фирменном бордовом костюме. С чашкой дымящегося кофе и уже открытой бутылкой «Гурджаани» на подносе. У Ральфа создалось впечатление, будто тот стоял где-то за кулисами наготове и только ждал сигнала. Скорее всего, именно так оно и было. Вряд ли будущий историк был тем новичком, с кем подобный сценарий разыгрывался впервые. В этот вечер наверняка все происходило по давно отработанной схеме. Честны не очень-то склонны к импровизации. Тем более в ситуациях, когда можно не напрягаться и спокойно обойтись без нее.

– У тебя есть друзья в Москве?..

– Пока нет... ..

– Никого?!

– Никого... ..

– Совсем никого?!

Ральф покачал головой.

– Вот-те и на... ..

Владимир Владимирович, хотя и знал все окружение Ральфа пофамильно, все равно не ждал такого открытия.

– Ты меня удивляешь... ..

–

– Как можно почти год прожить в Москве и не иметь друзей?.. Надо же, впервые встречаю такого иностранца... Ты нормальный парень... Общительный... Начитанный... Ответственный... Симпатичный... У тебя великолепный русский... И вдруг... Это прямо какое-то недоумение... Между прочим, большинство иностранцев, откуда бы они ни приехали, всегда гордятся тем, сколько у них здесь друзей... Московские компании – это тоже своего рода достопримечательность... Неужели тебе одному совсем не скучно?.. Или ты все вечера проводишь в библиотеке, а выходные на выставках?.. Нужно срочно что-то делать... Нужно исправлять положение... ..

Слово «срочно» вызвало у гэдээровца непроизвольную улыбку. В такой шуточной манере ему еще ни с кем в Москве разговаривать не приходилось. Да и к такому странному развитию событий он готов не был. Владимир Владимирович ему нравился. Совершенно искренне. Но что скрывалось за всей этой непредвиденной и чрезмерной мягкостью? А ведь точно что-то скрывалось.

На нравоучение разговор не тянул.

Зато в наличии интриги можно было не сомневаться.

– С этой минуты можешь считать меня своим первым московским другом... В самом прямом смысле... Если ты не против, конечно... ..

– Спасибо... Спасибо за доверие... ..

– Не надо так официально... Ты правда можешь на меня рассчитывать... ..

– Как же тогда быть с известной русской поговоркой: «Дружба – дружбой, а служба – службой?..» Меня ей еще в немецкой школе научили... ..

– О, это только кажущееся противоречие... На самом деле одно другому совсем не мешает... Ты скоро в этом убедишься... На нашем с тобой опыте... Сомневаться?.. Хорошо, смотри... Встретаться с тобой мы будем четыре раза в месяц... И давай договоримся, к примеру, так: три раза – по службе, а один раз – по дружбе... Идет?.. И ты увидишь, что в нашем случае одно без другого просто не может существовать... ..

–

– По службе ты будешь приходить ко мне в кабинет... В центре, рядом с площадью Дзержинского... Раньше она Лубянской называлась... Там будем обсуждать наши текущие вопросы, проблемы, планы... А для дружбы мы останемся, опять же, к примеру, на этом кафе... Кроме иностранцев и «своих» русских, здесь никого не бывает. Свободный столик в углу нам всегда обеспечен... Можно спокойно поговорить и даже отдохнуть... Между прочим, на втором этаже есть очень уютный ресторан... Он зимний сад напоминает... Прекрасное обслуживание... Отличная кухня, одна из лучших в Москве... Сюда любят приходить дипломаты и западные бизнесмены... Внизу, в подвале – бар с модной музыкой и веселой публикой... До четырех часов утра... В любой день недели... А если понадобится, можно легко продлить удовольствие... Даже при закрытых дверях... Все в нашем распоряжении... И в наших силах... Так почему не совмещать службу с дружбой, полезное с приятным?.. Хотя бы раз в месяц... В твоем возрасте об одной учебе думать вредно... Причем вредно и для самой учебы... Ну, разве я не прав?.. Думаю, что в душе ты со мной все же согласен... ..

–

– Чего молчишь?.. Оглянись вокруг... Надо ощущать себя современным человеком во всем... Нельзя отставать от жизни... Опоздаешь сейчас, потом не наверстаешь... Университет – не только учебники, лекции, оценки в зачетке... Это еще и молодость... ..

И хотя Ральф ни на секунду не расслаблялся, вино он пил не без удовольствия. Все было, как полагается за русским дружеским столом: с тостами, пожеланиями и кучей обещаний. Ни намека на повышенную серьезность ни в чем. Но вот что действительно нравилось немцу, так это то, что, в отличие от

других русских, Владимир Владимирович с вином не торопился, наливал помалу, смаковал. И можно было не опасаться быстро опьянеть. Да и сам он держался.

– Я знаю, что у первокурсников со временем туго... И все же, какой день у тебя поспокойнее?..

– Воскресенье, наверное...

– Очень хорошо... Тогда на воскресенье я дам тебе нетрудное задание... Пойдет?..

– Пойдет...

– В конце каждой недели тебе нужно будет писать для меня небольшой отчет... На две-три странички... Все, что покажется тебе подозрительным, изложишь на бумаге... В произвольной форме, простыми предложениями... Кого бы это ни касалось: иностранцев, русских... Студентов, преподавателей, гостей в общежитии... И главное, твое мнение по поводу этих событий и людей... Желательно в нюансах, деталях, чтобы лучше разобраться в ситуации... И не бойся ошибиться... Тебя за это никто не накажет... Не бойся первых впечатлений и резких оценок... Да, в них можно засомневаться... Зато они порой бывают самыми объективными и точными...

– Хорошо...

– А в понедельник, к половине десятого утра, будешь приходить ко мне на Дзержинку... Насколько я помню, первая пара у тебя физкультура, на которую иностранцы никогда не ходят... Только постарайся не опаздывать... Потом целый день меня не поймать... Понедельник – день тяжелый, расписан по минутам, и у нас с тобой будет всего полчаса... На всякий случай я оставлю тебе номера своих телефонов... И рабочий, и домашний... Мало ли... Может быть, понадобится срочно со мной связаться... Звони, не стесняйся, в любое время... По любым вопросам... Ночью тоже... Отныне все твои проблемы становятся нашими, общими... И решать их нам предстоит вместе... Кстати, без серьезного повода тоже звони... Договорились?..

– Договорились...

– Сейчас, я думаю, нам неплохо бы заглянуть наверх, в ресторан... Пора и поужинать... Иначе у нас не совсем по-русски получается: пить – пьем, а не закусываем... Какое у тебя любимое в Москве блюдо?..

– «Котлета по-киевски»...

– Отлично!.. Я к ней тоже неравнодушен... Сейчас ты ее попробуешь в лучшем исполнении...

– ...

– Да, чуть не забыл, этот журнал забери с собой... Он тебе пригодится...

Владимир Владимирович протянул Ральфу «Stern».

– Полистай на досуге, почитайшь на своем родном, Германию вспомнишь, развеешься... Мне показалось, там много

любопытностей... Да и соблазнительных картинок полно... Посмотри, посмотри... Желательно даже показать его своим знакомым... Соседям по комнате, предположим, товарищам по группе... Товарищам товарищей... Ну, и так далее, круг не ограничивай... На твое личное усмотрение, разумеется... Кому посчитаешь нужным... Понаблюдай за их реакцией... Послушай комментарии... Если попросит что-то перевести, не поленись, переведи, подискутируй, но своего истинного мнения никогда не навязывай... Позволь собеседнику себя выразить... Может, как иностранцу, он что-нибудь такое скажет, чего не скажет своим... Потом обо всем подробно напишешь в отчете... И кстати, еще... Мой тебе маленький совет: если хочешь заполучить от русского интересную информацию, для начала постарайся убедить его в своей искренности... Неплохо, чтобы он тебе капелку почувствовал... Чтобы он в тебя поверил, пренебрежись душой... Понимаешь?.. И он сам раскроется... Просто для этого может потребоваться время... Никогда не торопись, потерпи... Удача не всегда с неба падает... Поделись с человеком какой-нибудь задуманной историей, придуманной тайной, бредовой идеей... Ну, или что-то в этом роде... Сходи с ним в кино, бар, на футбол, погуляйте без дела по городу... У Москвы масса предложений... Не бойся расслабиться, не бойся сентиментальности... Поверь мне, русский непременно ответит тебе тем же... Это у нас всех в крови... Тебе, как немцу, надо об этом помнить и в этом ключе работать...

– Буду стараться...

– Молодец... Такой ответ меня впечатляет... Ты правда серьезный парень... Но имей в виду, без друзей в нашей работе не обойтись... Пора, пора ими обзаводиться... В них залог и твоих, и наших общих успехов... Посмотри внимательнее вокруг...

Ральф неожиданно почувствовал, как мягкости в голосе чекиста несколько поубавилось.

Все становилось понятнее.

Выбор роли может быть добровольным, но исполнение ее до конца не исключает принуждения.

5

Девушку звали Наташа.

Симпатичную блондинку с длинной, словно из русской народной сказки, косой будущей историк заметил еще с первых дней учебы, однако до серьезных мыслей и тем более действий дело не доходило. То храбрости немцу не доставало. То нужных слов. То четкого представления, как себя с девушкой вести. А чаще всего элементарного, но главного – времени.

Училась Наташа на одном с Ральфом курсе. И жила в общежитии на одном с ним, четырнадцатом, этаже, что на проспекте Вернадского. Сталкивались они едва ли не каждое

утро в лифтовом холле, когда в одно и то же время шли на занятия. Частенько ненароком переглядывались. А изредка даже оказывались рядом и смущенно, исподлобья друг другу улыбались. Но только так, чтобы никто этих улыбок не заметил. На том скупое подростковое общение обрывалось. Из переполненного лифта будущий историк обычно вылетал уже без оглядки и, размахивая солидным портфелем-дипломатом, вихрем мчался к троллейбусной остановке. Учеба, как Родина, звала всегда. И скидок на личную жизнь не делала. Понятно, что худенькая девушка Наташа никогда за немцем не попевала и всякий раз обиженно, с упреком поглядывала ему вслед. Ральф же к тому моменту из игры выбывал. Девичьи надежды таили, что называется, в глазах. Впрочем, за реактивным немцем не попевал никто.

И вот однажды, в воскресенье, собравшись после обеда погулять на Ленинские горы, Ральф все там же, у лифта на четырнадцатом этаже, но на сей раз совершенно случайно вновь пересекся с Наташей. Очутившись с девушкой один на один, без свидетелей, он осмелился заговорить. Чинно назвал свое имя, вежливо спросил ее. Не забыл уточнить и номер группы, в которой она занимается. А получив без колебания исчерпывающий ответ, сказал, что ему приятно познакомиться с русской девушкой.

Потом – минута обоюдного смущения.

После чего, поинтересовавшись настроением, Ральф предложил погулять вместе.

Наташа не поверила собственным ушам.

Ее милое спокойное личико тут же преобразилось.

Она настолько была рада первому живому слову давно приглянувшегося иностранца, что даже не стала скрывать восторженных эмоций. И сразу изменила намеченные на день планы. А точнее, не раздумывая, просто о них забыла.

Обстоятельства в то воскресенье Ральфу откровенно благоволили.

Благоволила и погода.

По молчаливому согласию на Ленинские горы юная пара пошла пешком. Немного романтики и лирики для премьерной прогулки было просто необходимо.

По дороге говорили обо всем, что приходило в голову. Однако меньше всего об экзаменах и предстоящей летней практике. Наташа оказалась не такой молчаливой, какой ее поначалу рисовал в своих робких фантазиях юный Вертер. Задавала массу неожиданных вопросов: о Германии, о ее столице, о немецком комсомоле, о маме с папой, почему по субботам редко приходит на танцы, осталась ли у него дома любимая девушка, какие девушки ему симпатичны, что он читает в свободное время, чем интересуется, кроме истории. И к

каждому вопросу немец относился серьезно, давая внятное, исчерпывающее объяснение.

По-другому он не умел.

К тому же ему понравилось быть объектом внимания обаятельной девушки.

Ему впервые в жизни нравилось нравиться.

Наташа была без ума от Ральфа.

Наташа не давала Ральфу перевести дух.

Девушке из старинного русского города Архангельска было интересно буквально все. И, пользуясь случаем, она придумывала все новые вопросы. Завязывала дискуссию. Легко меняя серьезный вид на улыбку и наоборот. Кто знает, может, ей выпал шанс. Ведь до этого счастливого воскресенья она еще никогда ни с одним иностранцем так долго и на такие сокровенные темы не общалась.

Тот день стал днем открытий для обоих.

Никакого двусмыслия.

Впервые Наташа чувствовала себя счастливой.

И покоренной.

Ральф впервые задумался о личном.

Стрелки на часах никого не интересовали. Прогулка затянулась до самого вечера. А когда начало темнеть и чуть похолодало, Наташа рискнула без разрешения взять Ральфа под руку и слегка, по-дружески, к нему прижалась. Немца такая интимная вольность несколько удивила, но виду он не подал.

Ему было приятно.

Для него это были неведомые до сих пор ощущения.

На мгновение ему даже стало жарко.

Но лишь на мгновение.

Ральф быстро пришел в себя.

Чтоб отвлечься, он попросил свою спутницу рассказать что-нибудь о ее родном городе. Он любил познавательные лекции, чего бы они ни касались. И был удивлен, когда узнал, что Наташа родом из тех же мест, что и сам Михаил Васильевич Ломоносов. Вот так совпадение! Для лобового студента, истого патриота МГУ, это был безразличный факт. Авторитет коллеги-красавицы в глазах Ральфа сразу и существенно вырос.

Монолог о славном городе Архангельске растянулся на всю обратную дорогу. Ральф с умным видом то и дело кивал головой, не смея прерывать его вопросами.

Впрочем, вопросы в данном случае не имели значения. Рассказ настолько изобилует ссылками и фактами, что после этого вечера немец мог похвастаться подробными знаниями по истории уже четвертого советского города. После Москвы, Ленинграда и Волгограда.

Расставаясь, Наташа и серьезный Ральф договорились через неделю пойти вместе на танцы, а потом – к Наташе в комнату. Обе соседки, с которыми она жила, были родом из Подмосквы.

На выходные они часто уезжали домой, к родителям, а возвращались в понедельник утром, прямо на занятия. Столь заманчивое приглашение Ральф воспринял с энтузиазмом, но внешне это опять не проявилось. Для эфдэтовца сдержанность – все равно что для джентльмена трость и шляпа. Хотя немец представил, как будет здорово после шумной дискотеки уединиться в тишине с милой русской девушкой и при свете настольной лампы, вопреки всем драконовским общежитьевским запретам, выпить с ней по бокалу вина. Тем более что свои дела он делает заранее, и куда не нужно будет спешить.

Напоследок, пообещав ждать субботы, Наташа игриво поцеловала иностранца в щеку. Это был ее второй «риск» за вечер.

Иностранец не сопротивлялся.

Несмотря на то, что это произошло в холле общежития, на людях.

Иностранец окончательно сдался.

Добровольно.

И о прогулке не жалел.

Перед дверью своей комнаты он на несколько секунд остановился.

Непорочный Ральф пребывал в непривычном для себя психологическом состоянии.

Хорошо, что соседей по комнате не оказалось дома.

И хорошо, что отчет для Владимира Владимировича он написал еще с утра.

Браться за ручку и бумагу в тот вечер не имело смысла.

Ему хотелось поскорее лечь в постель.

Нет, не спать.

Только закрыть глаза.

6

Быть по призванию историком, а по жизни настоящим математиком – пожалуй, самое перспективное сочетание для начинающего политика. Каковы бы ни были карьерные амбиции, в конечном итоге именно эти две способности определяют его профессиональный уровень и характер, его профессиональное будущее.

Молодые люди с такими незаурядными способностями стараются проявлять себя стратегами и тактиками во всем. Они не умеют выстраивать свои отношения с окружающим миром незатейливо и однозначно. Они – прирожденные дипломаты и к каждой пустяковине относятся осторожно, придирчиво, ответственно. Выскивая в любой ситуации скрытые подвохи и хитросплетения. Постоянно стремясь во что бы то ни стало раскрыть хоть какой-нибудь заговор. Жить поиском врагов – у них в крови. Ну а когда реальных врагов обнаружить не удается, они отнюдь не стесняются их придумывать. С врагами жить

намного легче. Жизнь без врагов им кажется неполноценной. Хотя оправдать и даже понять будущих политиков нетрудно. Где же еще, как не в борьбе противоположностей, представится возможность доказать свою профпригодность? Причем и к настоящим врагам, и к надуманным отношение у них одинаково решительное. Поэтому с историками-математиками чаще всего не только бессмысленно спорить – иногда им даже опасно задавать вопросы. А если задал, пеняй на себя. В советские времена это проявлялось особенно наглядно.

Гром разразился внезапно, среди всегда безоблачного ральфовского неба.

Буквально через несколько дней после знакомства с Владимиром Владимировичем.

И по вине человека, который за целый год учебы ничем не отличился и на которого до того дня мало кто обращал внимание. Скромное поведение. Средняя успеваемость. Незвращная внешность.

Минут за десять до начала семинара по истории КПСС все уже сидели на местах. Ральф, по привычке – в середине последнего ряда, в передние его не тянуло. Это было в его стиле: находиться в тени и в то же время держать в поле зрения всю аудиторию. Каждый копался в своих учебниках и тетрадях. Каждый не на шутку нервничал. И вдруг в этот напряженный момент к гэдээровцу поворачивается один из сидевших впереди одноклассников, – тот самый, тихий, неприметный – и во всеуслышание спрашивает: «Ральф, а ты Ницше читал?»

Все двенадцать человек, вмиг оторвавшись от науки, замерли. Кто – удивленный вопросом. Кто – в ожидании ответа. Но ни те, ни другие в ту страшную секунду даже не подозревали, что, в отличие от страны большевиков, где имя великого пророка эпохи нигилизма все-таки никогда официально не запрещалось, в братской социалистической Германии оно произносилось исключительно шепотом, в жиденьком кругу диссидентов-интеллектуалов. Будучи там практически вне закона.

У Ральфа перед глазами перепугались все строчки. Он не поверил, что услышанное относится лично к нему. Для комсомольца-эфдэтовца это было равносильно вопросу, считает ли он Гитлера своим соотечественником. Такой силы удар Ральф еще никогда не получал. И от кого??? От этого невзрачного середняка! Троечника и лентяя! Сердце застучало молотом.

«Что ему от меня надо?..»

«Откуда он может знать о Ницше?..»

«Наверняка провокатор...»

Ральфу вдруг показалось, что ему объявили войну.

Настоящую.

Вероломную.

Мировую.

«Нет... Владимир Владимирович здесь ни при чем.... О проверке не может быть и речи... Здесь дело серьезнее... За ним точно кто-то стоит...» Но времени на раздумье не было. Нужно было срочно что-то ответить. Чтобы убедить всех в своем спокойствии.

– А ты читал?.. – приглушенно и безразлично произнес Ральф.

Немец в спешном порядке задействовал все актерские способности, которых, кстати, в его переполненном багаже талантов оказалось немало. И о существовании которых до этой минуты он сам вряд ли подозревал.

Ральф будто заманивал жертву в ловушку.

– Нет, пока еще нет... – Почти с сожалением произнес тихоня. – Но мой старший брат как-то пытался читать... «Рождение трагедии» книга называлась... Однако потом бросил, не потянул... Сказал: «Сначала надо всех древних греков наизусть выучить...»

– А может, твой брат и Солженицына пытался читать?.. – перехватил инициативу Ральф. И не просто перехватил. Заставил содрогнуться всех присутствующих.

Любое оправдание из уст перепуганного сокурсника потеряло смысл еще до его произнесения.

Прозвучавшее, как удар медного колокола, имя автора запрещенного «Гулага» сыграло решающую роль, и сразу стало ясно: диалог окончен. Враг повержен! Всего одной фразой! За считанные секунды! Немец даже не удосужился поднять голову и посмотреть в глаза своей жертве. Ральф выступил по высшему классу. И максимум на публику. Такой находчивости, такому хладнокровию мог бы позавидовать любой профессионал.

Это – от рождения.

Это – от природы.

Это – всем талантам талант.

Ральф праздновал победу.

Он чувствовал себя – нет, не победившим гладиатором – он чувствовал себя Цезарем.

Преподав урок выскочке, Ральф вознес себя до небес. Жалко только, что свидетелей у этого урока оказалось не так много. Жаль, что это не произошло перед лекцией, на глазах у целого курса. А еще бы лучше, Ральф пустился фантазировать, в присутствии Владимира Владимировича.

Ошарашенного черствостью гэдээровского товарища тихоня резко развернуло на 180 градусов, и, обиженный, он молча уткнулся в учебник по главной советской науке.

Желание общаться с иностранцем мгновенно пропало. Как сгнуло и все его глупое любопытство. Корить же себя за случившееся было поздно. Тихоня понял, что допустил непростительную ошибку. Понял отвратительный наем и предпочел замолчать. Иначе разговор мог вообще принять для

него угрожающий, если не роковой оборот. И все из-за пустяка, из-за какого-то Ницше! От иностранца подобного подвоха он явно не ожидал. Оказывается, иностранцы тоже бывают разные.

Аудитория принялась судорожно шуршать страницами книг и тетрадей.

В аудитории на комментарий или хотя бы ремарку никто, конечно, не осмелился. Ницше вряд ли произвел на кого-то впечатление. А вот имя Солженицына отдавалось эхом в головах будущих историков еще долго. Рисковать? Зачем? Ради чего и кого? В такой ситуации выступить в защиту легкомысленного троечника мог, пожалуй, лишь сумасшедший. Ведь об этом сразу после семинара стало бы известно в учебной части и потом в деканате. А там подобной вольности скорее всего не простили бы. Попсть в черный список неблагонадежных не хотелось никому. «Пришить» политику могли при первом же случае. На партийных факультетах каждый студент знал цену своему месту в университете. Поэтому воцарившаяся тишина не удивляла. Это была знаковая тишина. Хотя кому-то, может быть, и было противно из-за собственной трусости.

Ситуацию «исправил» преподаватель.

Он, по обычаю, на пару минут раньше вихрем ворвался в души студентов, и занятие началось без вступительных излияеств. Все настолько боялись своего неулыбчивого и дотошного доцента, что о случившемся инциденте быстро забыли. По крайней мере, до конца этого полуторачасового испытания.

Тихоне в тот день не повезло дважды. Ему первому из группы пришлось демонстрировать правильное понимание одной из программных статей Владимира Ленина. Внятно у него не получилось. И преподаватель обошелся с ним тоже без церемоний.

7

Ральф не стал дожидаться воскресенья и в тот же вечер, в четверг, в читальном зале общежития принял за отчет для Владимира Владимировича. Уж очень не терпелось поскорее доложить о происках недругов и победоносном блицкриге. Чтобы не упустить ни малейшей подробности. Ведь именно в подробностях надо было проявлять свои способности и умение. К тому же по свежим следам легче было сформулировать личную позицию.

Подходящий надежды юный гэдээровский дзержинец помнил, что Владимир Владимирович интересовался не в последнюю очередь и его мнением.

Ральф ушел в работу с холодной головой.

И горячим сердцем.

Писалось в удовольствие.

Перечитывалось с еще большим.

Каждое слово, каждая строчка не только протокольно воспроизводили детали произошедшего, но и мастерски их дорисовывали. Неотразимого мастерства хватило на целых три убористых страницы. Три убористых страницы о чем? О ничтожном трехминутном сюжете!

Дебют вышел поистине гроссмейстерским.

Гэдзэровец сам себе понравился.

Носовой платок промокнул вспотевший лоб.

Писатель, прокурор и беспощадный марксист-ленинец торжественно в одном лице.

В сочинительском плане юный Ральф еще никогда так не выкладывался. У несчастного одноклассника не было ни малейшего шанса на оправдание или, из жалости, хотя б на снисхождение. Творчество – чем не оружие? На бумаге родился убедительный образ начинающего антисоветчика. В бескомпромиссной боевой интерпретации начинающего историка и чекиста.

Трудно предположить, насколько конкретно этот донос повлиял на дальнейшую судьбу оказавшегося в эпицентре взрыва несостоявшегося нищеванца. Но то, что из восьми экзаменов и зачетов летней сессии три он впоследствии не сдал и над ним нависла угроза отчисления, говорит само за себя. В передаче же «заваленных» предметов в учебной части ему почему-то отказали. Можно, конечно, подумать о случайном совпадении. Однако, вспоминая странности и разные подлости советской студенческой жизни, резонно в этой случайности усомниться.

В самом начале второго курса незадачливому студенту предложили «в виде исключения» продолжить учебу на заочном отделении. Что в прямом переводе на реальный житейский язык означало отслужить для начала два, а то и все три года в славных вооруженных силах. А уж потом, повзрослев, образумившись и заслужив характеристику от армейских командиров, претендовать на диплом историка МГУ. Как ни сопротивлялся бедолага, как ни ходил он по высокому универским начальникам, уговаривая и собирая подписи в собственную поддержку – все было тщетно. На подписи нескольких десятков сердобольных сокурсников и пары сонных аспирантов суровый деканат, по большому счету, плевать хотел и в своей отеческой заботе о будущем поколении остался непреклонен: либо в заочники, либо полноценное отчисление за неуспеваемость. Такова была банальная практика. По вопросам, от которых попахивало диссидентством, учебный Олимп объявленных решений не отменял. И все оттого, что принимались они в совершенно другом месте. Точнее, на другом, более высоком Олимпе.

В отличие от зеленых студентов профессора-доценты старались ошибок не совершать и позицию деканата суть поддерживали. Они редко противились университетской

карательной системе. Им не хотелось терять свои «теплые» места. Несмотря на звания, они были лишь наемными служащими и тоже находились в зоне досягаемости того, другого Олимпа.

Было от чего тихоне отчаяться.

Было от чего опустить руки.

К занятиям его так и не допустили. А с октября на факультете его больше не видели. И стал ли он в конце концов поклонником Ницше, никто никогда не узнал.

Одним студентом на истфаке стало меньше.

Одним солдатом в стране больше.

Ральф учебные проблемы одноклассника с майской историей напрямую не связывал. Во что отчасти, как ни парадоксально, верилось. Ему же Владимир Владимирович не докладывал о коэффициенте полезного действия его аналитических опусов. И в этом смысле совесть Ральфа была чиста. Во всяком случае, формально. Среди подписей на изъятых заявлениях во спасение студента-неудачника можно было легко разобрать и знакомую всем немецкую фамилию.

Она стояла одной из первых.

Рядом с другими фамилиями из его группы.

Ральф не любил нарочито выделяться из коллектива.

За что неоднократно получал похвалы от лубянского шефа.

Курс был восхищен великодушием гэдзэровеца.

Иностранцы редко реагировали на все, что лично их не касалось. Их эгоизм всегда бежал впереди их иностранного паровоза. Так они были устроены. Так у них было заведено. Защита двоечников и всяких безобразников считалась в университете поступком мужественным, рискованным, но при этом беспозлезнам. Сострадание проспалось нечасто и то, в основном, к отдельным «своим». И то, не без пользы для себя.

Ральф в очередной раз не сплеховал.

Ральф в очередной раз заслужил уважение.

В событии трехмесячной давности была поставлена окончательная точка.

Сомнения одноклассников рассеялись.

Единогласно.

Посовещавшись, они пришли к выводу, что в случае с тихоней германский философ Фридрих Ницше был ни при чем. «А его соотечественнику и потому Ральфу в тот весенний день просто изменило настроение», – дружно решили товарищи.

Оспорить это решение не смог бы даже сам Ральф.

8

Русская девушка учила немца танцевать.

Немец, не замечая никого вокруг, старательно, хотя и неуклюже, повторял незнакомые ему энергичные модные движения.

От него в этот вечер требовалась не столько спортивно-мюзикальная сноровка, сколько покорность строжайшему учителю. И, позабыв о своей неприступности на какое-то время, он беспрекословно покорялся.

Периодически соскакивающие на кончик носа очки и слегка растрепанные волосы это подтверждали.

Ральф поклонялся Терпсихоре.

Ральф был неузнаваем.

Такой художественной гимнастики он себе до сих пор еще не позволял.

Сегодня, в отличие от прошлого раза, его совершенно не раздражали громко ревущие динамики. Сегодня он их практически не слышал. Не смущала будущего немецкого историка и теснота битком набитой дискотеки-столовой. А удивленно-ироничные взгляды невестребованных серых одиночек, наблюдавших за этим необычным уроком со стороны, до адреса та попросту не доходили, растворяясь в мерцающем полумраке.

Послушный ученик не отвлекался от занятия даже в коротких перерывах между песнями.

Он был весь в танце.

Он был увлечен.

И одновременно сосредоточен.

Все происходившее не с ним, оставалось без внимания.

Ральф пожирал взглядом лишь своего учителя.

Ему некогда было оглядываться.

Ему жалко было впустую растрчивать свои эмоции.

Впервые в жизни он подходил к развлечению с такой ответственностью. Не зря гэдээровец готовился к походу на дискотеку целую неделю. Нет, не физически, но психологически и морально – это точно. Статус активного отдыха неожиданно поднялся в его сознании до статуса учебы. Поднялся соответственно и статус русской девушки из города Архангельска. Как это произошло, Ральф сам не понимал. Но ведь произошло.

И влиять на ситуацию он был не в силах.

У него и не было такой задачи.

Наташа полностью забирала внимание немца.

Она действительно была сказочно красивой. И в этот субботний вечер в честь иностранного друга она старалась выглядеть еще краше, еще привлекательнее, еще желаннее.

Ральф восхищался собственным вкусом.

Ральф не мог нагордиться собственным выбором.

И Наташа его не подводила.

Она не только сводила с ума немецкого кавалера, но и с удовольствием справлялась с так подходившей ей ролью учителя танцев. Наташа совсем не стеснялась собственной педагогической придирчивости и чувствовала себя как на сцене.

Наташа хотела быть настоящей примою сего вечера. И, как минимум, для Ральфа она ею была. Понятно, что провинциальной русской девушке нравился далеко не весь дискотечный репертуар, но темперамента и энтузиазма ей хватало даже на ту музыку, которая никак не сочеталась с ее вкусами и хореографическими фантазиями.

Сегодня у нее все получалось женственно, раскованно, с балетной легкостью.

В вихре танца летало не только ее тело.

Вместе с телом летала и ее окрыленная душа.

Но главное было держаться поближе к немцу. Главное было публично засвидетельствовать свое право на особые с ним отношения.

Медленный танец подходил для этого идеально.

Появлялся легальный повод в романтическом порыве положить голову на плечо Ральфу.

А перед тем, глядя глаза в глаза, заботливо поправить взмыленную челку германского рыцаря... или воротничок его рубашки. Диджей работал будто на заказ, не скупясь на лирическое настроение. За что все разбившиеся по парам были ему благодарны.

Наташа буквально прилипла к партнеру.

Она тащила его за каждым своим движением.

Их дуэт казался ей идеальным.

И не только с танцевальной точки зрения. Она игриво улыбалась и смеялась. А иногда для разнообразия ну вроде сердито надувала свои пухленькие губки и строила всякие причудливые гримасы.

На зависть многим своим однокурсникам.

Вызывая ревность некоторых своих однокурсников.

Ральф же, послушно исполняя отведенную ему партию, во все тонкости и хитросплетения женской психологии не вникал. Точнее, по неопытности он их не понимал. Да и не до них ему было сегодня. Мир для него еще не разделился на две половины – мужскую и женскую. Мир чувств для него был пока еще единым, цельным и непорочным. Ральф только догадывался о неизбежности такого радикального вселенского разделения.

И не торопился с выводами.

Он жил ожиданием.

Которое его не обмануло.

Ровно в полночь дискотека объявила отбой.

Точность по-советски отличалась принципиальностью на грани варварства.

Музыка оборвалась без предупреждения, на середине медленной песни. И свет включили резко и самый яркий. Организаторам, видимо, доставляла кайф эдакая маленькая экзекуция.

Выразив недовольство традиционно дружным свистом, студенты стали разбредаться по комнатам. В расписании же гэдэровца на эту ночь значилась куда более сложная программа. Прежде чем тайком отправиться к девушке в гости, ему нужно было незаметно прихватить спрятанную в чемодане под кроватью бутылку вина. А для этого нужно было проявить лучшие чекистские качества. До сих пор будущий историк еще никогда так не выкладывался. Всемогуший оперотряд, особенно по выходным, дежурил с удвоенной энергией и обязательно в сопровождении двух-трех комсомольских функционеров. Показательно ни для кого не делавших снисхождения. Ни для отличников, ни даже для иностранцев. Испортить жизнь любому студенту им не составляло труда.

Но сегодня у Ральфа был уникальный случай, и его ничто не могло напугать.

Сегодня он был неужерим.

И, как подобает достойному профессионалу в сложных моментах, безупречен.

Спустя всего несколько минут они с Наташей уже мило беседовали, запершись в ее комнате.

Сидя на краю аккуратно заправленной кровати.

С гранеными стаканами в руках.

Под сладковатые французские шансоны ее старенького катушечного магнитофона, привезенного из Архангельска.

Темы диалога менялись часто и легко.

Но об учебе опять ни слова.

Учеба не вдохновляла.

Хотелось чего-то возвышенного.

Необыкновенного.

Хотя говорили все больше о пустяках.

Немец спросил разрешения и снял туфли.

В носках он почувствовал себя по-домашнему.

Наташа тоже сменила «шпильки» на тапочки.

У ночи появились конкретные ощущения.

У ощущений появились конкретные очертания.

И вполне конкретные желания.

Торопиться было некуда.

Впереди – воскресенье.

И все же нетерпение пробивалось наружу.

Уже имея представление о настоящей взрослой жизни, Ральф предложил тост: «За прекрасный вечер!»

Наташа не стала скрывать своего девичьего восторга от такого смелого предложения.

9

Ральф лишился девственности, наутро и не вспомнив, как все произошло.

А может быть, он попросту решил обезопасить себя от избыточных эмоций, уммыленно не придав специфичному событию большого значения.

В конце концов ни на его учебные будни, ни на его карьерные устремления первая ночь, проведенная наедине с девушкой, повлиять не могла.

К понедельнику переживания окончательно поутихли, сознание, протрезвев, встрепенулось, и все вошло в свою привычную колею.

Четкий учебный график вновь стал неопровержимым и единственным мерилом существования немца. С Наташей они продолжали встречаться в основном в лифтовом холле на 14-ом этаже. В основном молчаливыми улыбками. А на факультет, как и прежде, торопились порознь, на разных скоростях и с разными планами на день. Со стороны кому-то могло показаться, что советско-гэдэровская love story закончилась, по-настоящему так и не развившись. Однако примерно через неделю, в перерыве между семинарами, русской красавице удалось отловить Ральфа и буквально припереть его к стенке. Прямо на глазах у однокурсников. Наблюдателей было много. Доброжелателей среди них – значительно меньше.

Хватка у принцессы Наташи оказалась не по-девичьи крепкой, если не сказать мертвой. Застигнув иностранного друга врасплох, она на удивление без труда уговорила его пойти с ней в следующее воскресенье в кино. Ей даже не понадобилось прибегать к заранее продуманной хитрости и показывать купленные в предварительной кассе билеты.

Наташа ликовала: одного ее обаяния оказалось вполне достаточно для победы.

У Ральфа же после этой неожиданной встречи испрятный осадок.

Потом он до самого воскресенья нервничал из-за своей необдуманной и поспешной сговорчивости.

Ральфу не нужны были привязанности.

Ральф боялся потерять свободу.

Но данное девушке обещание пришлось сдержать.

Правда, когда они возвращались из кинотеатра, он об этом уже не жалел. Знаменитую на весь Советский Союз «Бриллиантовую руку» немец воспринял с диким восторгом, полтора часа смеясь вместе с переполненным залом. Он даже забыл, с кем пришел в кино. Посмотрев в сторону своей спутницы всего лишь раз, и то в момент, когда та тоже громко смеялась.

В каком-то смысле Ральф действительно был уникален.

Наряду с типично советским образом мышления у него активно вырабатывалась и полноценное советско-русское чувство юмора. Юмора, который для подавляющего числа иностранцев, независимо от их знания языка и количества

прожитых в Советском Союзе лет, был неисповедимой, непостижимой тайной, базисной частицей неразгаданной русской души.

После кинофильма Леонида Гайдая у Ральфа настолько улучшилось настроение, что он пригласил свою спутницу Наташу в бар на чашку кофе и кусочек шоколадного торта «Прага». Любил будущий историк по воскресеньям на досуге побаловать себя особыми московскими сладостями. По немецким меркам это была высшая форма ухаживания за девушкой. И Ральф поддержал сей высокий имидж.

Наташа сияла от счастья.

Наташа торжествовала.

Она всю нахваливала торт, но тут же не преминула рассказать о своих кулинарных способностях.

Напрочь уверовав в магическую неотразимость своей неземной красоты.

В другой раз, каким-то чудом достав два билета, она отправила Ральфа пойти в театр.

Смотрели «Мастера и Маргариту» на Таганке.

Ему опять понравилось.

Потом бывали в других театрах.

В музеях.

На ВДНХ.

В планетарии.

Опять в кино.

И даже в зоопарке.

Отношения между коллегами-сверстниками Ральфом и Наташей начали приобретать устойчивую форму. Иногда они сидели рядом на лекциях. Иногда вместе «шифровали» конспекты в библиотеке. Иногда, взявшись крепко за руки, спешили на обед в профессорскую столовую. Что для студентов считалось почти ресторанным шиком. А когда наташины соседки уезжали к родителям в Подмоскowie, Ральф оставался в их комнате ночевать. Неприметно дни и недели переросли в месяцы. Дружба кое-как складывалась, а частое появление на публике вдвоем уже никого не удивляло. Все так бы, может, и продолжалось. И страстной русской красавице удалось бы стать ровные семейные узы до окончания университета.

Но однажды Наташа потеряла над собой контроль. Не выдержала. Чисто по-женски поторопилась. В порыве неосторожно признавшись, что хочет выйти за него замуж.

Что хочет иметь от него ребенка и готова уехать с ним хоть на край света. Ничего более страшного будущий немецкий историк за свою жизнь не слышал. Это было сущее испытание. И он едва не потерял сознание. Ему вдруг показалось, что такой ужас может

произойти и в реальности, помимо его воли и его разума. Вдруг уже ничего не изменить? Вдруг Наташа беременна и от него скрывает, а вся супружеская интрига заранее просчитана?

Уставившись в невидимую точку, перепуганный немец снял дрожащей рукой очки и взялся их долго и тщательно протирать. Мало того что без очков он ничего не видел, от услышанного у него пропала речь.

Это было не просто молчание.

Ральф будто перенесся в другой мир.

Он вспомнил маму.

Вспомнил папу.

Вспомнил их замечательный тройственный союз.

И тут же представил свою будущую «полунемецкую» семью, своих будущих «полунемецких» детей.

В двухкомнатном ростковском интерьере.

С кучей шумных родственников из далекого северного Архангельска.

Наташа почти сразу поняла, что сказала что-то не то. Она не на шутку растерялась, начала бессвязно извиняться, оправдываться. По детским розовым щекам покатались обжигающие слезы. Но... было поздно.

Ошибка было не исправить.

И беззвучный приговор, увы, не обжаловать.

Наташа попыталась выжать из намертво замолчавшего немца хоть слово – безуспешно. Ее путаные объяснения Ральфа не интересовали. Как и не интересовала его ее будущая судьба.

Он лежал без движения.

Без дыхания.

Жестокий.

Холодный.

Он покинул чуждую ему реальность.

Полностью уйдя в себя.

В том состоянии он забыл о Москве и университете.

Забыв об интернационализме, опоясанном красными и синими галстуками.

В ту минуту высокая идеология ему изменила.

Как изменила ему и незапятнанная честь комсомольца-эфдэтовца.

Видимо, в будущем историке взорвался накопленный не одним поколением примерных бургеров местечковый германский шовинизм.

Хотя кто знает, может, шовинизм здесь ни при чем. А истинные мотивы скрывались глубже.

В подсознании.

Или в физиологии.

Впрочем, мотивы особого значения не имели.

От Ральфа требовали то, чего он не мог и не хотел дать.

От Ральфа требовали то, что принадлежало не только ему одному.

Но еще родителям.
Росту.
Всей Германии.

К сожалению для Наташи, ее истеричные рыдания так и остались не услышанными.

Ушел Ральф, не произнеся ни слова.

Судьба отношений была решена.

Точнее, их не стало.

Немец в тот вечер решил расстаться со своей первой девушкой навсегда. Ее настойчивые попытки помириться продолжались несколько месяцев. Однако сила женского обаяния оказалась не беспредельной.

Даже музеи с театрами и зоопарком не помогли.

Теперь гэдэровец выезжал по утрам на полчаса раньше, чтобы не встречаться с Наташей в лифте. А когда задерживался, не ленился спускаться бегом-пешком с 14-го этажа. Так он оберегал себя от ненужных встреч целых полтора года.

Он избегал не только Наташу, ее соседок и подруг, но и ее одноклассников. Он ни с кем из них не здоровался и не стеснялся своей черствости.

Ближе к концу третьего курса будущий историк случайно узнал, что мечта русской красавицы из города Архангельска все-таки сбылась.

Она вышла замуж.

Благословенным избранником оказался аспирант-биолог – будущий научный светило из Сенегала.

Двух недель знакомства и трех ночей в одной постели им вполне хватило.

Свадьбу, на которой присутствовала добрая сотня гостей, включая полномочного сенегальского посла в Москве, сыграли в дорогом интуристовском ресторане. А уже через несколько месяцев, бросив университет, забросив все свои прежние мечты, Наташа с мужем на перекладных отчалили к теплым берегам Атлантического океана, на свою новую африканскую Родину.

По сему поводу Ральф лишь с облегчением вздохнул.

И без жалости вырвал из памяти эту смутную страницу своего прошлого.

Одним страхом в его жизни стало меньше.

Одной частицей свободы – больше.

10

Вопреки прогнозам на последней полосе всезнающей газеты «Правда» декабрь выдался не просто холодным. К рассвету семнадцатого числа ртутный столбик термометра скользнул к роковой отметке минус 40 и вот уже третий день не поднимался

ни на миллиметр. Немец подумал, что это испортился термометр. Но радио благую мысль быстро опровергло.

Впервые за полтора года пребывания в Москве Ральф столкнулся со столь вызывающим коварством столичной стихии, а по-русски говоря, с настоящей зимой. Для него, как и для большинства живущих здесь иностранцев, слово «мороз» приобрело в эти дни совершенно не надуманный зловещий смысл. Особенно болезненно это ощущалось по утрам, когда приходилось минут по пятнадцать-двадцать ежиться на продуваемой северными ветрами остановке в ожидании транспорта. Подпрыгивая и пританцовывая. Как же здорово, что мама ботинки на размер больше прислала. Интуиция ее никогда не подводила. Так что теперь на ноги удавалось натянуть до четырех пар носков. Мама – великая умница. А вот шерстяное кашне и натуральную кроличью ушанку, которая накрепко завязывалась под подбородком, Ральф купил лично, на собственные сбережения. Заранее, еще в сентябре, в ГУМе. И в своем предвидении тоже не ошибся. Не только особые папины, но и мамнины гены он считал своим достоянием.

Надежды немца, что к понедельнику мороз хоть чуть-чуть ослабнет, не оправдались. Начиная с первых утренних новостей, каждые пятнадцать минут комнатная радиоточка суровым голосом призывала горожан одеваться теплее и в случае обморожений вызывать «скорую» или немедленно обращаться в ближайшую больницу. А если учесть, что в городе жизнь никто не отменял и выходить на улицу все равно приходилось, то не прислушаться к такому призыву было смерти подобно. Безо всякого преувеличения.

Русская зима не шутила.

Русская зима в полную силу источала свою истинную «русскость».

Тяжко было тем, кто приехал в Россию впервые.

Тут уж было не до «Времен года».

И не до «Лебединого озера».

В центр, на Лубянку, немец отправился экипированный практически всей одеждой, которая имелась у него в наличии. Шкаф опустел.

Вид Ральфа впечатлял.

Всех, кроме него самого.

И не было ничего удивительного в том, что Владимир Владимирович не сразу узнал родного гэдэровца. А когда все же узнал, сразу вспомнил эпохальные кадры советской документальной хроники: таракани колонны ползущих по разрушенному Сталинграду пленных фашистов. Понятно, что делиться такими мыслями чекист не стал. Сын воевавшего на Курской дуге германского зольдата мог бы и обидеться. Не зря Владимир Владимирович еще во время учебы в Высшей школе

КГБ защищал курсовой реферат о политкорректности по отношению к побежденным, то есть бывшим противникам.

Пригодилось.

Вместо малоприятно для немецкого уха сравнения из уст наставника-товарища прозвучал довольно безобидный, привычный юмор.

– Ральф, где твои сани и упряжка с собаками?.. Взгляни в зеркало... Ты сейчас напоминаешь мне потерявшегося во льдах полярника... Каких частенко в кино показывают... Только бороды не хватает... И свисающих с нее сосулек... Разве у вас в Германии сильных морозов не бывает?..

– Не-е-ет, не бывает... Иначе бы мы, немцы, как доисторические существа вымерли... Чтоб в таком холоде жить, надо в нем родиться...

– От нашей любимой природы можно ожидать чего угодно... Человек должен ко всему приспосабливаться... А то вновь превратится в снежного...

– Нет-нет, я еще не приспособился... И не уверен, что когда-нибудь приспособлюсь... Тогда уже точно и лыжи, и сани, и сабаки понадобятся...

– Давай снимай свой противоморозный скафандр, здесь тепло... Вспотеешь, потом выйдешь на улицу и в ледяшку превратишься... Не дай Бог, еще простудишься, заболешь... Что без тебя делать будем?.. О ценных кадрах нужно заботиться... Ценные кадры нужно беречь... Давай, давай, поактивнее... Сейчас мы тебя быстро отогреем... Да и с отоплением у нас здесь полный порядок, к батарее не притронуться...

В огромном кабинете топтались еще двое незнакомых Ральфу людей. Предположительно одного с Владимиром Владимировичем возраста. И, судя по их специфическому взгляду, одной с ним профессии. Они не без внимания слушали немца, но старались не выдавать своего интереса. Чувствовалось, что именно ради него они сюда и пришли. Хозяин кабинета никого никому представлять не стал. То ли это была такая гэбшная манера, то ли на сей счет у него имелся свои соображения. И разговаривал он с Ральфом, будто они сидели одни.

У Владимира Владимировича было не очень служебное настроение. А во все горло работавший радиоприемник это настроение лишь подчеркивал. По «Маяку» передавали по заявкам популярные арии из оперетт. На письменном столе стояла уже открытая бутылка трехзвездочного армянского коньяка и четыре рюмки. Разломленная плитка шоколада «Гвардейский» и несколько сухих долек мандарина лежали рядом на общепитовском блюде. Ничего не упускающий из виду будущий историк не мог не обратить внимания на эту странную торжественность – в понедельник, с утра, да еще в

столь серьезном учреждении. Однако немец не стал придавать значения такой, по московским меркам, мелочи. Ему не раз приходилось видеть выпивающих русских с утра, причем солидных тоже. И часто это случалось почему-то по понедельникам. Да, правда, любили русские понедельник. Наверное, в этот день недели у алкоголя был особый вкус.

– Присоединяйся, Ральф, присаживайся... Не стесняйся... У нас сегодня праздник... И пожалуй, «самый-самый» праздник в нашей жизни...

– ?..

– Не смотри так удивленно, он и к тебе относится не в последнюю очередь...

– ...

– Сегодня – день чекиста... Двадцатое декабря...

– ...

– Запомни этот день... И занеси его в личный календарь...

Тебе придется еще много раз его отмечать... Независимо от того, где будешь находиться... И в каком будешь звании... У вас в ГДР наверняка тоже есть такой день... Если нет, значит, когда-то обязательно будет...

У юного дзержинца от неожиданности аж выпрямилась спина. Ему стало стыдно: ведь он не знал об этом важном празднике ничего. Иначе бы первым поздравил Владимира Владимировича. Но оправдываться не имело смысла. И он, с умным видом поправив очки, решил направить развитие сюжета в традиционное рабочее русло.

– Я тут бумаги принес...

– Бумаги – очень хорошо... С этим ты справляешься на пятерку... Я потом посмотрю... Сейчас у нас к тебе более серьезное дело...

Без предупреждения разговор пошел вдруг и от имени остальных присутствующих.

Ральфу пододвинули свободный стул.

Немец занервничал.

Он всегда нервничал, когда чего-то недопонимал.

Один из молчавших незнакомцев посмотрел на часы и тут же взялся разливать коньяк. Владимир Владимирович мгновенно преобразился и, одев висевший на стуле черный пиджак, поднял рюмку первым. На сей раз тост его был обстоятельный и длинный. Без лишней красиво-застольной философии и многозначительного юмора.

Праздник обязывал.

Все – по сути.

Все – по делу.

Устами убежденного тамады с невидимыми погонями говорил профессионал и патриот. Человек ответственный и бескомпромиссный. Короче говоря, чекист.

Ральф слушал со всей серьезностью и гордился, что работает с таким человеком.

Он искренне радовался, что в этот день оказался рядом с ним. Надо же было так случиться, что двадцатое декабря как раз выпало на понедельник!

Владимир Владимирович, не прерывая речи, положил руку на плечо немецкому товарищу.

Хрупкая немецкая спина стала еще прямее.

– По поручению руководства и от имени коллег я хочу вручить тебе, Ральф, в честь нашего праздника памятный подарок... Ты заслужил его... Поверь, в моих словах нет ни грамма формальности... Ты заслужил его отношением к работе... Своим трудолюбием и творческим подходом ко всему, что вокруг происходит... Мы высоко ценим и твою находчивость, и твои незаурядные способности... Ты уже успел многое доказать... Хотя мы уверены, что главные твои достижения еще впереди... И здесь, в Москве, и у себя на родине, в братской Германии... Из тебя вырастет чекист с большой буквы... А я лично готов прямо сейчас пойти с тобой в разведку и, если понадобится, в бой... За твоё здоровье, Ральф!.. Мы поздравляем тебя!..

У будущего историка перехватило дыхание.

Ральф не верил, что все сказанное – о нем. И вообще, неужели эти люди собрались ради него?

Владимир Владимирович достал из стола небольшую, перевязанную красной лентой, коробку. Уверенно протянул ее взволнованному Ральфу.

– Это самый лучший советский фотоаппарат, «ФЭД»... А расшифровывается название так – Феликс Эдмундович Дзержинский... Пусть он прослужит в твоих руках не один год... Надеюсь, что с помощью этого аппарата ты очень скоро научишься видеть мир в том свете, в каком его видел великий Феликс... Ты научишься... Я уверен, обязательно научишься... Между прочим, ваше посольство в курсе всех твоих успехов... Поздравляем... Мы не могли с ними не поделиться нашими мыслями о твоей работе... И в тот же день они прислали нам ответ на двух страницах... Твои соотечественники тоже тобой довольны... Они тоже верят в тебя и твоё будущее... Но об этом, я думаю, они сами тебе скажут...

Ральф покраснел.

А коньяк жару только добавил.

Юному дзержинцу стало неловко и даже чуть стыдно за стол пафосное внимание к его скромной персоне. Ведь ничего особенного он не совершил. И ничего героического в его биографии пока не числится. Но, с другой стороны, если его старания отметило само начальство, значит он на правильном пути. Если об этом узнают в Берлине, значит, появятся надежные перспективы. Вот бы родители сейчас обрадовались. Вот бы они

похвалили сейчас друг друга за отличное воспитание сына. И фотоаппарат им наверняка понравится. Тем более с таким названием. Да, будет о чем рассказать в Ростове во время летних каникул. По секрету, конечно. Мама и папа – проверенные люди.

Немец шмыгнул носом.

Казалось, он вот-вот пустит слезу.

И было от чего.

Ему пожали руку даже незнакомцы, которые так и не проронили за все время ни слова.

Без сомнения, это было братское рукопожатие.

Всепонимающее и многообещающее.

Для полноты ощущений не хватало только настоящей военной формы.

Ральф охотно бы сейчас ее примерил.

Независимо от количества звездочек на погонах.

Неважно, русскую или гэдэровскую.

Уж очень хотелось отдать честь.

Под козырек.

Но фантазии быстро оборвались.

Первый тост оказался последним.

И на то имелась всякая причина: такой день на Лубянке заранее расписан по минутам.

Хозяин кабинета посмотрел на часы.

То же самое сделали за ним и другие участники мини-торжества.

Все резко заторопились.

Бережно уложив бесценно-ценный подарок в портфель, Ральф облачился в свой скафандр.

Ему не терпелось скорее выйти на улицу и, оказавшись наедине с собой, мысленно переварить все произошедшее.

Оценить минувший год.

Помечтать о будущем.

Сейчас его энергии позавидовал бы любой.

Сейчас ему были не страшны никакие холода.

На прощание Владимир Владимирович удостоил немца традиционного похлопывания по плечу.

Но сегодня оно ощущалось более солидным.

Более братским.

И мужским.

Отключившись на миг от всего официального, чекист не без иронии вообразил, как на сорокаградусном морозе гэдэровский товарищ вновь превратится в разнесчастного сталинградского пленного из документальной хроники.

Правда, уже награжденного.

За заслуги.

Комната Ральфа находилась в общем боксе с еще одной комнатой, где тоже жили будущие историки, но четвертого курса: двое русских и болгарин. Немец с ними особенно не дружил. Разница в три-четыре года все-таки сказывалась. Встречались они в основном по утрам, в тесной прихожей, перед дверью умывальника или туалета. И дальше односложных приветствий и еще недопроснувшимися улыбок общение не заходило. Кроме специальности, по большому счету, их ничто не связывало. Каждый жил со своими проблемами, в своем кругу знакомых, и их пути за пределами этой прихожей не пересекались.

В отличие от гэдээровского трюдоголика, его старшие соседи за полтора года до выпуска к занятиям уже изрядно поостыли. Красные дипломы и аспирантура в их планы не входили. А общественная работа энтузиазма не вызвала. К тому же студентам двух последних курсов полагался и второй выходной в неделю для научной работы. Понятно, что наукой занимались единицы. Свободного времени – хоть отбавляй. И эта излишняя вольготность, конечно, во всем давала о себе знать. Влиял на атмосферу в соседней комнате и заводной южный темперамент. Добродушного толстого болгарина, который своим внешним видом скорее напоминал молодого Сергея Бондарчука в блестящей роли Пьера Безухова, нежели неумного балканского гайдука, постоянно тянуло на приключения. И оба русских соседа по комнате все его чумовые начинания поддерживали. То они гурьбой «зажигали» у общих друзей или устраивали застолья в ресторанах за «болгарский» счет, то шумные компании собирались у них в комнате. При этом народ приходил самый разный, и не только университетский, и не только студенты. Иногда так случалось, что некоторые из них, засидевшись допоздна, там же оставались ночевать. А иначе как бы они объясняли на выходе оперетровцам позднее пребывание в общежитии? Да еще, как правило, в изрядном подпитии. Можно было и в милицию угодить. Поэтому все постоянно жившие в общежитии после 23 00 своих гостей никогда не отпускали. Их тайно держали у себя до утра. Трогательно деля с ними свои узкие постели. В противном случае неприятностей вряд ли бы удавалось избежать. И приподнявшимся гостям, и их добродушным хозяевам. Пследним – вплоть до выселения.

Так что по утрам дисциплинированный Ральф время от времени сталкивался с лицами совершенно неизвестными и порой довольно странного вида. Из-за спешки он обычно к ним не приглаждался, хотя здоровался со всеми. Воспитание обязывало.

Но вот как-то раз случилось, что он просто не смог не задержать взгляд на одном из незнакомцев. Небритый, в разорванной рубашке и едва стоявший на ногах персонаж попался на глаза гэдээровцу впервые. На Ральфа он уставился с не меньшим удивлением, чем тот на него. И даже пытался произнести что-то членораздельное. Но... не тут-то было. Все ограничилось обыкновенным животным мычанием да невразумительной нетрезвой жестикуляцией. Немец обомлел. Таких ярко выраженных героев он еще не встречал. Потом он долго пребывал под впечатлением от этой встречи. Нельзя сказать, что он испугался, но осадок все равно остался неприятный. Особенно от разорванной рубашки. А когда после занятий Ральф вернулся домой, в дверь неожиданно постучал болгарин и попросил зайти к нему на несколько минут: «Один мой русский друг хочет с тобой познакомиться... Пожалуйста... Ну прошу тебя... Я ему уже пообещал...»

Что вежливому Ральфу оставалось делать?

Разве он мог отказать соседу-старшекурснику в таком пустяке?

Хотя интуиция подсказывала, что речь идет именно о жутком утреннем типе.

Интуиция сработала точно.

Кроме «того самого» в комнате Пьера Безухова больше никого не было.

Небритый русский друг полуусидел-полулежал на мятой незаправленной кровати болгарина. К вечеру его внешний вид свежее не стал. Явно, выпивал он уже не один день. И хотя рубашка на нем была сейчас надета другая, не рваная и отглаженная (очевидно, гостеприимный хозяин поделился своим гардеробом), она все равно не спасала. На отглаженном фоне лица русского смотрелось не намного лучше, чем утром. Даже о возрасте по нему нельзя было толком судить. Да, наверняка он был старше немца, но вот насколько, немец лишь предполагал. Может, лет на пять, а может, на все десять. Впрочем, будущего историка это абсолютно не волновало. Как не волновало его и все происходившее в этой до отвращения прокуренной палате. За полтора года соседства он заглядывал сюда считанные разы, и то случайно. Сваленная в углу гора бутылок из-под водки, коньяка и портвейна смотрелась естественно и уместно. Она все объясняла. Хотя оправданием в глазах немца и не служила. Впрочем, за полтора года жизни в общежитии он уже кое-что повидал.

– Ральф, познакомься, это мой друг, художник... Вчера мы немножко здесь погуляли... От души... Жалко, тебя с нами не было...

В знак приветствия Ральф изобразил улыбку.

В ответ, едва собравшись с силами и приподнявшись на кровати, русский тоже попытался улыбнуться.

– Да, мы правда немножко здесь погуляли... И правда, что от души...

В дальнейшем разговор едва клеился. Это были сплошь банальные, короткие, ничего не значащие фразы. Болгарин испытывал некоторую неловкость от ситуации. Его угловатые, пространные шуточные реплики не помогали. Улыбки улыбками, но говорить на самом деле было не о чем. Нетрезвому с трезвым трудно найти общий язык.

Болгарин предложил сесть.

Русский предложил закурить.

А когда Ральф выдал из себя, что не курит, русский тут же, не раздумывая, закурил сам. То, что на улице было минус 40 и окно не открыт, его не волновало. Дышать окончательно стало нечем.

Ральф с трудом терпел.

Зато сигарета, похоже, слегка привела заторможенного художника в чувство. И он взялся помочь хозяину навести никому не нужный косметический порядок. Из дружеской солидарности, наверное.

На столе, рядом с крупно нарезанной болгарской брынзой и деликатесной импортной саями, как по мановению фокусника, возникла новая бутылка «Столичной». Судя по всему, алкоголь у соседей не заканчивался никогда. И это совсем не было слухом.

Немец попытался возразить, но его в два голоса быстро уговорили:

«Одну-единственную рюмку, за знакомство... Русский обычай... От одной нельзя отказываться... Ральф, ну сам Бог велел...»

Чтобы не затягивать бессмысленные посиделки, норму вежливости Ральф выпил безупречно, до дна.

Не запивая, не закусывая, не комментируя.

И даже выдохнул нарочито демонстративно. Как это делают азартные русские пьяницы.

Со стороны это выглядело более чем убедительно.

Немца зауважали.

Однако уговорить его на новый подвиг у разгульного друга не получилось: немец проявил немецкую твердость. Причем не только на словах – выражение его лица тоже не вызывало сомнений.

Будучи наслышанным о железной принципиальности и комсомольской правильности соседа, болгарский Безухов решил обойтись без осложнений и... отступил. К тому же он знал, насколько загружены второкурсники. А по Ральфу действительно было видно, что сегодня он очень устал. Но болгарину не хотелось отпускать «правильного» соседа в «неправильном» настроении. И не только из-за просьбы московского друга. С «правильными» следовало вести себя

осторожнее. На всякий случай их нужно было опасаться. С «правильными» нужно было дружить.

Этой святой заповеди эмгэушной жизни все студенты следовали и на четвертом, и на пятом курсах. Вылететь из университета можно было и перед защитой диплома. Со справкой о неполном высшем в кармане. И с повесткой на призы в армию.

Пристально, не без хитрецы в глазах, посмотрев то на строгого немца, то на безвольного русского, болгарин предложил заключительный тост. За советско-гдээрвовско-болгарскую дружбу.

И Ральф на провокацию поддался.

Сознательно.

Тоже на всякий случай.

Согласившись превратить ее в финальный компромисс.

Горько вздохнув, он молча сам взял тяжелую бутылку и до краев наполнил свою рюмку. После чего все дружно рассмеялись.

И от души чокнулись.

Болгарин смеялся громче всех.

Пьер Безухов сориентировался в обстановке и был от себя в восторге. Врожденное южное лукавство и мудрый опыт старшекурсника сыграли не последнюю роль.

Ситуацию удалось спасти.

В результате все расстались на оптимистической ноте и без фальши на лицах.

Мало того, с уходящего соседа болгарин взял обещание в ближайшее время непременно увидеться вновь: «Добрые люди должны общаться чаще».

Приближался Новый год.

Искать особый повод было не нужно.

Но немец настолько торопился уйти, что не заметил своего обещания.

На том и попрощались.

Без лишнего панибратства.

И пустых заверений в дружбе.

Через десять минут, даже не разобрав свой «дипломат», Ральф был уже в постели.

Обычно рано он не ложился.

Но сегодня он устал.

И на учебники сил не осталось.

От двух полных рюмок водки и сигаретного дыма чуть-чуть кружилась голова.

Но возмущение иссякло не сразу.

«Как они могут столько пить?..»

«И повод всегда находят...»

«И деньги...»

Чего хотел от него этот русский, Ральф так и не понял. «Пьяница, каких в Москве полно...» Однако немец не стал заострять внимания на этой детали. Сам факт знакомства с художником, человеком искусства, все же смягчил неприятный осадок.

И прежде всего, от утренней встречи.

12

Мороз не ослабевал.

Уже вторую неделю он продолжал оставаться основной составляющей мироощущения. Жизнь потеряла интригу. Превратившись в арктический калейдоскоп. Погрузившись надолго в пучину сорокаградусного однообразия. Пулей на факультет, пулей с факультета. Половина всех разговоров – о погоде и о прогнозах. Ни одного серьезного плана на день, ни одного маломальского каприза на вечер без учета показаний обезумевшего термометра. Нечасто вспоминает человек о своей заискованности от природы.

Каждое возвращение домой по вечерам, когда больше нигде уже не нужно было выходить, воспринималось как величайшее блаженство. В этот счастливый момент право на тепло становилось для промерзшего тела важнее всех остальных его прав. Впрочем, о существовании остальных оно не вспоминало. Во всяком случае, пока хорошенько не отогревалось у раскаленной отопительной батареи. Благо, при Советской власти умели топить.

Едва успев оттаять после улицы, Ральф отправился на этажную кухню ставить чайник. Горячий чай с лимоном – это единственное, что могло ему помочь поскорее забыть о холоде и сосредоточиться на делах. Сегодня немец даже не пошел ужинать в столовую. Вчера перед закрытием там было немногочисленно и как-то неуютно. Поэтому наизусть выученному меню он сегодня предпочел любимую булку «Калорийную» с изюмом и не менее любимый плавленый сырок «Дружба», купленные в факультетском буфете. Эта нехитрая провинция выручала Ральфа всегда, когда столовая недоодала. Или когда он в нее попросту не успевал. Да, и экономика, конечно же, учитывалась. Скромный сухой пашк считался привычной едой для любого студента. Даже для «зажиточного» иностранца.

Чайник закипел быстро.

Зарычал, засвистел.

И только немец собрался снять его с плиты, как перед ним возникло знакомое лицо.

Это был художник, друг болгарина.

Алкоголик.

Тот самый.

Он улыбался.

Ральф узнал его не сразу, потому, наверно, и не сразу растерялся. Сейчас у него был вполне человеческий вид. Одетый в недешевую импортную дубленку, он производил впечатление приличного и отнюдь не бедного человека.

– Ральф, привет... А я за тобой... У меня два пригласительных в Дом кино... На премьеру...

Хорошо, что Ральф еще не успел взять в руку чайник, иначе он бы его уронил. Будущий историк смотрел в упор на сияющего художника и не понимал, о чем идет речь. Он был уверен, что из-за прошлого пьянства произошла какая-то путаница.

– У нас мало времени... В восемь тридцать начало... Плюсю дорога...

– А мы разве договаривались?..

– Нет... Но договориться заранее было невозможно... Пригласительные принесли лишь час назад... Мои друзья-киношники... Я сам не ждал... Решили сделать сюрприз... Все произошло спонтанно... А билеты в Дом кино – это же дефицит... И я сразу подумал о тебе... Потому что живу недалеко отсюда...

– М-да, – было все, что услышал художник в ответ.

В эти напряженные минуты немец Ральф в который раз осознал, что он больше всего не переносит в русских – их непредсказуемость и болезненную страсть к сюрпризам. Они всегда рвутся удивлять окружающих. И всегда тем, чему с удовольствием удивляются сами. О чужих вкусах они рассуждают исключительно через призму собственных и никогда не считают с чужим временем. Поэтому даже самые благие по сути намерения порой оборачиваются для других смущением, недовольством, проблемами. Ну какую реакцию мог вызвать у только что вернувшегося домой Ральфа предстоящий выход на почти пятидесятиградусный мороз? А если к этому еще добавить невыпитый горячий чай, несъеденную любимую булку с сыром, ненаписанный конспект очередной работы Владимира Ильича Ленина и вероятный завтрашний «неуд» по зверской истории КПСС, то ральфовское немногословие становилось в полной мере понятным и объяснимым. Правда, понятным ему одному. Потому что художник продолжал упорно и с нетерпением ждать. Конечно, можно было от этой затеи отказаться. Но в принципе она была неплоха. И в Доме кино, о котором немец много слышал, он никогда не был. И сам фильм наверняка будет интересным, все-таки премьера. Да и этот странный русский, что Ральфу польстиво, пришел в такой холод ради него.

Хотя последнее выглядело слабым утешением.

Если утешение в данном случае вообще подходило к определению состояния немца.

К вскипевшему чайнику Ральф так и не притронулся.

Он не знал, что ему делать.

Ему казалось: какое бы решение он сейчас ни принял, все равно оно будет ошибочным.

Немец замер посреди кухни.

Между газовой плитой и художником.

В ожидании собственных действий.

В одном он не сомневался: русскому было наплевать на его учебу и его планы. «Наверное, эти художники живут по каким-то особым законам... А может, законов для них не существует...» И все же на отказ смелости не хватило.

Приглашенный обреченно вернулся к комнате, начав процесс одевания.

Пригласивший невозмутимо проследовал за ним, чуть нервно поглядывая на часы.

– Третий свитер не надевай... Потом жарко станет... Мы же идем не по улице гулять... Туда поедем на такси... Назад я тебя тоже привезу...

Слово «такси» имело для немца магическое значение. Еще с доуниверситетских времен. Хотя он не отреагировал на прозвучавшее предложение, спору нет, ему понравилось повышенное внимание к его персоне. Тем не менее общий настрой от этого не изменился.

Немец продолжал медленно облачаться во все то, что еще меньше часа назад с ненавистью с себя снимал.

Надел он, не раздумывая, и третий свитер.

И четвертый бы надел...

Если бы он у него был.

При вынужденном внешнем повиновении уж очень ему хотелось сделать хоть что-нибудь наперекор непрошеному гостю. Этакую символическую маленькую пакость. Пусть даже во вред себе. Поэтому и одевался он не столь быстро, как мог бы.

– А если такси сразу не поймает?..

– На улице море зеленых огоньков... Их больше чем пешеходов... Достаточно лишь руку поднять – двери открываются...

Первый раунд немец проиграл: машину поймали сразу. Замерзнуть он не успел, а по дороге ему действительно стало жарко.

Следующий раунд проиграли оба: несмотря на щедро оплаченные старания водителя, к началу сеанса все-таки прилично опоздали.

Русский злился.

Немец торжествовал.

Но недолго.

В Доме кино натопили на славу.

Не только третий, но и второй свитер в конце концов пришлось снять.

Русский сделал вид, что этого не заметил.

Немец сидел с горой свитеров на коленях.

Кино переместилось на второй план.

Впрочем, фильм Динары Асановой бури восторга ни у кого не вызвал. К выдающимся его было не отнести. Незамысловатая мелодрама. И по сюжету, и по режиссуре. В меру оригинальная. В меру советская. Не в меру сентиментальная и предсказуемая.

По окончании сеанса у русского и немца было похожее выражение лица. Они понимающе друг другу улыбнулись. Однако до обсуждения дело не дошло. И без того все было ясно и прозрачно.

Кино примирило.

Когда Ральф вновь надевал свои бесчисленные свитера, русский неожиданно бодрым тоном озвучил вторую часть задуманной им программы.

Предложение поужинать в ресторане проголодавшийся студент встретил уже теплее.

С осторожным энтузиазмом.

Для занятой время все равно было потеряно.

Даже с «неудом» можно было смириться.

А вот принесенные в жертву чай, булку и сыр можно было еще компенсировать.

– Не пугайся... Все будет быстро...

– ...

Слова с делом у художника не расходились. Прямо у выхода стояли несколько зеленовато-желтых «Волг».

Русский сел впереди.

Немец с озабоченным видом – сзади.

– На Калининский, в «Ивушку», и поскорее, – скомандовал художник.

13

Несмотря на лютый мороз, далеко не всем москвичам сиделось дома.

Свободных мест в кафе, разумеется, не оказалось. Но после трогательного собеседования с метрдотелем столик моментально организовался. Причем в лучшем углу зала, с видом на вечерний Новый Арбат. Это одна из немногих улиц, которая до утра и в любую погоду освещалась столь же ярко, как Кремль.

Под навивно-задушевную скрипку город из окна во всю стену впечатлял.

Вот она – великая Москва!

Вот он – светлый образ!

Романтики – хоть отбавляй!

Мороз по ту сторону стекла не угрожал. Наоборот, он, подобно лирику, вдохновлял.

Шампанское в мельхиоровом ведерке, красная икра и апельсинсы появились на столе уже через пару минут. Только после этого художник протянул немцу меню и спросил, что они будут заказывать. Ему хотелось не просто накормить

иностранца. Ему хотелось угостить по-русски. Ему хотелось устроить новому знакомому приятный вечер.

– Но ты все заказал... Больше ничего не надо... Я не очень голоден...

– Разве это еда?.. Это так, на закуску... Приложение к шампанскому... А в меню выбери что-нибудь посерьезнее, на горячее... Мы пришли поесть... Значит, должны поесть так, чтоб этот ужин нам запомнился... Для себя я знаю, что заказать... Я тут бываю довольно часто и еще ни разу не ошибался... Таких мест в Москве немного... Если хочешь, могу и тебе посоветовать... «Северюга по-московски»... Ее готовят здесь изумительно, свежую, прямо из Сибири... Ну не пожалеешь... Все иностранцы ее обожают... Иногда ради нее даже специально в Москву прилетают...

– Это рыба или мясо?..

Русский едва сдержался, чтобы не рассмеяться. Однако сдержат улыбку все-таки не смог.

– Нет, это не мясо... Это самая вкусная на свете рыба... Запеченная в сметане... С картошкой, белыми грибами... А если к ней добавить ломтик сочного лимона с веточкой южной зелени, получится настоящий кулинарный шедевр... Без преувеличения, северюга – наша национальная гордость... Поверь мне... Все иностранцы от нее с ума сходят... Попробуешь – пальчики оближешь... Так что мясо всегда надо готовить дома, а в ресторане есть рыбу... Хорошую рыбу у нас в магазины редко завозят... Зато здесь она бывает... Вот где авторитет страны всегда на должном уровне...

Ральфу понравилось такое суждение.

Логичное и довольно похожее на истину.

А еще ему понравилось, как виртуозно русский открыл бутылку.

Можно было приниматься за шампанское.

И за икру тоже.

За полтора года в Москве немец ел икру в первый раз. Но признаться в этом не решился. Достаточно уже было прокола с северюгой.

Гэдзоровоцу не нравилось, когда к нему относились покровительственно-снижительно. Да еще с улыбкой.

Владимиру Владимировичу подобное он, разумеется, прощал. Но с чекистом были иные отношения. Здесь же отношений пока не было никаких. И о перспективах вряд ли стоило задумываться. Хотя икра Ральфу понравилась. И ел он ее с таким удовольствием, с такой неописуемой поэтичностью, с такой многоопытный гурман ел бы неведомый диковинный деликатес.

При этом оранжевые шарики-икринки и шампанское, с точки зрения немца, прекрасно сочетались.

Что стало неожиданным открытием.

«Надо ж, у этого русского неплохой вкус», – мысленно констатировал он.

– Ты занимаешься живописью?..

– Я сам толком не знаю, чем занимаюсь... Никогда не задумывался... Да, вроде живописью... Немного похоже... Если не быть совсем придиричивым...

– А в каком стиле?..

– Трудно сказать... В разном настроении видится разному... Поэтому, чтобы не путаться, я с конкретными определениями не дружу...

– Странно, как же можно не знать, чем конкретно ты занимаешься?..

– Чем занимаюсь, я-то знаю... Вот только не знаю, как это назвать... Честно говоря, мне все равно... Пускай об этом думают другие, зрители... Кто хвалит или ругает, тот быстро находит нужные слова... Человек же по природе – критик... И каждый для себя есть последняя инстанция... Автору не стоит прислушиваться к чужим мнениям... От него тогда мало чего останется... Поэтому я предпочитаю быть голым...

Ральф смотрел на художника и не совсем понимал, о чем тот говорит. С художниками ему еще не приходилось общаться. У будущего историка было несколько другое представление о человеке искусства и искусстве вообще. Искусство, например, должно учить. Искусство должно воспитывать. Искусство должно воплощать красоту, в конце концов. А что же это за искусство, когда сам автор не может дать ему определение? И как не прислушиваться к мнению зрителя? Ведь ради зрителя все и создается. «Нет-нет, или он скромничает, или лукавит... Если болгарин представил его как художника, значит, он художник... Зачем болгарину врать?.. А может, он не воспринимает меня серьезно?.. И ему правда безразлично мое мнение... Вот кто я для него?..»

– Давай выпьем за искусство, – Ральф посмел взять на себя инициативу. Он не хотел, чтобы этот ужин напоминал ресторанный обязательку с Владимиром Владимировичем, когда он по большей части пребывал в роли статиста или подчиненного. После трех тостов немец уже не только не вспомнил, с каким гонором собирался в Дом кино, но и не переживал по поводу своих нарушенных учебных планов, несостоявшегося чаепития с булкой и сыром. Уж очень ему нравилось под плачущую скрипку вкушать икру и глядеть на вечерние огни главного проспекта СССР. Уж очень ему нравилось с бокалом шампанского в руках непринужденно рассуждать об искусстве, и живописи в частности. И хотя в данные понятия они с художником вкладывали во многом разный смысл, гармония вечера от этого не нарушалась.

Ральф ощущал прикосновение к богеме.

И по-новому смотрел на себя со стороны.

К моменту замены пустой бутылки на следующую подошла и разрекламированная сибирская севрюга. На специальном мельхиоровом блюде. Запеченная, ароматная, с корочкой. Оставалось только выжать ломтик лимона.

Если бы раньше немцу сказали, что можно получать такое удовольствие от еды, он бы ни за что не поверил. Естественно, маловыразительная ростовская кухня никак не дотягивала до уровня московской, он это давно понял. Но даже по московским изысканным меркам севрюга произвела фурор.

Отныне художник стал для гэдэровского поклонника русской кухни непрерываемым кулинарным авторитетом.

Ральф уже простил ему ту первую встречу. Точнее, то состояние, в котором он его встретил в общежитии всего несколько дней назад.

Сейчас ему не верилось, что это был один и тот же человек.

«Поразительно...»

Впрочем, типично русскую способность превращаться из застенчивых интеллигентов в откровенно безобразных пьяниц, а на следующий день как ни в чем не бывало вновь принимать безобидный вид, немец наблюдал не впервые. «Сегодня он абсолютно другой... Интересно, сам он это чувствует?.. Ничего тут не поделает, это их неисправимая национальная черта...»

– Ральф, смотри, снег пошел...

Эта новость, как и произнесенное иностранное имя, до соседних столов долетела моментально. Любопытные тут же завертели головами.

Но этого любопытства немец не заметил.

Он был поглощен.

Он смотрел в окно.

Там, на улице, стало еще красивее.

Как в сказке.

Братьев Гримм.

Которая идеально подошла и к ненавязчивой беседе, и к скрипке, и к шампанскому.

– Если в сильный мороз вдруг начинается снегопад, то холод должен ослабнуть... Хотелось бы, чтоб эта примета сбылась... Кстати, через четыре дня уже Новый год...»

– Да, кстати...

– Это мой любимый праздник... Хотя у нас, у русских, он у всех любимый... А ты где собираешься встречать?..»

– Еще не думал... В общежитии, скорее всего... Как в прошлом году... Других идей пока нет...

– Может быть, встретим вместе?.. Что скажешь?.. Меня пригласили в интересную компанию... Большая богатая квартира в сталинском доме... Со вкусом обставленная, в европейском стиле... Качественная японская аппаратура... Народо будет много... Хозяин всем гарантирует веселье до самого утра... Мне приходилось там гулять... Еще я знаю, что

будет настоящий свежий арбуз из Египта и шикарный домашний «Наполеон»... Подумай... Очень качественный вариант... А если мы появимся вдвоем, это будет для всех приятным сюрпризом... Ты же знаешь, как у нас относятся к иностранцам... Внимание к тебе будет обеспечено... И в первую очередь, со стороны девушек... Многие из тех, что придут, я хорошо знаю – одна краше другой... Можно на конкурс красоты выставлять... Среди них, между прочим, есть и неглупые... Начитанные... Из приличных семей... Вот увидишь, не пожалеешь...

– Да, новая компания – всегда загадка... Я не против... А в каком районе?..»

– В самом престижном, на Кутузовском... В двадцать четвертом доме... Рядом с домом Брежнева... Там почти все правительством прописано... От проспекта Вернадского полчаса на машине... Не волнуйся, проблем не будет... Можешь на меня положиться... Независимо от времени и твоего состояния обещаю вернуть тебя в общежитие в целости и полной сохранности... Не сомневайся... У меня большой опыт...

– Насчет опыта не сомневаюсь... Но еще не известно, в каком состоянии ты будешь...

– В каком бы ни был...

– Однажды я тебя уже видел...

– То было стечение обстоятельств...

– ...»

– На Новый год все будет по-другому...

– Посмотрим...

– Отлично, договорились...

– ...»

– Тогда за наступающий!.. Чтобы и в новом году нас не покидала удача...

– Не покинет...

– Мы ей не позволим...

– Не позволим...

Речь немца постепенно теряла четкость и последнюю «правильность». Тосты в конечном итоге превратились в формальность. Хотя количество их росло. На появление третьей бутылки Ральф уже не отреагировал. Как и не отреагировал на то, что покидали они кафе последними.

В обнимку.

Едва держась на ногах.

По дороге, в такси, русский затянул народную песню.

Длинную.

Пьяную.

Громкую.

Но до конца немец ее не дослушал.

На заднем сиденье его быстро укачало.

И он, свалившись на бок, уснул.

На следующий день будущий историк за полтора года своей безукоризненной репутации в первый раз прогулял занятия. Даже ради главного семинара по специальности, начинавшегося в половине первого, он не смог подняться с постели. Однако ни товарищам по группе, ни изумленным соседям по комнате ничего объяснять не стал. Хотя что Ральф должен был им объяснять?

Как ни странно, совесть его не мучила. Слишком плохо ему было, не до совести.

Славный ужин в неземной «Ивушке» обернулся наутро несколькими графинами воды, выпитой взалхб, долгим поиском очков, которые почему-то обнаружили аж под кроватью, и частичной потерей памяти, которая ни через день, ни через два полностью так и не восстановилась.

Но о предложении художника встретить вместе Новый год Ральф не забыл.

«Почему бы и нет...»

«Попробую...»

«Пора расширять круг знакомых...»

«Этот русский хоть и странный, даже очень странный, но что-то в нем есть...»

«Правда, есть...»

14

Народная примета дала сбой.

Художник ошибся.

Потепления, к сожалению, снег в Москву так и не принес. Мало того, утром 31 декабря мороз побил рекорд двух последних недель, приблизившись влютную к минус 45. И не было никаких гарантий, что и он не будет бит.

Ни в приметы, ни в метеослужбу, ни в разум природы никто уже не верил.

Ну и зима!

Даже привыкшие к морозам москвичи завозмущались. Что уж тогда было говорить об иностранцах – существах в большинстве своем тепличных, привередливых и не в меру капризных. Живописные байки о русской красавице-зиме, слышанные на родине еще до приезда в Москву, потеряли для них всякую волшебность. А самым чувствительным к холодам не осталось ничего, кроме как нырнуть в валенки. При этом валенки предлагались в основном в охотничьих магазинах, почему-то невообразимо гигантских размеров и исключительно грязно-черного цвета. Да, выглядело со стороны довольно комично. И передвигаться по городским улицам в таких неуклюжих «гигантах» было совершенно неудобно. Однако сами иностранцы ни того, ни другого либо не замечали, либо делали вид, что не замечают. Мода, надменность и юмор потеряли для них актуальность – они не согревали. Актуальной была только

зимушка-зима, от традиционного добродушия которой не осталось и следа. Число испуганных сибирскими рекордами росло изо дня в день. Москва держала оборону. Даже к прогульщикам на работе стали временно относиться снисходительно. Зима умудрилась настроить против себя всех – и москвичей, и иностранцев, надолго потеряв былую привлекательность. Точнее, сменив ее на безнаказанность. Зима не пощадил никого и ничего. Даже в саму праздничную ночь. Нежная улыбка розовощекой русской красавицы, казалось, навеки сменилась ледяным воображением оскалом. Метеосводки по радио приходили как новости с фронта. Затаив дыхание, их слушала вся страна. А на экранах убогих телевизоров чаще людей в белых халатах появлялся лишь выдустивший Генеральный секретарь ЦК КПСС. Хотя его выступления с погодой никак связаны не были. И на нее, на погоду, эти занудные генеральные речи, увы, не влияли.

Но людей, кроме злосчастных морозов, больше ничто не интересовало.

Все остальное казалось жалким к ним приложением.

В ближайшие сутки все обреченно, панически ожидали минус 50.

И каждый готовился выживать, как мог.

У немца неожиданно возникла проблема несколько иного свойства. Последний поход на Лубянку плюс проведенный с художником вечер в «Ивушке» открыли ему глаза на его не очень эстетичный внешний вид. Надо было срочно что-то предпринять. У страха, спровоцированного глобальным холодом, появился серьезный конкурент.

И это был тоже страх.

Страх оказаться в новогоднюю ночь объектом косых насмешливых взглядов и шуток.

Ральф посчитал своим долгом в элитном московском обществе, в окружении молодых представительных людей выглядеть элегантно и достойно.

Пора было выходить на более светский уровень.

И ставить перед собой более высокие задачи.

А для этого, хочешь не хочешь, пришлось жертвовать сверхтепленностью.

Вместо уже практически склеившихся свитеров вновь появились школьный выпускной костюм, светлая рубашка, галстук. Вместо пуховой куртки – суконное пальто. Только вот кроличьей ушанке не нашлось альтернативы. И все же немец решил под горлом ее не завязывать.

Понятно, что Ральф не сразу принял такое радикальное решение. Он устроил себе настоящий тест на мужество. Не пропустив за день ни одной метеосводки, он взвешивал все «за» и «против».

И решился.

Эта волевая победа над собой моментально сказалась на его настроении. Будущий историк сам удивлялся своей неожиданной смелости. В некотором смысле, рискованной и безумной. Он не сомневался, что такое геройство сегодня вечером не останется без внимания гостей. Русских трудно удивить чем-то подобным. Риска и безумия им самим не занимать. Но хотя бы художник обязательно должен это заметить. Ведь, в первую очередь, именно ради него немец и старался.

Ральфу не терпелось скорее реабилитироваться за свой предыдущий внешний вид.

И он заводил себя, как ребенок.

Оказывается, примерных, правильных и всяких прочих «святых» тоже может охватывать азарт.

Да еще какой!

Ральф рвался уехать из общежития.

Впервые!

На всю ночь!

Ральф предвкушал необычный праздник в незнакомой интеллигентной компании.

А заодно гордился своей победой над холодом.

Из его коллег-иностранцев никто не был способен на такой поступок.

Те – наоборот, вспоминая родные края, утеплялись.

Утеплялись, ругались, жаловались.

И в конечном итоге, смирялись.

Для них Новый год, как и поглотивший всю советскую цивилизацию холод, превращался в суровую календарную неизбежность. От которой вряд ли стоило ожидать неких положительных открытий.

Ральф оказался натурой более творческой.

И более решительной.

За полчаса до появления художника будущий историк был уже при параде. Хорошо, что соседи по комнате все разбежались. Поэтому никто не мешал вдоволь крутиться перед зеркалом, совершенствуя собственный праздничный образ. Репетировать взгляды и жесты ему еще никогда не приходило в голову.

И вот пришло.

Ральф сам себе нравился.

Он даже родным гдээрзовским оделоном «флорена» надушился крепче обычного. Чтоб до утра не выветрился. Единственное, чего пока еще не доставало немцу, так это жизнерадостной улыбки. Хотя с улыбкой торопиться, наверное, не следовало. До исторического боя кремлевских курантов было почти четыре часа. И не менее важно было раньше времени не перегореть.

Гдээрзовцу давно запала в душу старинная русская поговорка: как Новый год встретишь, так год и проведешь. Было

в ней нечто фатальное. И сейчас появлялась ценная возможность на своем опыте эту фатальность проверить. Так что, готовясь к празднику, студент второго курса МГУ заботился и о своем будущем. Несмотря на то, что раньше, до приезда в Москву он понятия не имел о суеверии.

Впервые немец так педантично и обстоятельно думал о выходе в люди.

Впервые он был так придиричив к своей персоне.

Сегодня он понял, что нравиться самому себе – сродни искусству. Тогда как нравиться другим – скорее, труд.

Сегодня Ральф умело совмещал эти две задачи.

Сегодня Ральф был во всем максималистом.

Хотя, с другой стороны, можно было не стараться и не идти на такие жертвы.

Иностранцы в Советском Союзе нравились почти всем, почти всегда, почти во всем. Независимо от того, чем они занимались и как они выглядели. Независимо от того, в какие дома и компании они попадали. За любым столом к ним относились с повышенным пиететом. И к ним почему-то автоматически возникало доверие. Даже если они его и не заслуживали.

Формальный статус иностранца был ключом-отмычкой к большинству добродушных советских сердец.

И чужеземные господа-товарищи ключом этим охотно пользовались.

Сбои случались крайне редко, и то по недоразумению.

Ральф совсем забыл, что в Москве он самый настоящий иностранец.

На практике он пока еще не испытывал потребности в этом привилегированном статусе.

Ему хотелось выделяться среди равных.

То есть заслуженно.

Ему хотелось побеждать в честной борьбе.

То есть по-мужски.

Вооружившись всеми своими достоинствами, Ральф собрался в поход за очередной победой. Которую он уже изначально записал в свой актив.

Его ждали новые откровения.

Его ждала феерическая ночь.

И ожидание было взаимным.

Новый год – явление магическое.

15

И хозяева, и гости, разобрав, что приятель художника – гдээрзовский студент, оживились.

Во всяком случае, одной интригой вечера мгновенно стало больше.

Пускай не американец, не англичанин и даже не финн, но все равно «оттуда», из-за границы. Иностранец – этим все сказано.

Часы в прихожей показывали ровно десять.

Народ был в сборе.

Народ потихоньку расслаблялся.

Как может расслабляться трезвый русский народ.

В большой комнате одновременно работали телевизор и магнитофон. В углу, рядом с усыпанной огнями елкой, что-то задумчивое пела под гитару долговязая девушка. А несколько внимательных слушательниц в редких паузах между нудоватými самодельными песнями громко ей аплодировали.

В соседней комнате любители спорта азартно спорили о хоккее. Чувствовалось, что собрались болельщики.

Остальные, не имевшие склонности ни к брэнчанию на гитаре, ни к спорту, тоже не сидели молча.

Короче, каждый по-своему дожидался приглашения за стол. Заодно пытаюсь создать у незнакомых гостей первое впечатление о себе.

Праздничный процесс стартовал.

Но Ральфа он коснулся не сразу.

Почетному гостю дали время на адаптацию.

Для начала немцу хотелось отогреться, присмотреться к обстановке, почувствовать тональность вечера. Конечно, его б сразу и с радостью приняли в любой мини-коллектив. Но проявлять инициативу по отношению к иностранцу у русских было не принято. Инициатива, а значит, и право выбора должны были исходить от него самого. Мало ли какие у него вкусы и предпочтения? Тем более что вкусы иностранцев русские всегда ставили выше собственных. А тут... столь серьезный молодой человек. В очках. Будущий историк. И наверняка отличник.

Однако проявлять себя Ральф не торопился.

Впереди ждала целая ночь. И трудно было предугадать, как развернутся события на полях празднования. Утопая в несмолкаемом многоголосии и в перебивающих друг друга самозабвенных кулинарных ароматах, доносившихся из кухни, немец гляделся в московский быт изнутри. Ему было интересно, как живут москвичи. Ведь все полтора года он общался с теми, кто теснился в общежитии. То есть с иногородними. С «полноценными» же москвичами он виделся только мимоходом, на факультете, и в частную квартиру попал впервые. И вдруг – сразу в лифтную. Хотя немец даже не представлял себе, ни кто ее хозяйка, ни чем они занимаются. Но в том, что его занесло не в типичный московский дом и обитали в нем не типичные труженики, сомнений не возникало. Оказывается, в тяжелом на подъем Советском Союзе тоже можно было жить с комфортом, который у большинства

строителей коммунизма почему-то ассоциировался, прежде всего, с Западом.

Художник оперативно сориентировался в ситуации и незаметно предложил Ральфу «приземлиться» в свободном углу, на «нейтральной» территории.

К жарким мужским спорам о хоккее, как и к сольному концерту у елки ни того, ни другого не тянуло. Наблюдать со стороны было куда забавнее. Немца радовало, что его спутник, знакомый буквально со всеми, не отходил от него ни на шаг. Чувство ответственности в человеке он ценил особенно высоко. А отдельные реплики русского друга – уместные, немногословные и с безжалостным юмором – не только вызывали улыбку на лицах рядышком сидящих, но и придавали Ральфу уверенности. Даже любопытствующие взгляды, которые периодически он перехватывал, сегодня его не смущали.

Сегодня у него был защитник.

Во всяком случае, на это можно было рассчитывать.

Сам же будущий историк, хоть и удостоился особого внимания, до образа типичного иностранца не дотягивал. Для окружающих он выглядел загадкой. Войти в контакт с ним хотели многие. Но никому не хватало решительности. В присутствии иностранца и к тому же на трезвую голову русские всегда страдали избытком интеллигентности. Им мешала заурядная стеснительность. Разумеется, если они были интеллигентами по природе.

Поэтому все ждали повода.

И это несмотря на то, что наполненный бокал был уже у каждого. И каждый что-нибудь да попилвал. Но занятие сие выглядело скорее предварительным, разминочным.

Вспливание настоящее, по-русски, еще не начиналось.

Склонный к протокольной точности, гдээровец сходу насчитал на большом сервировочном столике девятнадцать марок разных крепких напитков. Плюс шампанское, плюс по три сорта белых и красных вин. Предложенный выбор будущего историка поражал. Такую шикарную коллекцию можно было встретить в недоступных барах «Интуриста» и в валютных магазинах «Березка». «Да, видимо, хозяева – довольно состоятельные люди или очень влиятельные... Или связаны по работе с Западом...» Еще Ральф насчитал двадцать девять присутствующих – семнадцать мужчин и двенадцать женщин. Включая его и художника. Даже для большой по сравнению с ростокской квартиры это было многовато. Тем не менее места в доме хватало. А легкая суетола во время перемещений не раздражала. Праздник он и есть праздник.

Выпив на пару с художником по глотку предложенного им белого «Мартини», Ральф оживился. Он понимал, что от дополнительного интереса к нему все равно нигуда не деться. Так лучше было изначально не относиться к этому чересчур

серьезно и не комплексовать. В конце концов он пришел сюда встречать Новый год, а не устраивать свою личную жизнь. История с однокурсницей Наташей еще не успела выветриться у него из головы. Поэтому, чтобы не нарваться на новые ненужные приключения, немец решил нравиться всем сразу.

Нравиться каждому по отдельности слишком хлопотно. А только кому-то одному – слишком опасно.

Найдя подходящий повод, Ральф широко улыбнулся.

И получилось кстати.

В ту же минуту прозвучала команда: «За стол!...»

Все зашумели.

Засуетились.

Не зная, кому какое место занять.

Точнее, выбрать.

Но через несколько секунд стало ясно, что все заранее расписано в специальном «документе». И от придуманной схемы никуда не уйти.

Дед Мороз и Снегурочка (переодетые хозяева) каждого называли поименно.

Естественно, что будущего историка посадили рядом с художником.

С другой стороны его соседкой оказалась... девушка, уезжающая через две недели на постоянное жительство в Израиль.

Об этом Ральф узнал из первых ее слов.

Хотя сначала вообще не сообразил, о чем идет речь.

16

Изменник Родины.

Он же – враг народа.

Он же – просто предатель.

Эти грозные слова были знакомы с детства не только советскому патриоту, но и гэдээровскому тоже. Впрочем, на каком бы языке они ни произносились, смысл их всегда предельно конкретен и одинаково беспощаден.

Независимо от того, к кому они относятся и на чем основаны.

Напрасно такими словами никогда не разбрасываются. Даже самые аполитичные и бездушные.

У этих слов особый смысл.

И особый запал.

Ну, как еще мог отреагировать с детства идеологически выдержанный Ральф на откровения рыжеволосой соседки? На явно благодушное, демонстративно-пренебрежительное отношение ко всему советскому и социалистическому? На возмутительные реплики в адрес взроставшей ее страны? Между тостами за уходящий год она не раз повторила, что скоро ее ждет встреча с настоящей, исторической родиной. Что с «этой» ее ничто не связывает.

Запад помог.

Свобода восторжествовала.

И мечта несчастной семьи наконец-то сбылась.

– Мечта?.. О чем?.. – с несвойственным иностранцам ехидством заинтересовался немец.

– Ральф, Вам трудно нас понять... Вы – иностранец... Вы – из другого мира...

Хотя о том, из какого мира был гэдээровец, за столом знал только он один.

Вместо продолжения диалога Ральф посмотрел на свою соседку. Однако следов страданий ни в ее глазах, ни в ее веснушчатой ухмылке не обнаружил. Наоборот, своей активностью она превосходила всех остальных. И одета была во все иностранное, модное и дорогое.

«Врет ведь, наверняка врет...»

Еще в ГДР, перед поездкой в Союз немцу компетентно объяснили, почему некоторые советские граждане убегают из страны. Причем их называли предателями. В Восточной Германии подобного рода негодяи тоже встречались. И не столь редко, как об этом писали местные газеты. Будучи убежденным комсомольцем-эфдзётовцем, Ральф знал этим людям подлинную цену. Такие продавали свою Родину ради личной выгоды. Таких публично клеймили-презирали. И черными чернилами вычеркивали из славной гэдээровской истории.

Но что Ральфа возмущало больше всего, так это то, что о подлеме отъезде эмигрантки и о стране-агрессоре Израиле за столом говорили без осуждения, совершенно спокойно и даже по-деловому. Выпивая, закусьвая, под музыку. Все! В том числе и его приятель художник. У немца создалось впечатление, будто он находился не за дружеским столом с советскими товарищами, а среди потенциальных врагов и нигилистов. Вот тебе и славная московская элита! Вот тебе и компания-достопримечательность. Ральф не без труда себя сдерживал. От возмущения внутри у него все кипело. Хотя никаких резких слов произносить вслух он и не рискнул, можно было не сомневаться: мысленно он их повторил не раз и не два. И наверняка столько же раз вспомнил своего наставника Владимира Владимировича. Вот уж кто с ними бы разобрался.

Правда, ближе к полуночи еврейско-эмигрантская тема себя полностью исчерпала. Ее стали заменять анекдоты, разные смешные небывлицы и просто бессвязная праздничная болтовня. А после ожидаемого выступления по телевидению прописанного по совету Генерального секретаря ЦК КПСС, загадав под бой курантов по целых двенадцать желаний, все с проливающимися бокалами в руках бросились друг к другу целоваться. С этого момента поводов для недовольства у немца больше не возникало. Он всей душой влился в коллектив.

Ральфу пришлось расщедриться аж на двадцать восемь поцелуев. Рыжеволосой изменнице тоже досталась частичка неподдельной «иностранный» нежности. А куда было немцу деваться? Из новогоднего образа нельзя было выходить. Ральф даже пожелал настрадавшейся еврейской красавице счастливого пути. И, на всякий случай, мира на всем Ближнем Востоке.

Спасибо водке.

Спасибо шампанскому.

Сочетание сих двух непохожих напитков стремительно освобождало от стереотипов, направляя боевое застольное настроение в полноценное праздничное русло. К тому же, гостям было предложено так много всего диковинного и аппетитного, что все хотелось ну хоть разок попробовать. Причем блюда, даже самые экзотические, великолепно сочетались и с водкой, и с шампанским. Остановиться не получалось и не хотелось. Следующего похожего застолья могло и не случиться.

Ровно в два часа ночи по Москве в честь наступившего Нового года в Европе художник неожиданно взял слово и, попросив приглушить музыку, предложил тост за дорогого иностранного гостя.

Произнес он его стоя.

Это был маленький шедевр ораторского искусства.

Такого приятного сюрприза Ральф не ожидал. Столько комплиментов раскрасневшийся гэдээровец даже от своей любимой мамы никогда не слышал. Он и не предполагал, что у него так много достоинств. Вернее, был приятно удивлен, что русский друг настолько внимательно к нему присматривается.

Значит, не только знает ему цену.

Но и ценит.

А тут еще в придачу к тосту по телевизору передали песню на немецком языке.

Полный восторг!

Крики.

Аплодисменты.

И вновь многочисленные объятия и поцелуи.

Но уже в более горячем исполнении.

Девушки были от Ральфа без ума.

Сразу после сладковатого гэдээровского шансона они хором стали требовать танцев.

И почти сразу они начались.

Ральф был нарахват.

Под любую музыку.

Но особенно, что и следовало ожидать, под медленную.

Чтобы никого не обидеть, немцу пришлось принимать все приглашения. Хотя сам инициативы не проявлял. И ни к кому крепко не прижимался. Имея определенный дискотечный опыт, с одной и той же девушкой будущий историк больше двух раз

подряд не танцевал. Мало ли... Вдруг развеселившиеся девушки неправильно его поймут. А именно так бы они и поняли.

Осторожность Ральфа не покидала.

Отношения с Наташей послужили серьезным уроком на всю оставшуюся жизнь. Сейчас вокруг него крутились с десяток огнедышащих наташ. И от любой из них стоило ожидать подвоха.

Музыке не было конца.

Шарканью по дубовому сталинскому паркету тоже.

Перерывы между танцами предназначались только для короткого тоста.

Это была единственная возможность перевести дух.

И посидеть минуту на стуле.

Спасибо водке.

Спасибо шампанскому.

Однако в три часа ночи обстановка в доме изменилась. Начался трансляция хоккейного матча века напрямую из Америки. Между тамошними богачами-профессионалами и непобедимыми советскими чемпионами. Теперь стало ясно, почему еще с вечера так много говорили о хоккее. И для русских, и для американцев это было суперсобытие, выходящее за рамки спортивного состязания. Нет, медали не разыгрывались и звания никакие не присваивались. Зато перед миром на кон выставлялся национальный престиж и глобальное политическое лидерство. Кто кого? И с каким счетом? Кому круче «намылят» физиономии? И унесут ли кого вообще на носилках? Холодная война на одну ночь обрела глупый, бессмысленный образ и конкретные очертания. Конкретные тактические задачи, просчеты и беспощадные силовые приемы.

Большинство тут же намертво прилипло к телевизору. Но музыку никто не выключал, и наиболее рьяные поклонницы Терпсихоры, в первую очередь, израильская эмигрантка, продолжали отплясывать. От танцев народных до сверхмодных. От заводных до эротических. Не замечая ни мерцающего разноцветного экрана, ни запинаящегося от волнения хриплого комментатора, ни вскакивающих со своих мест болельщиков.

Танцы и одновременно хоккей по телевизору на всю громкость – это тоже по-русски.

Надо было выбирать.

И Ральф свой выбор сделал не задумываясь.

При всем безразличии к спортивным зрелищам немец присоединился к заведенным болельщикам. Бесперывное дерганье ногами в кругу танцующих девиц ему надоело. А тут появился шанс просто посидеть рядом с художником, пообщаться. Но тот, к сожалению немца, поглядывал на него только изредка. Чтобы поделиться впечатлениями от матча. Художник был весь в игре. Художник был там, за океаном.

Шайба, клюшки и драки между здоровенными трезвыми мужиками, интересовали его ничуть не меньше, чем остальных.

Ральф не верил своим глазам.

Ральф не верил самому себе.

Он всегда почему-то считал, что массовая любовь к спорту – удел пролетариата. Хотя против пролетариата и пролетарских страстей будущий историк, понятно, ничего не имел. Более того, после каждой заброшенной шайбы в ворота американцев он, размахивая руками, синхронно со всеми вскакивал со стула с душераздирающими воплями: «Ура!!!»

И вместе со всеми стоя выпивал положенную по такому случаю рюмку.

А шайб в этой встрече было заброшено немало.

Спасибо зрелищу.

Виват водке.

Виват шампанскому.

Они меняли отношение к спорту.

Они меняли отношение к советскому зрителю, советской богеме и советскому азарту.

Это был первый и последний хоккейный матч в жизни, который Ральф смотрел от начала до конца. С финальной сиреной он даже забыл, что до хоккея происходили какие-то другие события.

К всеобщей радости маленькую ледовую войну длиной в 60 минут чистого времени русские выиграли с разницей в две шайбы.

На глазах у всего мира.

И назло всему миру.

Праздник потом продолжался еще долго.

Но о Новом годе уже почти не вспоминали.

Как любой праздничный повод, он себя исчерпал.

Гораздо чаще все вспоминали массовые потасовки и забытые голы.

Победа над американцами да еще на их льду казалась более важным событием.

Событием, которому предстояло стать частью эпохи.

17

Очень хотелось пить.

И сильно болела голова.

Будущий историк очнулся в темноте. Не соображая ни где он, ни что с ним. Лишь через несколько секунд до него дошло, что он не в родном общежитии. Что лежит не в родной постели. Что раздет, но без пижамы. А рядом, под одним с ним одеялом, спит кто-то еще. Причем настолько рядом, что ощущается высокотемпературное тепло чужого тела. Боясь пошевелиться, немец стал прислушиваться к тишине, но не обнаружил ни звука. Как и не обнаружил в голове ни одной здравой мысли.

Умиравшему от жажды гэдэровцу пришлось изрядно помучиться, прежде чем новогодние приключения хотя бы частично вернулись в сознание. И благодаря напряженным усилиям цепь бурных событий начала пошагово, медленно восстанавливаться.

Не совсем в протокольной последовательности и только до момента окончания хоккейного репортажа из Америки. Триумф советского патриотизма связь обрывал. Слово в доме вырубил электричество. Мозг попытался было сопротивляться, но его сил оказалось мало. Дальше предположений и догадок дело не сдвинулось. Провалов в памяти было больше, чем самой памяти.

Впрочем, с тем, что происходило после хоккея, можно было разобраться потом, на протрезвевшую голову. Но вот кто лежал рядом сейчас? Будущий историк даже не мог понять, мужчина это или женщина. Чтоб понять, наверное, надо было прикоснуться к телу. Но как? В темноте можно ненароком что-то натворить. Вдруг в тот самый момент человек проснется? Что он подумает? Ладно, если это художник. Он все-таки почти свой. А если это кто-то другой? А если это спит рыжеволосая еврейская красавица, которая с такой навязчивостью каждый раз танцевала с Ральфом? Худшего варианта нельзя было придумать. Немец не знал, куда себя деть. Ему еще с детства не нравилось ночевать в гостях, даже в деревне у родной бабушки. Не говоря уже о том, чтобы спать в чужом доме в одной постели с кем-то совсем чужим.

Как такое могло случиться? Почему художник не отвез его в общежитие, как обещал?

А ведь обещал.

И если рядом спит не он, то где он сейчас? Неужели он оказался ненадежным?

Немец сразу вспомнил свою первую встречу с ним.

Пьяная физиономия... Рваная рубашка...

Немец злился.

На свою доверчивость.

И на ненадежность художника.

На всю русскую нацию.

Но злость не помогала.

Она, наоборот, мешала сосредоточиться.

Провоцировала.

На нервной почве Ральфу захотелось пить еще больше.

Горло не просто пересохло.

Его будто обклеили изнутри шершавой бумагой.

Что делать, будущий историк не знал.

Однако терпеть эту муку было невозможно. Она была сравнима с нечеловеческой пыткой.

Оставалось импровизировать.

На свой страх.

И трусливый риск.

То есть отправляться за водой вслепую.
Босиком.
В трусах и без майки.
Не умирать же от жажды.
И он не умер.
В конце концов похмельные страхи оказались преувеличенными.

Реальность немца пощадила.
И дверь быстро отыскалась, и кухня, и долгожданная холодная вода. И выключатель он сходу нашупал и прихожей. И по пути ему никто не встретился. Видимо, в доме все спали, если в доме кто-то был.

На часы немец внимания не обратил и с облегчением вздохнул, удостоверившись, что это именно та квартира, куда вчера его привез художник. Подозрительным и странным показалось лишь то, что на кухне было убрано и неестественно чисто. А в комнате, где ночью происходили основные баталии, кроме отрешенно мигавшей одинокой елки, ничто о минувшем празднике не напоминало. Немец даже не поленился сделать один шаг в сторону и заглянул в открытую дверь.

«Неужели у всех хватило сил разбехаться по домам?.. Правда, героический народ...»

«Их даже пьянство сломить не может...»

Но рассуждать о расторопности молодцов-хозяев и мобильности гостей не имело смысла. Все они, как и сам полузабытый праздник, стали уже достоянием прошлого. Сейчас было важнее выяснить, кто именно лежал с ним в одной постели.

И сделать это надо было деликатно, без шума, не включая свет в спальне.

На сей раз немец не растерялся.

С темнотой он разобрался, как опытный подпольщик. С помощью обнаруженных на кухне спичек он беззвучно подкрался к кровати, несколько раз осторожно циркнул и без труда убедился, что ложе с ним делит не кто иной, как художник.

Это был самый терпимый вариант.

Немец успокоился.

Он и на главный вопрос для себя ответил, и жажду утолил.

Теперь можно было еще немного послать.

На пару с русским.

А там, глядишь, голова уже в норму придет. И память более-менее восстановится.

Он даже не стал искать свою одежду. Наверняка она где-то аккуратно сложена.

Когда будущий историк вновь забирался под одеяло, его посетила неожиданная мысль.

Все-таки очутиться в общей постели с мужчиной в бессознательном состоянии – одно. Ложиться же с ним рядом в здравом уме – это другое и довольно необычное ощущение.

Ральф боялся разбудить художника.

Ральф вытянулся в линию.

Как гимнаст.

Выбора не было.

Но выход был.

Поскорее уснуть.

Чтобы поскорее окончательно проснуться.

И уехать в общежитие.

К своим делам и проблемам.

При этом в голове даже мысли не мелькнуло о холоде за окном.

Тепло чужого тела его уже не смущало.

18

Когда художник растормошил друга, уже наступил вечер второго января.

Чувство праздника еще никогда так не изменяло немцу. Русское веселье впервые навязало не только собственное мироощущение, но и времяощущение.

В это трудно было поверить.

Отлаженная гдээрзовская машина дала вдруг сбой. А успокоительные интонации отлично чувствовавшего себя художника спросонья казались издевательством.

В общей сложности немец проспал больше суток, хотя поначалу он подумал, что всего несколько часов.

– Не переживай, Ральф... Не стоит расстраиваться из-за ерунды... Это с каждым может случиться... Тем более по неопытности... Жизнь в Москве богата на приключения... Ну а праздник есть праздник... Зато в следующий раз уже будешь знать: водку шампанским никогда не запивают... И коктейлем эту смертельную смесь не называют... Я ведь предупреждал тебя, но ты же упрямый... Уверял меня, что тебе нравится... Что у вас в Германии многие любят так делать... Может быть, любят, да, и делают... Но не в тех количествах, которые ты осилил за ночь... Ладно, приходи скорее в себя...
– Вот я отличился...

– Главное, что ты оказался способен на подвиг... Ты пил, никому не уступая, от души... И не только я это заметил... Даже когда не кричали «До дна!», ты все равно до дна пил... Будто ставил себя в пример... Как настоящий сибиряк... И не пропустил ни одного тоста... Такого немца русские еще не видели...

– Но пропускать ведь неприлично... Мне все об этом говорили... Если бы ты меня заранее предупредил, иногда бы я пропускал...

– Вначале ты держался... На пару часов тебя хватило... Когда же я понял, что тебе достаточно и пора передохнуть, ты меня уже не слушал... Ты слушал всех, кроме меня... А после хоккея тебя было просто не остановить... Ты кричал, как за своих... Во всю глотку... Будто тебе больше всех хотелось отпраздновать победу...

– ...
– И потом не забывай, ты иностранец... За столом все искали повод выпить с тобой... Ну неужели ты этого не понимал?.. Хотя тебе, по-моему, все очень даже нравилось... Ты сам не против был... Ты восторгался, что русские позаимствовали у немцев слово «брудершафт»... И со всеми пил безотказно... А твоя робкая покладистость и доброта впечатляли девушек... Не знаю, но знаю, может, тебе просто целоваться хотелось... Ты даже не дождался, когда тебе нальют, ты наливал себе сам... Это же не могло продолжаться вечно... То водка, то шампанское, то водка, то шампанское... Иногда же вообще вперемешку... Ну, и закончилось все тем, чем закончилось...

– А почему ты меня в общежитие не отвез?..
– На градуснике было минус пятьдесят... Я выходил на улицу первого днем – когда ты спал в кресле... Пытался поймать такси, чтобы тебя потом, как багаж, погрузить – бесполезно... Простоял на холоде около получаса – ни одна машина не остановилась... Ноги онемели, руки тоже... Я готов был заплатить любые деньги... Но ни один водитель не притормозил, чтобы спросить: «Куда и сколько?..» В новогоднее утро всегда такая история... А для троллейбуса или автобуса ты был не пассажир... Да и я был не в лучшей форме, сам понимаешь... Нас либо забрали бы в милицию, либо мы замерзли бы где-нибудь по дороге... Нас не спасло бы даже чересчур повышенное содержание спирта в крови...

– Выходит, что я спал больше суток?..
– Это несложная арифметика... Если считать с момента твоего первого засыпания, больше часов на семь-восемь, наверное... Из кресла я тебя еще поднимал обедать... Но лучше бы этого не делал...

– Обедать?..
– Да, ты еще тост произносил... Минуты на три... Как партийный секретарь...

– ?!
– А вареники помнишь?..
– Вареники... Это что?..
– Как пельмени, только с творогом... По-моему, тебе они понравились...

– ...
– И арбуз не помнишь?..
– ...

– Тогда ты и торт не помнишь... На котором кремом было написано: «Freundschaft»...

– Не помню...
– И соседей из квартиры напротив...
– Нет...
– А что помнишь?..
– Хоккей помню...
– Ты дашь... Хоккей еще в шесть утра закончился... Вот когда завелась настоящая карусель... На радостях от великой победы...
– ...

– После вареников ты еще танцевал... Все поражаешься твоей выносливости... А как русские песни хором со всеми затягивал... Я даже удивился, откуда немец столько наших песен знает... Специально учил, что ли... Многосерийное кино можно было снимать... Но после этого ты опять сел в кресло и отключился... На сей раз уже окончательно... На виду у всех... Вот мы с хозяином и решили перенести тебя в спальню... Разули, раздели, уложили... Ты не сопротивлялся... Точнее, ты не подавал признаков жизни...

– Какой стыд... Национальный позор... Что теперь будут думать о немцах?..

– Не придавай этому значения... Все были пьяны... И вряд ли наутро об этом вспомнят...

– И девушки тоже?..
– Да многие наши девушки пьют не хуже мужиков... Ты разве не заметил?..

– Когда в компании сам пьешь, не очень-то смотришь, сколько пьют другие...

– Верно... В этом смысле и пьянеть лучше раньше... Потом уже не замечашь, до какого состояния напиваются остальные...

– Моя рыжеволосая соседка тоже напилась?..
– Еще как... И всем вешалась на шею...

– Мне тоже?..
– И тебе...
– И что?..
– Не бойся, ничего... Я не дал ей тебя на растерзание... Я тебя оберегал... И не только от нее... Когда ты напился, к тебе многие клеились...

– Хотя ты и смеешься, все равно за это спасибо... Я больше никогда не буду столько пить... Этот Новый год будет для меня уроком...

– Я даже лег рядом сразу, как понял, что рыжеволосая тоже остается... Чтобы не опередила... Ей море было по колено... Такой я ее еще никогда не видел...

– Ты меня спас...
– Ты понял, что мы спали вместе?..

– Да, я ночью один раз вставал... Вообще, я не люблю
почевать не дома...
– А если я тебя в гости приглашу, засидимся допоздна, у
меня-то ты останешься?.. В моем доме бояться некого, кроме
меня самого... Я живу один...
– А девушка у тебя есть?..
– Я разведен...
– Такой молодой и уже разведен?..
– Мы, русские, как правило, рано женимся... И разводимся
тоже рано...
– И дети у тебя есть?..
– Есть...
– Так ты – папа!?. Надо же...
– У нас папами и раньше становятся... Много фантазии для
этого не нужно...
– А сколько тебе лет?..
– Я старше тебя на четыре года...
– Откуда ты знаешь, сколько мне?..
– Я в КГБ работаю...
– Правда?..
– Не бойся, шучу... Вы, иностранцы, при слове «КГБ» всегда
вздрагиваете... Вот они вас запугали... Ну разве я похож на
гэбшника?..
– Похож...
– Да!?.
– Правда, похож...
– А ты что, с ними знаком?..
– Не бойся, я тоже шучу...
– Иностранцы обычно так не шутят... Они никогда не шутят
над тем, чего сами боятся...
– Ты еще и психолог...
– Совсем чуть-чуть... На общественных началах... В
свободное от художеств время... У нас в стране совсем не быть
психологом нельзя...
Стук в дверь спальни.
– Да, идем!!!
– Куда идем?..
– Пойдем, выпьем чай с хозяевами... Они заждали тебя...
Яблочный пирог специально испекли... А ровно в восемь будет
машина... Я такси еще утром заказал... Тебя отвезу, а сам потом
далее поеду... Помнишь, что у тебя послезавтра экзамен?..
– Помню... И, как ни странно, даже помню, по какому
предмету... А хозяева что за люди?..
– Он – летчик... Летает на международных линиях... То в
Африку, то в Латинскую Америку, то в Европу... И видит чуть
больше, чем мы с тобой здесь... Она – его жена... Хорошие
ребята... Я думаю, что в этом доме мы еще с тобой побываем...

– Мне стыдно сейчас перед ними появляться... Они уж точно
надо мной смеялись...
– Не бери в голову... Они – свои люди... Я полностью им
доверяю...
– Еврейка уже ушла?..
– Иди быстро умывайся... Ушла и причем навсегда... Ей
пора чемоданы паковать... Представляю, сколько их у нее...
Через два дня она улетает в Вену...
– В Вену?..
– Все евреи в Израиль через Вену летят... Есть такое
соглашение... Это их главная дорога... Давай, на полке в ванной
новая зубная щетка лежит, зеленого цвета, я для тебя
прихватил... Бегом...
– А ты пока извинись за меня перед хозяевами...

19

На первую в наступившем году встречу с Владимиром
Владимировичем Ральф отправился в плохом настроении.

Мучила совесть.

И не без причины.

Очередной отчет немца выглядел как никогда кратким и
сухим. Стыдно было честному комсомольцу-эффдетовцу
признаваться в настоящем пьянстве, которое за минувшую
неделю случилось дважды. Да и о новом русском друге не
хотелось упоминать. Зачем на интеллигентного человека заранее
вешать какие-то подозрения? Даже о рыжеволосой изменнице
Родины – ни строчки. В конце концов, если всему ее семейству
дали разрешение на выезд, значит, эти люди никакой опасности
для советского государства уже не представляют. «В
спецслужбах о них наверняка и так все известно». Вот и
получалось, что писать отчет было не о чем. За последние дни,
кроме неожиданно завязавшейся дружбы с художником и
небывалого по размаху веселья, ничего существенного ни с
будущим историком, ни вокруг него не происходило. Все более
или менее по-настоящему важное происходило исключительно
внутри него самого – в душе и в мыслях.

По дороге на Лубянку немец старался предугадать ход
предстоящего разговора.

Анализируя свой писательский труд, он одновременно и
винил себя, и оправдывал.

Ральф не совсем понимал, где проходит та невидимая линия
раздела между личным и служебным?

Кто определяет границу?

Как она выглядит?

И насколько его сугубо частная жизнь в реальности является
его, частной?

Да, с сегодняшним отчетом, наверное, еще можно было как-
нибудь выкрутиться, свалив все на праздник и начало зимней

сессии. На это надежда еще теплилась. Но вот что делать в будущем? Постоянно и подробно признаваться во всех своих личных тайнах? Превращать служебные отчеты в странички автобиографии? А как быть с увлечениями и слабостями собственного «эго», предавать? Хотя, с другой стороны, утаить что-либо от Владимира Владимировича было все равно невозможно. Эта затея была бесполезной и опасной. Владимир Владимирович обращал внимание на детали, всегда докапываясь до истины. Его гипнотические способности видеть насквозь все и вся до сих пор ни разу не вызвали сомнений. Он и в этом был в высшей степени профессионал. Мало того, он мог иметь и параллельные источники информации. И, скорее всего, их имел.

Чем меньше остановок оставалось до «Дзержинской», тем больше Ральф переживал.

Его бросало то в жар, то в озноб.

И на то имелась причина.

Торжественный прием, который устроили гэдэровцу в день Чекиста, по идее должен был стать определяющим в его дальнейшей судьбе. Во всяком случае, в то утро в этом можно было не сомневаться. Ведь чувствовали его словно героя. Одна речь Владимира Владимировича чего стоила, произнесенная в присутствии сослуживцев, стоя, с рюмкой коньяка в руке. И вот тебе на! Не успели герою вручить подарок и поблагодарить за активность, как через неделю вся эта активность скатилась по наклонной. Немец ни разу не воспользовался именным фотоаппаратом. А в инструкцию и не заглянул. Хотя подарок явно был сделан с конкретным расчетом.

Ральф чувствовал себя виноватым.

Ральф обещал себе исправиться

Тяжестью всего своего хрупкого тела он еле открывал дверь лубянской крепости.

Потертая ковровая дорожка.

Поднявшись на второй этаж и сняв шапку, немец на ходу причесался. Что частенько делать забывал. Внешний вид, конечно, никакой роли в этой ситуации не играл, но как-то надо было компенсировать недовольство собой. А заодно отвлечься.

Уже собравшись постучать в дверь, он вдруг застыл. На двери грубой советской кнопкой была прикреплена от руки написанная записка: «Входить без стука!»

Выдержав подготовительную паузу, Ральф осторожно, будто крадучись, вошел.

Владимир Владимирович сосредоточенно выстукивал на печатной машинке. От процесса он оторвался лишь на секунду, чтобы молча протянуть руку юному коллеге. И дал жестом понять: нужно немного подождать.

Не произнеся ни слова, немец с деловым, понимающим видом опустился на свой дежурный стул.

Передышка оказалась кстати.

И можно было чуть расслабиться.

Довольно необычно было наблюдать за печатающим на машинке мужчиной. Но деловой Владимир Владимирович не просто механически перепечатывал документ, а сочинял его, не заглядывая при этом ни в какие другие бумаги. Вся информация бралась из головы. Никакого черновика, ни шаргалки для подстраховки. И печатал он со скоростью, которой могла бы позавидовать любая секретарша. Видимо, это была очень срочная работа. «Вот что значит советская госбезопасность... Чекист должен уметь все... И должен быть ко всему готов...»

Ральф следил не только за руками чекиста.

Первые появились возможность внимательно разглядеть лицо своего наставника. В разговоре далеко не все нюансы можно уловить.

Сейчас же под электрический камнепад гэдэровской печатной машинки «Эрика» они сами бросались в глаза. И главное, что для Ральфа стало невероятным открытием: Владимир Владимирович и художник показались ему чем-то друг на друга похожими. Чем именно, немец сразу понять не мог. Уж слишком не вовремя пришла ему в голову эта мысль. Слишком неправдоподобной казалась она на первый взгляд.

Для детального сравнения надо было представить себе лицо художника.

Но попытка закончилась неудачей.

Кроме глаз, ничего вспомнить не смог.

И все-таки в этом сходстве он не сомневался.

Ральф настолько отвлекся от беспокоивших его минутой назад проблем, что даже улыбнулся своему невероятному и странному открытию.

Он любил делать открытия.

И никогда не упускал шанса себя вдохновить.

Тем более в трудную минуту.

В тот же миг, вытаскив опечатанный лист из машинки, Владимир Владимирович посмотрел на молчавшего немца. И Ральф искренне обрадовался его хорошему настроению.

«Похож...»

«Очень похож...»

«Вот бы художник знал...»

20

– С наступившим тебя, Ральф!.. И с началом сессии... Извини, что заставил ждать... Мне нужно было срочно закончить одну важную бумаженцию... Но сейчас я в твоём распоряжении... Честно говоря, я был уверен, что сегодня ты не явись... Все-таки Новый год – не совсем простой праздник... Хотя у нас, у русских, легких праздников не бывает... Начиная с красивых дней календаря и заканчивая чисто семейными посиделками... Ну так мы устроены... Да чего я тебе

объясняя... Ты, наверное, теперь не хуже меня знаешь... Вижу, Москва перестраивает тебя на свой лад... И праздничные трудности тебя только закаляют...

– Во время праздника все как раз очень даже легко... Тяжело потом...

– Сочувствую, сочувствую... Чем веселее сам процесс, тем тяжелее последствия... Без богатрского здоровья за нашим столом не обойтись... Зато будет что вспомнить, когда вернешься домой... У вас там, насколько помню, далеко не так «безобразно» все происходит... Вы, немцы, к чувству меры по уважительнее относитесь...

– По-разному бывает...

– У нас по-разному, к сожалению, не бывает... Гулять так гулять... Всей девятиэтажкой... Всем городом... Всей страной... Пока душа наизнанку не вывернется... Бедным иностранцам, особенно западным, это в первую очередь в глаза бросается... Хотя многие из них в восторге от дикого русского застолья... А есть, между прочим, такие, которые ради этого к нам и приезжают...

– Веселье, как и искусство, тоже требует жертв...

– О, ты философствуешь уже как завсегда богемных компаний, – произнес Владимир Владимирович с поднятой головой и таинственной улыбкой. – Не часто услышишь такое от студента-отличника... Молодчина... Учебу надо регулярно разбавлять отдыхом... Иначе сил на нее может не хватить... Нужны еще какие-то стимулы... Не только же из пятерок и зачетов состоит жизнь... Да и красный диплом сам по себе – невелика ценность...

Будущий историк специально не стал реагировать на этот то ли шуточный, то ли провокационный тон. Он даже взгляд отвел, чтобы случайно не проколоться. Мало ли что скрывалось за этой игривостью. А за ней обязательно что-то скрывалось. И немец лишь пожал плечами, будто все сказанное не нуждалось в комментарии.

– Когда я учился в Берлине... – продолжил чекист.

– В Берлине!?

– Да, сначала несколько месяцев в Мюнхене... Потом год в «Гумбольдте»... В общей сложности больше двух лет стажировался...

– И по какой специальности?..

– Немецкая филология... Так что мы с тобой почти коллеги, гуманитарии...

Владимир Владимирович мгновенно взлетел в глазах Ральфа еще выше. Хотя куда выше. И даже позавидовал тому, что русский и на Западе успел побывать, и в Берлине столько времени пожить. Тогда как он, немец, о Западе не мечтал, а в Берлине был всего раз, на школьных каникулах с родителями.

С приездом в Москву у гэдэровца периодически стал проявляться комплекс провинциала. Особенно в моменты, когда кто-нибудь из студентов интересовался, откуда он, из какого города родом. Ведь большинство русских, кроме Берлина, других немецких городов просто не знали. А если кто-то и знал, то зачастую путал, где они находятся – на западе или востоке. О Росточе, как правило, никто ничего не слышал. Потому иногда, с трудом скрывая раздражение, будущий историк давал и бесплатные уроки гэдэровской географии.

– Теперь мне понятно... Я все время удивлялся, как можно так свободно, без акцента, говорить по-немецки, не живя в Германии...

– Вот в этом ты как раз не прав, Ральф... Чему-чему, а иностранным языкам в наших школах учат прилично... Но я сейчас не об этом... Так вот, когда я учился в Берлине, один из преподавателей настолько творчески относился к нашим занятиям, что каждый понедельник заставлял нас, десятирých иностранцев, писать сочинение на тему, как я провел выходные... И получали мы по две оценки сразу: одну за язык, а вторую, только представь себе, за качество отдыха... После проверки он часто читал вслух мои сочинения, ставя меня в пример остальным студентам: учиться у русских отдыхать... И я охотно со всеми делился опытом... От желающих не было отбоя... Ни днем, ни ночью... В любой новой компании мне все было рады... Думаю, что в этом смысле ты тоже способный ученик... Ты теперь отчасти наш, русский... Или?.. Или ты в этом еще сомневался?..

Ральф, учуяв подвох уже во второй раз за утро, не стал акцентировать внимание на последнем «или» и попробовал сменить тему.

– А друзья в Берлине остались?..

– Друзья, конечно, нет, но коллеги остались... Время от времени мы даже видимся... На разных совещаниях... В Москве, Берлине... Но чаще перезваниваемся... И тоже по служебным делам... Свобода для нас – большая роскошь... Так что радуйся ей, пока учишься... С нашей профессией непросто иметь друзей...

– А в Германии часто приходится бывать?.. – своими вопросами Ральф старался потянуть время. Чтобы меньше его осталось на отчет...

– Могу сказать, что не столь часто, как хотелось бы... Я вообще любитель путешествовать... Все равно куда, все равно с кем... Я уже много где бывал... В детстве я даже мечтал стать моряком... Без шуток... До самого десятого класса... Ну, а потом... – Владимир Владимирович громко рассмеялся. – Увы-вы, морская романтика не выдержала конкуренции с реалиями сухопутными... Вот мы и сидим сейчас с тобой в этом кабинете...

– ...
– Ладно, пора нам спускаться с праздничных небес...
Поправив очки, немец протянул письменное домашнее задание.
– Ну, что там происходит в университете?.. Там ведь всегда что-нибудь происходит...
Ральф напряженно посмотрел на шефа, не зная, что на это ответить.
Интуиция предостерегала: врать нельзя.
Лучше промолчать.
Владимир Владимирович прочитал неполную страницу рукописного текста и отложил его в сторону.
Его тон стал еще мягче.
И эта чрезмерная, вкрадчивая мягкость не могла немца не насторожить.
Тревога оправдалась.
– Все нормально... Новый год – нелегкое испытание... Он отнял много сил... По глазам вижу... Да и к экзаменам небось по ночам готовишься... Какого числа заканчивается у тебя сессия?..
– Восемнадцатого...
– Я на две недели уезжаю... Думаю, будет лучше, если мы сделаем так... Сдавай спокойно экзамены, отгуливай каникулы и приходи, ну, скажем в последний понедельник января... К тому моменту я уже буду на месте... И ты сто процентов отойдешь и от сессии, и от всех праздников... Постарайся к нашей следующей встрече написать отчет за весь месяц сразу... Желательно поподробнее... Бумаги и чернил не жалей... Gut?..
– Gut...
– Времени хватит?..
– Хватит...
– Ничего не забудешь?..
– Ничего...
– Только отдыхать не забывай... Ходи в кино, театры, в гости... Помни, приятное общество – это залог хорошего настроения... Хорошее настроение необходимо не только для учебы, но и для работы... Оно всегда провоцирует на какие-то новые идеи... А то и на новые привязанности... Да, кстати... Как тебе твой друг, художник?.. По-моему, он неплохой парень...
Ральф едва сумел сохранить самообладание.
Чего он больше всего боялся, случилось.
Владимир Владимирович не промахнулся.
Это был сильный удар.
И невероятно точный.
Немцу мгновенно стало ясно, что он сам на крючке. Видимо, «пишущие» – не такая уж редкость и вне родной alma mater.
– Трудно сказать... Я его еще мало знаю...
Лицо шефа изменилось.

Немец тут же реально осознал, где он сейчас сидит, в какое время живет и за какие идеалы предстоит бороться всю оставшуюся жизнь.

С этой минуты игра закончилась.
Владимир Владимирович говорил прямым текстом.
На одном дыхании.

Словно перед ним была огромная аудитория.
Модник и эстет превратился в матерого бойца.

Таким своего шефа Ральф еще не видел.

– Из всей твоей новогодней компании к этому парню нужен особый подход... Понаблюдай внимательно... Меня интересуют его знакомые, его связи с иностранцами, его отношения с другими художниками, его мысли, планы... И запомни, интеллигенты – самая неблагонадежная, гнилая публика... Они лишь поднимают пыль, пытаюсь выглядеть благородными... На самом деле – чистые приспособленцы, обыкновенные продажные людишки... Независимо от рода занятий и таланта... Писатели, музыканты, художники... Почти все они считают себя непризнанными гениями и ради мифической славы готовы на все... Таких Запад берет под опеку и завязывает с ними дружбу... Сам понимаешь, не бескорыстную... А кто платит, тот музыку заказывает... Причем музыка у них одна – антисоветская... Вот почему ни на минуту не замолкают разные «вражи» голоса... Вот откуда берутся диссиденты... К сожалению, у них немало скрытых сообщников, с виду ничем примечательных... Хитрых, коварных... Именно их мы обязаны выявлять в первую очередь... Потому что на них, с виду незаметных и кротких, держится подрывная деятельность...

– ...

– Нам нужно быть каждый день начеку...

– ...

– Если б ты знал, сколько у нас врагов... Увы, гораздо больше, чем друзей... Мы окружены со всех сторон... Не будем бдительными – проиграем... И моя страна, и твоя... Все вместе...

Владимир Владимирович прошелся по кабинету.

Ральф вновь поправил очки.

От волнения у него даже вытянулась шея.

Серьезность, с которой говорил шеф, передалась и ему.

Это был не банальный габэшный ликбез.

Это было руководство к действию.

Игра и правда закончилась.

Юный дзержинец почувствовал себя на войне.

А невидимой, как принято ее называть, она казалась только тому, кто оставался от нее в стороне. И знал о ней по книжкам.

Ральф ловил каждое слово своего боевого командира и корил себя за те непуговые мысли, которые еще несколько часов назад

мелькали в его не до конца остывшей голове. Ральф благодарил судьбу за то, что все эти мысли были известны лишь ему одному.

– Когда вы встречаетесь в следующий раз?..
– Послезавтра...
– Где?..
– Я обещал прийти к нему домой...
– Ему что-то нужно?..
– Ничего, просто так, в гости...
– Кроме тебя кто-нибудь еще будет?..
– Думаю, нет...
– Отлично... Займись им...
– Я понял...
– Не хочу тебя заранее разочаровывать... Может быть, он парень и неплохой... В чужую душу ведь не залезешь... Таких, как он, в Москве полно... Тем не менее знать о нем надо все... Особенно обращай внимание на мелочи... На любые... Даже самые необычные... Лишних мелочей не бывает... И обязательно зафиксируй их на бумаге... По ним можно будет судить о более серьезных вещах... Учись психологии... Это путь ко всем человеческим тайнам... Если возникнет что-то срочное, меня найдут по телефонам, которые я тебе давал... Они работают круглосуточно... Не бойся, по ним можешь говорить все открытым текстом... Только сначала назови свое имя... Дорогой Ральф, наша профессия – знать все...

– ...
– И обо всех...
Чекист взял со стола конверт и протянул его немцу.
– Здесь сто рублей...
– !?
– Они тебе понадобятся... Вдруг придется пригласить художника в ресторан или бар... Или нужно будет срочно взять такси... Ну, или купить вино, водку, чтобы поехать к кому-то в гости... Мало ли что еще... Не стипендию же тебе тратить... Держись всегда независимо... И запомни, лишь уверенные в себе люди вызывают доверие...
– А если он вдруг спросит, откуда у меня столько денег?..
– Не переживай, русскому в голову не придет задать такой вопрос иностранцу.

21

Два поворота и – на месте.
От обещания до улицы Каховка Ральф добрался на машине всего минут за десять.

Но ему показалось, что время пролетело быстрее. Он еще не успел настроиться на встречу, а уже стоял перед измазанной красками дверью.

С завернутой в газету бутылкой вина подмышкой.
И двумя апельсинами, торчащими из кармана куртки.

Художник жил в одноподъездной двенадцатизатальной коробке грязновато-желтого цвета, каких в Москве были тысячи. В десятке шагов от оживленной дороги. На первом этаже. Сам этаж казался настолько низким, что квартира производила впечатление скорее обитаемого полуподвала, нежели полноценного жилого помещения. В общем-то, это была даже не квартира, а эдакая малогабаритная, хотя и двухкомнатная, мастерская-спальня. Где помимо полотен, сложенных штабелями, разбросанных тюбиков с красками и кистей, невероятным образом умещались еще громадный гардероб и чуть ли не детская по размерам и форме тахта.

Сомнений не было: в такой не стандартной обстановке мог жить лишь человек, поглощенный своей работой.

Другой бы задохнулся от недостатка воздуха.

Или от кризиса свободного пространства.

Странно смотрелось большое зеркало в прихожей плюс целая батарея мужских одколонов на столике перед ним. Как в парикмахерской.

Впрочем, обстановка для гэдэровца особого значения не имела. В родном Ростове он с рождения жил в квартире пролетарского типа, а отсутствие высокого потолка и пары лишних квадратных метров воспринимал как должное.

Но вот всплеск эмоций, которым его встретил хозяин, Ральфа искренне удивил.

Так радостно его еще никогда и нигде не встречали.

На душе потеплело.

Впервые слово «дружба» наполнилось для него столь трогательным содержанием.

Все недобрые подозрения Владимира Владимировича на время потеряли для немца остроту. Да, ненадолго, но все равно это было приятное начало.

Художник не совсем подходил под образ врага.

И Ральф, отдавшись чувствам, не стал сходо себя ни в чем убеждать или переубеждать.

Зачем торопиться?

Стоит ли рассуждать о приговоре, если еще ничего не известно о преступлении.

Ральф пустился в открытое плавание.

По ситуации.

В конце-то концов, он пришел в гости.

К творческому человеку.

И другу.

Хотя гэдэровец сознавал, что интерес к художнику со стороны КГБ не был случаен. Слишком настойчивым и убедительным оказался тон последнего разговора у шефа. Наверняка в Комитете что-то было известно. Однако верить в худшее Ральфу не хотелось. К тому же Владимир Владимирович не исключал варианта ошибки. Мысленно повторив его

многозначительный пассаж: «Может быть, он парень и неплохой... Таких в Москве много...», – немец решил именно его взять за основу будущих отношений с русским другом. И удачнее нельзя было придумать. Это был идеальный и своевременный внутренний компромисс. Лучшее из всех возможных начал.

Ральф вдыхал запах свежих красок.

Художник предложил расположиться на кухне.

Хотя другого места для приема гостей в доме и не было – что неудивительно.

Осчастливив стол грузинским вином и марокканскими апельсинами, юный держинец выбрал свою излюбленную позицию – поближе к окну.

Чтобы в всякий случай и улица, и вход в подъезд не выпадали из поля зрения.

Дружба – дружбой, а задатки тактика – это инстинкт.

Сейчас по ту сторону стекла видны были высоченные горы-ступры – совместное творение последнего ночного снегопада и местных дворников.

Короче, искусство ощущалось во всем.

Поздравив немца с удачным началом сессии, художник принялся за дело. В первую очередь он хотел как следует накормить отличника. Ведь человек жил в студенческом общежитии и ходил в основном в студенческую столовую. А сейчас, после экзамена, наверняка и вовсе был голоден. Еще в «Ивушке» русский убеждал немца, что в ресторане лучше заказывать рыбу, тогда как дома – готовить мясо. Вот он и собрался удивить гостя вкусным мясным ужином. В экзотическом для иностранца исполнении. Рассчитывая на эффект не меньший, нежели произведенный «Северной по-московски».

Поварские амбиции – особый род амбиций. Тем более если поварское дело – не основное занятие повара.

Из холодильника-лилипута «Морозко», точь-в-точь как у Ральфа в Ростке, появились подготовленные продукты. Гэдэрровцу сразу бросилась в глаза горка свежесорванной, явно не московской зелени. И посыпались вопросы. Откуда это зимой? Где купил? Сколько стоит? Он даже выучил несколько неизвестных до сих пор слов: «киндза», «тархун», «рехан». Узнав, что странноватые слова пришли из грузинского языка, а вся зелень аж с самого Кавказа, немец принялся хвалить грузинскую кухню. Однажды он обедал в грузинском кафе на Арбате и ему понравилось. К тому же там постоянно звучала народная музыка, на стенах висели красивые горные пейзажи и старинные фотографии с изображением воинов в национальных костюмах – прямо как в музее.

«И вино у них отличное... И мягкий белый сыр... Всякие приправы, соусы... Слышал, что и культура их богатая... Я

обязательно когда-нибудь на каникулы съезжу в Грузию... Многие о ней говорят... Не зря же Пушкин и Ахматова ее любили...»

Позже выяснилось, что поклонником всего грузинского был и художник. Ему приходилось бывать в Тбилиси. Да и по всей Грузии он успел поездить.

Принесенная немцем бутылка «Гурджаани» оказалась очень кстати.

Всегда приятно обнаружить общие вкусы.

От общих вкусов недалеко до общих мыслей.

А там – вместе к общим целям.

Вот так, неожиданно, нашелся и первый повод выпить.

Отказаться было невозможно.

Художник многозначительно посмотрел на Ральфа.

Немец намек понял.

Выразив готовность во всем помогать хозяину, он со-временно-ручно взялся открыть бутылку.

И получилось мастерски.

Вино полилось в бокалы.

Художник одобрительно кивнул.

Ему не терпелось произнести тост, который он приготовил заранее.

Ральфу опять достались одни комплименты.

Красивое слово – тоже праздник.

Немец вписался в новый интерес.

Будто заполнил собой нишу, созданную специально для него.

22

– Все... Вино, конечно, отменное, но ошибок Нового года я уже не повторю... Такой опыт – больше чем просто опыт... До сих пор не пойму, как после того сумасшествия я весь следующий день просидел в библиотеке... Где кучу толстых книг пролистал, писал конспекты... А иначе бы я не сдал экзамен... Это только русские лентяи и двоечники думают, что иностранцам преподаватели дарят оценки за их иностранный акцент...

– Не переживай, Ральф... Во-первых, я так не думаю... Во-вторых, сегодня мы будем пить исключительно вино... И только грузинское, оно легкое... И у меня есть кое-какие запасы... Из самой Грузии, из Кахетии, родины их вина... Лично привез... Но ни с водкой, ни с шампанским мешать не будем... Обойдемся без страшных новогодних коктейлей... Это беда многих иностранцев... Наверное, по неопытности... Или от желания поэкспериментировать...

– Я имею в виду количество тоже... Если продолжится так, в Германию я вернусь алкоголиком... Сколько раз мы с тобой встречались, столько раз пили... Всегда находился повод... Всегда важный... От которого почему-то нельзя отказаться...

Меня, между прочим, ждут еще два экзамена впереди... И ни к одному из них я не начал готовиться... Не знаю, как другие все успевают... У меня со временем сложности...

– Не скромничай, Ральф... У тебя в зачетке с первого курса сплошные пятерки... И до конца учебы будут одни пятерки... И красивый диплом тебе гарантирован... Такого студента, как ты, еще поискать надо... Даже среди наших, русских, это большая редкость...

– По-моему, ты мне льстишь...

– Да, случилось у нас раз-другой не по правилам... Ну и что?.. Не только же над учебниками все время сидеть... Так любая наука опротивеет... Даже любимая... Каждому человеку нужен отдых... Нужно разнообразие и чуть-чуть легкомыслия... Мы не роботы... Нужны свежие ощущения... Новые приключения... Потому иногда очень полезно поменять ритм жизни и атмосферу... Отличники в первую очередь имеют на это право... Разве нет?..

– Ты рассуждаешь прямо как...

– Как кто?..

– ...как один мой русский знакомый...

– Мы, русские, всегда так рассуждаем... Даже те, кто вслух этого не произносит... Вы, иностранцы, по-другому слеплены... Для вас работа важнее всего... Вы родились для нее и живете для нее... А для нас она – мера, скорее, вынужденная... Мы не живем на работе... Мы живем после работы... Поэтому у нас и билеты во все театры – дефицит... И свободных мест в ресторанах не найти даже днем... Хотя ты знаешь: наши люди зарабатывают совсем не много... Но все, что есть в кармане, могут потратить с друзьями за один присест... И, что самое интересное, с утра, когда им будет плохо, жалеть не будут... Завалиться в ресторан на последние деньги – для русского человека это нормально... Взять взаймы, чтоб проехать с комфортом на такси – такое тоже случается... Нас трудно переделать... Да мы и не хотим быть другими... Не думаю, что многие иностранцы способны на безрассудство... Для вас безрассудство – не комплимент... Потому что оно не сочетается с вашим представлением о работе...

– А ты был за границей?..

– Не был... Знакомые рассказывают...

– Русские?..

– И иностранцы, и русские...

– Но иностранцы ведь разные бывают...

– Не сказал бы, что уж очень вы отличаетесь друг от друга...

Если только в нюансах...

– Ты хочешь сказать, я похож на американца?.. Или на француза...

– Ну, не деньгами, конечно...

– Ты так рассуждаешь, потому что за иностранцами наблюдаешь тут, в Союзе... А люди, приехавшие в чужую страну, в чем-то действительно ведут себя одинаково... И иначе наверняка быть не может... Их всех объединяет одна общая черта – непохожесть на вас, на русских... Разве нет?.. Тебе нужно самому куда-нибудь поехать... Хотя бы раз... Хотя на неделю... Тогда твоё мнение скорее всего изменится...

– Я б даже сейчас рванул... Меня уже давно во многие страны приглашают... И в дальние, и в ближние... Но КГБ не выпускает...

– КГБ?..

– Да... Ка-Гэ-Бэ...

– Ты диссидент?..

– Они полстраны считают диссидентами...

– Но среди этой половины существуют же и реальные диссиденты... Послушай «Голос Америки» и «Свободу»... Ты ведь знаешь, в какое время мы живем...

– В какое?..

– Ты разве газет не читаешь и впервые слышишь о холодной войне?..

– Я всего лишь художник...

– Я сейчас не о тебе...

– Бог с ними, с остальными... За других не отвечаю... Но я тут при чем?.. Чего комитетчики хотят от меня?.. Что я им плохого сделал? Что это, преступление – поехать за границу или иметь друзей-иностранцев?.. Ну есть у меня знакомые западные немцы, голландцы, итальянцы и даже американцы... Ну кому плохо от того, что я хожу с ними в рестораны, провожу с ними время, показываю Москву?.. Кому плохо от того, что они покупают мои работы?.. И на мои картины находятся свои любители... Что тут такого?.. Пускай я плохой художник... Пускай я самый плохой из самых плохих... Какое комитету до этого дело?.. Какое?.. Неужели в стране нет других проблем?.. Вот мне хочется размазывать краски на холсте – я и балуюсь... Это – мое, личное... И больше никого не касается... Ну а если люди покупают, значит, им нравится... Значит, им по вкусу... Не так ли?.. На ветер никто деньги выбрасывать не будет... И уж тем более иностранцы...

– А может быть, спецслужбам не нравится содержание твоих работ?.. Вот и ответ...

– Ни в одной моей картине даже близко нет ничего политического... Ни в одной...

– Смотря что подразумевать под политикой...

– Это их надо спросить, что они подразумевают... Это по их специальности...

– А стоят твои картины дорого?..

– За прошлый год одиннадцать штук продал... По сто долларов...

– В валюте!?.
– Нет, мои покупатели платят рублями, чтобы меня не посадили... Зачем давать лишний повод гэбэшникам?.. У нас за валюту восемь лет без разговоров дают... Один мой знакомый уже два года как сидит...

– Ты зарабатываешь сумасшедшие деньги!..
– Да, немаленькие... Хотя смотря с кем сравнивать... Но мне хватает... Я их ни у кого не отнимаю... Всего лишь получаю плату за свой труд... Надо же покупать холсты, краски, на что-то жить... Что тут политического?.. И тем более антисоветского?..

– У тебя уже были сложности?..
– Нет, пока ничего серьезного... Стараюсь вести себя осторожно... Но кому приятно постоянно ощущать петлю на шее?.. Мне гораздо спокойнее находиться у кого-то в гостях, нежели в собственной квартире... Это нормально?.. Если в ближайшее время ничего не изменится, придется переезжать на съемную квартиру... Придется прятаться...

– На Лубянку уже вызывали?..
– На саму Лубянку, к Феликсу, еще нет... Но в Москве у нас в каждом районе есть своя, местная Лубянка... Туда в прошлом году пару раз вызывали... И какие-то дурацкие вопросы задавали... Дважды по четыре часа пришлось там просидеть... Пока вроде бы все без последствий... А вот то, что родная милиция в мою квартиру зачистила, мне не нравится... Понятно, что участковый приходит сюда не по своей инициативе... Ему позвонили, приказали... Он всего лишь исполнитель... И заодно провокатор... Так и ждет, что сорвешь, отвечу грубо... Я терплю... Но мне надоело его ухмылки, намеки... Все время одно и то же... Вечно подозрительные взгляды идиотов-соседей... Да и телефон на прослушке...

– Откуда ты знаешь?..
– Голландцы сказали...
– Голландцы?.. А они откуда знают?..
– У них в газетах каждый день о КГБ пишут... Для них запретных тем нет... И разбираются они в нашей советской системе гораздо лучше, чем мы с тобой вместе... У них с информацией полная свобода... Это у нас ни о чем таком не пишут... Партия не велит... А там – сколько мнений, столько партий... Они всех наших известных диссидентов по именам знают... Знают, за что каждый из них сидел или сидит... Знают, в каком лагере... И какую статью кодекса приписали... Они в их защиту митинги перед посольством устраивают... О них книжки пишут, фильмы по ящику показывают... Это здесь их за людей не считают... А на Западе уважают...

– Может быть, твои друзья – шпионы?..
– Понятия не имею...
– Впрочем, ты можешь об этом не знать...

– Они никогда ни о чем подозрительно не просили... Ни о чем секретном вроде бы не спрашивали... И даже книжек запрещенных ни разу не дарили... Хотя знаю, что всегда что-нибудь с собой привозят... У них в Москве и без меня полно друзей...

– Ты любитель таких книжек?..
– Не могу сказать, что прямо любитель... Но если какая-то мне понадобится, конечно, найду... Зачитываюсь, бывает, да... Разными интересными текстами... В Москве многие этим занимаются...

– Сейчас телефон включен?..
– Нет... При гостях его выключаю... Но ты не бойся... Ни милиции, ни Комитета... Сюда они приходят, только когда нет иностранцев... К чему лишние свидетели?.. Так и на международный скандал нарваться несложно... А им это не надо... Гэбэшники – народ смысленный... Главное для них – вывести тебя из равновесия, запугать... А уже с запуганным можно делать все что угодно... Запуганный человек себе ведь не принадлежит... Гэбэшников хлебом не корми, дай в кайф поиздеваться над кем-нибудь... Они любят унижать... Это у них профессиональное... Это у них наследственное, еще от Феликса... Чужой страх всегда придает смелости... А иногда еще и наглости...

– Может быть, ты преувеличиваешь?.. Не зря же у вас говорят: у страха глаза велики...

– Все объясняется легко... С поличным взять не могут, брать не за что... Вот и придумывают интриги... Надеюсь, что я сам проколюсь... От них можно ждать чего угодно... Я даже не удивлюсь, если окажется, что они бывают здесь в мое отсутствие... Такие подозрения возникали... Но ты все равно не бойся... Со всеми моими знакомыми иностранцами пока ничего не происходило... И визы продолжают давать... И из страны выпускают без проблем... И таможенники их обыскивают не больше, чем других... Значит, они не столь опасны... Если исходить из логики... Значит, и я не такой уж и враг...

– А я никого не боюсь... Пусть хоть сейчас придут... Что можно со мной сделать?.. Арестуют, что ли?.. Это мое право: с кем хочу, с тем и общаюсь... Неужели можно запретить с кем-то дружить?..

– ...
– Если тебе нужна будет помощь, можешь на меня рассчитывать... В общежитии на всех этажах телефоны... И дежурные сдают круглосуточно... Звони, не стесняйся...

– Номер вашего этажа у меня записан... Я несколько раз по нему болгарину звонил...

– Приеду в любой момент... Вряд ли меня кто-нибудь тронет... Я могу и в землячество, и даже в посольство ГДР

пожаловаться... Я – иностранец... А с иностранцами у вас считаются...

– Спасибо, Ральф... Спасибо... Ты – настоящий друг... Обычно братья по соцлагерю такие же трусливые, как и большинство русских... У вас жизнь там не намного слаще нашей, совдеповской... Хотя вы и числитесь по протоколу в иностранцах...

– А как же твой друг, болгарин?..

– Он – исключение... Он может себе чуть-чуть свободы позволить... У него отец – большая шишка... В посольстве больше десяти лет проработал... И связи у него здесь на самом верху... Думаю, и на Лубянке тоже есть... Так что болгарина точно не тронут... За него абсолютно можно быть спокойным...

– Он у тебя тоже картины покупает?..

– Как-то раз купил одну... Два года назад... Долго выбирал... То одну хотел, то другую... Целый день у меня просидел... Искал подарок на пятидесятилетие отцу... А тот – большой любитель авангардной живописи... Наш общий знакомый художник дал ему мой номер телефона... После этого мы и подружились... Почти каждую неделю видимся... Однажды он даже со своими родителями меня познакомил, когда те из Москвы уезжали... Сейчас они в Болгарии живут... Нормальные люди, интеллигентные... Знают толк в современной живописи... И на коммунистов не похожи... Их коллекции, судя по фотографиям, любой западный миллионер позавидует... Без шуток... Вот тебе и шестнадцатая республика...

– А с настоящими диссидентами ты знаком?..

– С настоящими?.. Что ты имеешь в виду?..

– Ну, с политическими...

– Кого-то в компаниях вижу... Но особой дружбы ни с кем нет... Они все странные, не от мира сего... Считают себя героями, революционерами, подпольщиками... И как потом с ними дружить, если они никому не доверяют... Они всего боятся и вздрагивают от любого шороха... Они почти все сидели... Те же, кто еще нет, со временем обязательно сядут... Иначе просто быть не может... За ними круглые сутки следят... За их родственниками... Это профессиональные антисоветчики... И это их собственный жизненный выбор... Я для них – так, сочувствующий, не более... Хотя за сочувствие в нашей милой стране парой лет лагерей наградить могут... В один прекрасный день окажешься где-нибудь за Полярным кругом... Там даже летом температура выше 10 градусов не поднимается... По полной программе насочувствуешься...

– Есть такая статья, за сочувствие?..

– Такую еще не придумали...

– Слава Богу...

– Зато других полным-полно... «Тысяча и одна ночь»... Это я так Уголовный кодекс называю... Откроешь – глаза

разбегаются... На любой вкус... Знаешь, какие фантазеры на Лубянке работают?.. О-о-о... О них легенды слагают... Фантазии – их призвание... Не только статьи и параграфы умеют подгонять, но и медицинские диагнозы ставить... Какая разница, в тюрьму или в психушку?.. И там, и там мертвая решетка... Раньше срока ни оттуда, ни отсюда не выпускают... Если вообще выпускают...

– Не вижу связи между всеми этими кошмарами и тем, чем ты занимаешься...

– И я не вижу... Но для того и работает КГБ, чтобы находить даже то, чего нет в природе...

– А ты член Союза художников?..

– Конечно, нет... Чтобы стать, мне надо участвовать в официальных выставках... Иметь весомые рекомендации, правильные характеристики... А кто их даст?.. Таких, как я, держат на расстоянии... Там считают, что такие, как я, только дискредитируют великое советское искусство... В том Союзе все расписано на годы вперед... Для почетных и заслуженных... Там даже собственная парторганизация есть, которая и руководит всем... А потом, что мне там делать?.. Все картины тамошних членов одну от другой не отличить... Ты не бывал на таких выставках?.. Сплошная скука... Нет, это не для меня...

– Выходит, ты художник нелегальный...

– Получается так... Поэтому по закону я обязательно должен где-то работать... Хочу я этого или нет... Иначе посадят за тунеядство... Эта статья у нас популярна... И попадает под нее в основном интеллигенция... И, конечно, в основном «сочувствующая»... В нашей державе самый высокий процент заключенных с высшим образованием... И здесь мы впереди планеты всей... А художников среди них сколько!.. Ты даже не представляешь, Ральф... Пора уже галереи с музеями в лагерях открывать...

– М-да...

– Вот так я и тружусь за собственную свободу... Уже полтора года... Во славу Родины и Партии... Дворником в нашем замечательном микрорайоне...

– Дворником?! О, Gott!..

– Да-да, настоящим дворником... Правда... Не смотри на меня удивленно... По утрам, с пяти до десяти часов, через день... На полставки... Летом подметаю... Зимой снег разгребую... Не работа – сплошное наслаждение... Здоровый образ жизни... На весь день нескончаемый заряд бодрости... Вот, выгляни в окно, видишь, какие сугробы я наворотил?.. Чтобы соседи реже ко мне заглядывали по заданию участкового...

– ...

– С метлами и лопатами я управляюсь не хуже, чем с кистями и красками...

– Все это похоже на сюжет для детективного романа...
Может быть, тебе начать писать?..

– За роман без хэппи-энда у нас тоже могут посадить... По тем же причинам и на те же сроки...

23

На второй год жизни в Москве Ральф отметил про себя одну закономерность: для русских во время застолий вина и водки никогда не бывает много.

Иногда не хватает вдохновения.

Иногда бывает мало сил.

Но и то, и другое случается крайне редко.

Первый ужин у художника не выпал из рамок жанра.

Будущий историк осторожничал только поначалу, все еще находясь в плену новогодних воспоминаний. Однако под натиском новых впечатлений и перспектив прошлые быстро потеряли актуальность. На гэдэровца неожиданно обрушилось столько ценной информации, что ради нее он готов был принести себя в жертву очередному русскому застолью. Которое хоть и разворачивалось по-дружески на малогабаритной советской кухне, но символическим никак не выглядело.

Хозяин старался.

Хозяин старался даже больше, чем делал это обычно, принимая других дорогих ему гостей.

Хозяин оказался художником во всем.

У него был богатый опыт дружбы с иностранцами, и он без труда находил с ними всеми общий язык. Но в данном случае иностранное происхождение Ральфа значения не имело. Оно вообще не ощущалось. Будущий историк и по характеру, и по менталитету был похож на своего, на русского.

Ральф на самом деле почти не вписывался в привычные интуристовские стандарты. И одет он был неброско, как среднестатистический москвич. И веяло от него каким-то совсем не «иностранным» теплом.

С ним было легко.

Естественно.

Он во всем казался гораздо понятнее и доступнее, чем западные туристы.

Он отличался не только отменным знанием русского. В нем одновременно сочетались душевность и азарт. Он не выставлял напоказ свой эгоизм. Что для иностранца было несомненной редкостью.

Хозяин старался изо всех сил.

Он подходил к вечеру творчески.

И сам получал от этого удовольствие.

После нескольких тостов гэдэровец почувствовал себя свободно и непринужденно. Ну, конечно, не как дома. Но уже и не как в гостях. Влияло на ситуацию еще и то, что сегодня не

нужно было оправдываться перед собственной совестью за пьянство. Ведь он находился на спецзадании. Можно даже сказать, что все его жесты-действия-поступки были санкционированы Владимиром Владимировичем. С одной стороны, это был замечательный ужин, с другой – успешное начало серьезного дела.

Ничего не скажешь, удачное совмещение.

Поэтому вино не только поднимало настроение, но и повышало коэффициент его полезного действия.

В тот вечер в фаворе была грузинская классика.

«Гурджаани».

«Цинандали».

Для разнообразия – красное «Мукузани».

Разговор затянулся далеко за полночь. Время для обоих потеряло значение. Тем было много и разных. Конкретные политические и бессмысленно схоластические. Однако искусства они не коснулись. О творчестве художника, как ни странно, не было произнесено ни слова. Лично мастер инициативу не проявлял. Немец же, хотя периодически об этом вспоминал, выискивая подходящий момент, в итоге так его и не нашел. Постоянно что-нибудь да отвлекало.

Сначала готовилось экзотическое блюдо. И за действием хотелось понаблюдать.

Потом был ужин.

Размеренный.

С обилием тостов.

Серьезных и не очень.

Потом немец настолько втянулся в интересовавший его диалог, что отвлечясь уже не смог и о самом творчестве художника даже забыть.

Ну, а потом возникло полусладкое «Ахашени», которое успешно продолжило грузинскую эстафету.

Застолье – искусство принуждения.

Но важно, чтобы гость это принуждение не чувствовал.

Хозяин старался.

Вечер набирал обороты.

И ничто уже не могло изменить его ход.

С появлением четвертой бутылки наступило и время московского десерта.

Эксклюзивного шоколадного торта «Птичье молоко» и разного рода советских «кухонных» вольностей.

Анекдотов, слухов, сплетен.

С пикантным диссидентским привкусом.

Вперемешку со смешными историями от первого лица.

Художник оказался воистину артистом разговорного жанра. И войдя в роль, не замолкал. Он был в ударе. А каждая фраза сопровождалась гримасами.

Ральф с восторгом внимал.

Поддерживал все тосты.
И иногда сам охотно их продолжал.
Получалось.

С ароматным красным вином и необычайно вкусным тортом все эти полные юмора и самоиронии истории очень даже сочетались. Глубоко в них немец, конечно, не викал. Отличить реальность от вымысла было невозможно. Зато моментами было действительно смешно. От души. От всей немецкой души.

Ральф открывал для себя новый жанр.
Русского застольного искусства.

Жанр, которого в трезвой форме не существовало.

Подобно большинству иностранцев, он смеялся громко и продолжительно. Но о конспирации художник вовсе не вспоминал. Привлечь внимание вечно бдительных соседей сегодня он не боялся.

Впрочем, хорошенько распробовав «Ахашени», о них забыли оба.

С каждой новой историей, с каждым выпитым бокалом «шпионский» иммунитет ослабевал.

Пока не исчез совсем.

И произошло это помимо воли Ральфа.

Захлестнули эмоции.

Захлестнуло вино.

Захлестнула юность.

Право на личную жизнь, хоть и пьяную, взяло верх.

В результате Ральф потерял не только чувство времени.

Но и подсознательную связь с благословившим его на веселую жизнь Владимиром Владимировичем.

Тем не менее выполнению задания ничто не мешало.

На кухне у художника гэдэровцу было сытно, тепло и уютно. В общезнание не тянуло. Поэтому он не стал возражать, когда заботливый хозяин предложил остаться ночевать. В душе он даже обрадовался, что не надо было выходить на улицу, ловить машину, проходить мимо бдительных вахтеров. В таком состоянии спальное место, разделенное с хозяином, гостя вполне устраивало.

После новогодней ночи это совсем не выглядело чем-то странным.

К тому же в квартире больше никого не было.

Рекомендацию лечь к стене, чтобы ночью не свалиться с тахты, Ральф принял без колебаний.

Но на этом праздник не закончился.

Бутылка десертного вина оказалось не последней.

Немец сбился со счета.

Немец полностью доверился хозяину.

Тот покорила его своим гостеприимством.

Ральф проснулся от ощущения, что лежит на тахте в одиночестве.

С вечера поводов для тревоги вроде бы не было, но все равно студент насторожился. «Куда он делся?.. Ложились ведь вместе... Может быть, что-то случилось?.. Или опять я сутки проспал?..»

Сон как рукой сняло.

А с ним и груз остаточной нетрезвости.

Ральф вскочил с тахты.

«Похоже, это все-таки утро...»

Часы показывали начало десятого.

Растерянность нарастала. Ни во второй комнате, ни в ванной художника не было. Ну не КГБ же его выкрало. Немец не знал, что и делать. Как выбраться из идиотской ситуации. Мимходом он с умным видом заглянул за шкаф и даже потрогал замок входной двери – без толку. «Нет, без ключа не открыть...»

Ральф занервничал по-настоящему.

Почувствовав себя в заточении.

Такого с ним еще не было.

Отбросив крайности, он пришел к выводу: случилось абсурдное, типично русское недоразумение. Правда, и эта невнятная мысль особого оптимизма не прибавила. Ничего серьезного в голову не приходило. Не через окно же лезть? Тогда точно соседи милицию вызовут. И неизвестно, чем все закончится. Осталось лишь беззвучно скулить и ждать.

И вдруг... ясность внесла обнаруженная на полу у тахты записка. Когда Ральф резко вскочил, он попросту ее не заметил. Зато сейчас обрадовался ей, как найденному счастью.

«Убегаю отбывать трудовую повинность. «Боржом» и пиво в холодильнике. Буду через три часа, в десять. Если проснешься раньше, не скачай.»

«О, Gott!.. Эти русские могут свести с ума... Ну можно было вчера предупредить?..»

Возмущению Ральфа не было предела.

Он несколько раз даже выругался.

По-русски.

На сердце отлегло.

Раздвинув шторы, немец выпустил в дом живой свет.

Но это не было солнце.

За окном шел снег.

А вот вчерашнего сутроба как не бывало. Кому могло помешать это оборонительное сооружение?

Немец удивился.

Хотя уже много раз зарекался не удивляться ничему, что связано с русскими.

Достав из холодильника бутылку «Боржоми» и отпив с жадностью добрую половину, он с удовольствием снова завалился на тахту. В его распоряжении было еще около часа: можно и подремать.

Однако спокойствие продлилось недолго.

Спустя несколько минут на кухне раздался стук в окно.

После полуночных откровений художника можно было вообразить любую причину этого, как показалось гэдэровцу, грота.

Но непременно зловещую.

И как следствие, правдоподобную.

Сказать, что Ральф испугался, значит, превратить ужас всего лишь в сухой протокол.

Тело чуть не подпрыгнуло.

А очки чуть не треснули в сжатом кулаке.

Откинув одеяло, он замер.

Подобно застигнутой врасплох канцелярской мышке. Нет, еще не попавшей в роковую мышеловку, но уже всем своим чувством учававшей недоброе.

Ральф был уверен, что стук имеет прямое отношение к нему.

Иначе вряд ли реакция была бы столь импульсивной и болезненной.

Романтический образ бойца невидимого фронта вмиг померк. Сейчас это был, скорее, антиобраз. Не достойный ни доски почета, ни благодарностей с подарками, ни тех служебных перспектив, которые он себе нарисовал. Таких чекистов суровая летопись чекизма еще не знала.

Хотя самому Ральфу было не до образов.

Он почти умер.

Он представил себе все возможные варианты.

От более или менее реальных – до мистических.

От соседей, милиции и вооруженных гэбшников – до любимых мамы и папы, возмущенных тем, что непорочное их чадо ночевало в одной постели с другом.

Тем временем стук повторился.

И даже настойчивее, чем в первый раз.

Поднявшись с тахты, немец прокрался пару метров на цыпочках и, прижав дрожащим пальцем очки, выглянул из-за дверного косяка в сторону кухонного окна.

«О, Gott!..»

На сердце вновь отлегло.

Да так отлегло, что от эмоционального перепада чуть не подкосились ноги.

За окном стоял художник.

Улыбающийся.

Розовощекий.

С лопатой в руке.

Утопающий в клубах морозного пара.

– Как ты?.. Проснулся?.. Все хорошо?.. Я увидел, что ты шторы раздвинул...

Ральф лишь робко пожал плечами.

– Мне осталось мало... Буду минут через пятнадцать... Просыпайся...

Ральф опять ничего не ответил.

Разозленный нелепостью произошедшего и приступом собственной трусости, немец больше уже не ложился.

Но и одеваться не торопился.

Его лихорадило.

Допив солоноватый остаток грузинской минералки, он стал через окно наблюдать за художником, который всюю размахивал отнюдь не богемным орудием труда.

«Поразительно... Его в любой момент могут посадить, а он работает с таким энтузиазмом, будто от него зависит чистота всех московских улиц...»

«У русских все по-другому...»

«Господа «иначе».

«И зачем нужно было в окно стучать?.. Чтобы слышали все соседи?.. Конспиратор... Пришел бы и здесь задал свои дурацкие вопросы... Интересно, кому может быть хорошо после нескольких литров вина?..»

«А ему, похоже, совсем неплохо на свежем воздухе... Со стороны и не подумаешь, что у образцового дворника интеллигентские привычки и утонченные вкусы... Что его любимое блюдо «Северяга по-московски»... И он случая не упускает сходить в Дом кино на премьеру... При этом телогрейка сидит на нем по-рабочему... Пожалуй, пора на стройку века отправляться... По комсомольской путевке... Сколько новых сюжетов сразу появится в его творчестве... С юношеским задором и соцреалистическим размахом... На Лубянке бы обрадовались... И в Союз художников приняли... С нужными партийными характеристиками... Выводами... Рекомендациями... Благодарность объявили бы с занесением в «личное дело»... А еще и пару выставок организовали... К перевоспитанному всегда повышенное внимание... Общество ими гордится... Их любят в пример ставить... Чтобы разным другим отщепенцам не повадно было глупости делать...»

«Неужели всем этим подпольщикам и авангардистам приходится через день менять кисть на лопату?.. Хотя нет, большинство же по лагерям сидит... Там лопату или топор уже ни за что и ни на что не поменяют... Рисуют, небось, простым карандашом... И то по ночам, при свечах... Если силы после работы остаются... А про галереи и музеи он, наверное, от себя добавил... Рассказы про лагерь лишь у несидевших героически звучат...»

«Этот еще хорошо устроился... Спецслужбам, похоже, действительно придаться не к чему... Иначе возиться бы не

стали... Однако если он в разговорах со всеми такой же смелый, как со мной, тюрьмы не избежат... Это вопрос времени... И голландцы с американцами не спасут... За связь с ними, наоборот, больше накрутят... На Запад лишь известных диссидентов обменивают... И фильмы не обо всех там снимают...»

«Откуда в нем вся эта энергия?... По-моему, с таким старанием даже сами дворники не работают... А может, физические нагрузки вдохновляют?... Тогда спортом надо заниматься... Наверняка придет сейчас в торжественном настроении... Судя по улыбке... И откуда берется этот пустой оптимизм?... Откуда уверенность в себе?... Впереди же нет будущего... Странные они все... Климат... Точно, климат их такими сделал...»

Ральф настолько растворился в своих наблюдениях, что скрип открывающейся двери застал его врасплох.

Джинсы немец торопливо натягивал уже в присутствии художника.

25

– А зачем сугроб развалил?... Он так удачно маскировал твою квартиру... Теперь при открытых шторах нас можно прямо с остановки рассматривать... Не говоря уже о входящих в подъезд... Любопытных вокруг много... И это не одни соседи...

– Да мне самому жалко... Начальник участка велел... Сказал, что жильцы первого этажа жалуются на нехватку дневного света... Не могу же я все сугробы снести, а перед своими окнами оставить... Представь себе, как бы это выглядело... С начальством ссориться нельзя... Выгонят с этой работы, другую не найду... Что тогда?... А потом, мне здесь удобно... Я привык, рядом с домом... И начальник – нормальный мужик... Я сегодня три часа помахал лопатой, а он, добрая душа, мне целых четыре записал... Простил меня, что я проспал...

– Неужели такие начальники бьют?...

– Мне, во всяком случае, повезло...

– И с зарплатой повезло?..

– Сорок шесть рублей шестьдесят восемь копеек... Со всеми должными вычетами... Кровные... Я ими горжусь... Без иронии... Моя официальная работа... Получка у меня, кетати, завтра... Неплохо бы такое дело отметить...

– Нет, у меня через четыре дня экзамен... По научному коммунизму... Знаешь, сколько читать надо?... Два десятка статей одних «классиков»... Сколько старого материала... Плюс конспекты всех лекций придется показать... Нет... Пора собираться...

– Не кисни, Ральф... Ты что, первокурсник, что ли?... Тебе одного дня хватит... Куда сейчас поспишь?... Ты же и так все знаешь... На лекции ходил?... Ходил... Конспекты писал?..

Писал... На семинарах в дискуссиях участвовал?... Участвовал... И наверняка был лучшим в группе... Таким, как ты, нужно выдавать зачетки с заранее проставленными пятерками... Все равно до конца учебы там других оценок не будет... Ты прямо как Владимир Ильич в молодости... Круглый отличник, заядлый общевенник, круглосучотно примерный товарищ... И хотя на революционера внешне не похож, преподаватели от тебя в восторге... У них рука не поднимется четверкой тебя обидеть... Ты же создан для доски почета...

– Это тебе болгарин рассказал?... Он все придумывает... И вообще он далек от всего учебного... Он даже не знает, что творится на его курсе... А с нашего он не общается ни с кем... Да и на занятия ходит лишь тогда, когда ему уже совсем делать нечего... Теперь понятно, почему многое ему прощается... Папа – дипломат, этим все сказано... Вот кому диплом был гарантирован еще до поступления... И о карьере можно не беспокоиться...

– Бог с ним, с болгариним... Сейчас он еще спит... А мы, между прочим, уже давно проснулись... И неплохо бы перекусить... И желательно горяченького... Потому что по утрам следует есть горячее... Омлетик, например... Не смотри на меня осуждающе... Ты ведь тоже есть хочешь... С будна всегда голод мучает... Это признак здоровья...

– Не-е-ет... Завтракать я буду в общежитии... Здесь все добром не кончится... Я же знаю вас, русских... Омлет – только повод... Потом будет вино – для аппетита... Потом перейдем к красивым тостам за дружбу между народами... Потом будет что-то еще – для хорошего настроения или для тонуса... А как не выпить за успех безнадежного?... Это наш любимый тост... А потом – будет совершенно все равно: литр, два или три... Когда-нибудь мы загремим с тобой в вытрезвитель...

– Ральф, успокойся...

– После Москвы мне придется лечиться от алкоголизма и я не уверен, что вылечусь... Родители получат инфаркт, если вдруг узнают, как я готовился к экзаменам... И это без преувеличения...

– Ну, хорошо... А ты встань на мое место... Как я могу отпустить бедного студента в общежитие голодным... У нас так не принято... Даю тебе честное слово, сегодня ни водку, ни вино пить не будем... Только чуть-чуть пива... Чтобы прийти в чувство после вчерашнего... У меня для особых случаев в гардеробе спрятана коробка чешского пива... Из чешского посольства привезли... Друг там официантом работает... К омлету с ветчиной, сыром и грузинской зеленью – это супер... Не торопись... В твоём общежитии так не накормят...

– Мне уже знакомо скромное русское «чуть-чуть»... На практике оно не имеет ничего общего с тем, что значит по словарю... Вы его используете, как придет в голову...

– А какой обед я тебе приготовлю!.. Такого ты никогда не ел – ни в Германии, ни в Союзе...

– Вот видишь, что я и говорю!.. Мы еще не начали завтракать, а ты уже – об обеде... Потом будет ужин... Потом – десерт и что-нибудь еще, спрятанное для особого случая и полноты удовольствия... И все закончится сном, больше похожим на потерю сознания... А утром опять без завтрака не получится... Как отпустить бедного студента голодным – у вас так не принято... А за столом все пойдет по очередному кругу... И уже будет не важно: с вином, пивом или минеральной водой... Все это напоминает мне сумасшествие... Бесконечное пьяное сумасшествие...

– Давай решать задачи по мере их поступления...

– Это как?

– Я сейчас займусь омлетом, а ты послушай музыку, полистай альбомы... У меня их всего три, зато над каждым можно сидеть часами...

– ...

– Тебе нравятся импрессионисты?.. Одно время они были у нас в большой моде... А еще есть Дали и Петров-Водкин... К пиву они очень подходят...

– Да, особенно Петров-Водкин... Ладно, давай готовь завтрак... Кажется, я правда проголодался... Наверное, от злости... Альбомы можно всегда посмотреть... Поставь-ка лучше спокойную музыку... Для начала хочется отойти от вчерашнего... Да, кстати, почему ты еще не показал мне свои работы?.. Они засекречены?.. Или ты не доверяешь моему вкусу?..

– Не знаю... Ты промолчал, а мне как-то не хотелось навязываться... И зачем они тебе?..

– ?..

– Мои работы – на конкретного любителя... В них нет ничего выдающегося... Поверь мне... Ни масштабности, ни музейности... И зрители похвалами меня не балуют... Даже те, кто не боится высказывать свое мнение...

– Ну, может быть, я тебя похвалю...

– Похвалить-то нетрудно... Весь вопрос, что стоит за этим... Художник и зритель – из разных миров... И лучше им не соприкасаться...

– Откуда такая уверенность?..

– Если б ты знал, насколько все авторы отвратительны и капризны... Их не интересует чужое мнение... К своим фантазиям они относятся как к абсолюту... А разговоры о высокой миссии искусства – либо замаскированная лесть, либо споры ни о чем... И лишний повод для конфликта... Зачем нам с тобой играть в художника и зрителя?.. Жизнь гораздо богаче и интереснее... Давай лучше будем просто друзьями... К чему нам

надуманные сложности?.. Еще не хватало, чтобы мы ругались и обижались... Тем более из-за пустяков...

– Но я же должен иметь представление, чем занимается мой друг... А потом, может, мне любопытно, насколько он капризен и отвратителен...

– Зачем?.. Люби меня просто как друга... Смотри, как мило мы с тобой завтракаем и беседуем...

– Да, все это замечательно... Но я не думаю, что для серьезных отношений одной любви достаточно... Хочется узнать человек изнутри... Хочется видеть подводную часть айсберга... А иначе, что это за дружба?.. Получается слишком примитивно...

– Как у вас, у немцев, все основательно, продуманно и принципиально... Такое впечатление, что вы с детства рассуждаете как взрослые... Хорошо, я покажу тебе кое-что... После обеда... Вот только без рюмки водки в моих «шедеврах» трудно разобраться... Нет, я не издеваюсь над тобой... С первой же работы ты сам это почувствуешь... Авангард – не для трезвого ума...

– Понятно... Кто б сомневался, что все пойдет именно по этому сценарию?.. А где твое честное слово, что вина и водки не будут?.. Забыл?..

– На тот момент оно, правда, было честным... Просто ситуация, ты же видишь, меняется...

– Хорошо, пусть будет по-твоему... Я опять сегодня напьюсь... Еще больше, чем вчера... Чтобы максимально оценить твое гостеприимство, кулинарные способности и авангардное творчество... Завтра мне будет опять плохо... Еще хуже, чем сегодня... Но виноват будешь ты... И если научный коммунизм я провалю, виноват тоже будешь ты... И если родители звонят мне в общжитие и нервничают, не понимая, куда я делся – тоже будет на твоей совести... Давай, наливай... Прямо сейчас... Чего ждать нам обеда?.. Как вы, русские, любите говорить: эх, гулять так гулять... Потом я смогу диплом или диссертацию на эту тему писать... Пьянство противно лишь пока ты трезвый и наблюдаешь за пьяными... Интересно, а ты помнишь себя, когда мы впервые увиделись?.. Я, например, тебя хорошо помню... И мне не хочется, чтобы ты увидел меня таким же... Качающимся, как на ветру... Только не думай, что я читаю тебе мораль...

– Не злись, Ральф... От злости, кроме аппетита, иной пользы нет...

– Тебе хорошо, ты свободен... Но я уверен, что на моем месте и ты злился бы...

– И не подумал бы... Обычно я нахожу своим эмоциям другое применение... А сейчас скажи честно: тебе правда хотелось уйти?..

– После бутылки пива уже никуда не хочется... И что мне в таком состоянии делать в общежитии?..

– За это я тебя еще больше люблю... Мне нравится, что ты ответил не задумываясь... Да, хоть ты и основательно мыслишь, все равно ты не иностранец...

– И кто же я?..

– Иностранцы – они другие, не наши... А ты – наш... Вот наш, и все...

– Думаю, что я еще немец... Если бы я был русским, меня не пришлось бы так долго уговаривать...

26

Ральф вернулся в общежитие только вечером накануне экзамена.

Уставший.

Небритый.

В полном смятении чувств.

О научном коммунизме будущий историк беспокоился меньше всего. Даже засев за учебники и толстую тетрадь конспектов, он то и дело отвлекался от их явно гнетущего содержания.

Ральф не мог остыть от перипетий последних дней.

Дебютная поездка к художнику, затянувшаяся на трое суток, произвела на гэдээровца еще большее впечатление, нежели новогоднее празднество.

Нет, он не жалел о проведенном времени.

И, как ни странно, не корил себя за слабость характера и очередной провал в дисциплине.

Он окончательно осознал: у него появился настоящий друг. И это был неоспоримый факт, которому хоть и с опаской, но все же немец радовался. «А ведь мы могли никогда не встретиться, выйдя я в то самое утро из своей комнаты на несколько секунд позже... Всего на несколько секунд!.. Да и как он запомнил меня в том состоянии?.. Невероятно...» Ральф подумал, что если бы не экзамен, он наверняка не вернулся бы с Каховки и сегодня. Причем художнику не понадобилось бы его уговаривать. Немец остался бы там добровольно, легко. И это ни в коем случае не противоречило заданию Владимира Владимировича. На проспекте Вернадского уже все порядком надоело. После новогодних приключений все в общежитии казалась немцу скучным и однообразным. С художником все было иначе. Он по натуре был другим. К нему тянуло. «Может быть, нас связывает спиртное?.. А я этого не заметил?.. Но вчера за целый день мы выпили только по бутылке пива... И то за ужином по моей просьбе... С ним и без алкоголя интересно... Независимо от ситуации... Честно, он совсем не похож на остальных русских... Хотя он и на русское не очень похож...»

Разобраться в сложных вопросах будущему историку в тот вечер не удалось.

Отвлекаться надолго научный коммунизм не позволял.

Маркс, Энгельс, Ленин все еще брали верх.

В том числе и над личной жизнью.

Хотя уже не до такой степени, чтобы ее подменять.

С момента, как Ральф разорвал союз с однокурсницей Наташей, прошло на самом деле не так и много времени. Однако о том романе он практически забыл. Он не любил возвращаться к тем отношениям. Считал их случайными, навязанными и, со своей стороны, не обдуманными. Кроме физической близости они, по существу, мало что ему дали. Парадоксально, но от первого мужского опыта у немца почти не осталось воспоминаний. И даже повергшее его в шок желание Наташи иметь от него ребенка, «идти за ним хоть на край света» быстро выветрилось из головы. Да, тот непродолжительный миф поначалу был для загоревшегося любопытством юноши чем-то новым, неизвестным, тайным. Но вскоре выяснилось, что новизна – категория не вечная. А вдохновение, страсть или, на худой конец, страдание в их отношениях, увы, так и не появились. В повседневном общении красавица из русской народной сказки предстала слишком доступной, слишком наивной, слишком земной. Ральф, когда оставался наедине с собой, рисовал в своем воображении несколько иные, более загадочные образы. Которые, как ему казалось, подходили его требовательной натуре. И которые наверняка не вызвали бы родительского разочарования. Так что финал оказался неизбежным и по-житейски логичным. Скромной девушке из Архангельска, несмотря на старания и слезы, так и не удалось покорить хладнокровного и от природы расчетливого иностранца.

Немец сумел устоять перед ее красотой, не приложив к тому никаких усилий.

Немец предпочел независимость.

И не дал опутать себя сомнительными узами.

Предпочтя учебу.

А в редкие свободные часы – лишний сон, книжки и одиночество.

Тем не менее, расставшись со своей первой девушкой, Ральф не перестал мечтать о высоких чувствах. Вот только мечты эти к реальности отношения не имели.

Они были, скорее, фантазиями.

Фантазиями воспитанного, начитанного и морально устойчивого старшеклассника. Для вольностей не хватало ни опыта, ни информации.

Любовь пока еще обходила его стороной.

Любовь пока еще его игнорировала.

Правда, одиночество продлилось недолго. Спустя два месяца у Ральфа появился друг.

Нежданно-негаданно.

Судьба их свела – русского, не похожего на русского, и иностранца, не похожего на иностранца.

И, как нередко бывает, встретились они в ситуации, о которой впоследствии, будто сговорившись, вспоминали крайне редко. В то раннее утро Ральфу даже не хотелось здороваться с незрелым незнакомцем. А первое короткое застолье в комнате болгарина... А поход в Дом кино... И вот как повернулись события! Воистину став откровением. Таким же маленьким потрясением, как начало знакомства с Натасей. А сравнивать действительно было больше не с чем. Настоящих друзей у немца тоже никогда не было. И романы про настоящую мужскую дружбу ему никогда не попадались. Как тут сориентироваться? И посоветоваться было не с кем. Маме с папой всего ведь не напишешь. Да и ответ пришлось бы ждать очень долго.

Ответ же нужен был сейчас.

Сию минуту.

Даже засев за учебники и конспекты, Ральф постоянно отвлекался, пытаясь понять, что произошло за последние дни. Но... у него не получалось. И никакие усилия воли не помогали.

Будущий историк нервничал.

Злился.

Хотя сам не знал почему.

Спасал ситуацию все тот же мэтр, научный коммунизм, который моментами все-таки заставлял забывать о личных переживаниях и настойчиво напоминал о классовой борьбе и революционных идеалах.

Без этих знаний карьеру ученого было не сделать.

И коммунизм нельзя было построить.

Ральф верил в свободу, равенство и братство.

Ральф верил в светлое будущее человечества.

Причем он четко осознавал свое место в нем.

Считая призыв к объединению пролетариев всех стран отныне самым романтичным из всех слышанных им когда-либо лозунгов.

На следующий день Ральфа снова отметили очередной высшей оценкой. Зачетка потяжелела еще на одну пяттерку.

У дотошных преподавателей не возникло сомнений в качестве подготовки гэдзэрэвского товарища.

А его измученный вид лишь добавил им коллективной уверенности.

Бессонная ночь принесла свои плоды.

Гордости Ральфа не было предела.

Еще одна маленькая вершина была взята.

Еще одна научная истина была постигнута.

Чтобы скорее поделиться своей радостью, он не стал задерживаться на факультете. Поймав такси, отличник без звонка отправился к художнику на Каховку.

Это был экспромт.

В типично русском стиле.

Но об этом немец Ральф не подумал.

Уставшему, ему было не до тонкостей.

И он лишь попросил водителя прибавить скорость.

Пообещав тому рубль «сверху».

27

На звонок в дверь никто не ответил.

Ни на первый, ни на второй, ни на третий.

На четвертый – из соседней квартиры показалось лицо молодой, замотанной в платок женщины: «Он ушел полчаса назад... С каким-то небритым человеком... А вы кто ему?..»

Прозвучало весьма убедительно.

И, можно сказать, профессионально.

При этом таинственное лицо сразу не исчезло. Цепкий взгляд принялся рассматривать незнакомого визитера. Во избежание неудобных вопросов немец сделал вид, будто полученная информация его не очень-то интересует. Хотя в предметной соседской осведомленности он не усомнился ни на секунду.

Такого разочарования Ральф не ожидал.

От радости с гордостью не осталось и следа.

Опустошенно вздохнув и выдавив из себя безразличное «спасибо», немец почти по-солдатски развернулся на 180 градусов. А все тот же соседский взгляд, но теперь уже из окна, проводил его до самой остановки.

Кроме дороги в общежитие, другого варианта у Ральфа не было.

Однако в переполненный троллейбус он не сел.

И машину ловить не стал. Служебные деньги, увы, не безграничны, за них еще предстояло отчитываться. А без особой причины разбрасываться собственными второй раз за день было непозволительно.

Ожидание следующего троллейбуса затянулось.

И терпение немца не выдержало.

«Может быть, пешком?..»

«Почему бы и нет?..»

«Ну час, ну два... Но все равно лучше, чем толкаться в троллейбусе, а потом еще и в метро...»

Сейчас времени было не жалко.

Отличник больше никуда не торопился.

Отличника никто нигде не ждал.

Гулять по спальным районам Москвы немцу до сих пор не доводилось. Смотреть в новых кварталах действительно было не на что. Одни и те же типовые дома. Одни и те же типовые магазины. Да и местные аборигены, в основном простые труженники, внешне мало чем отличались друг от друга. Московская элита с богемой в похожих районах не жили. За

московской элитой с богемой водились несколько иные предпочтения. А значит, о столичной жизни ничто здесь не напоминало. Безнадёжную безликость городской окраины сегодня удачно маскировали сугробы снега. Из-за слепящей белизны сегодня не бросались в глаза привычная для московской городской глубинки провинциальность и серость. Сегодня после долгих дней полутьмы наконец-то выглянуло полноценное золотое солнце. И на сей раз оно было поистине высшей пробы. Даже сиротливые деревья вдоль оживленной трассы стали достойным фрагментом душевного зимнего пейзажа.

Ральф осмотрелся по сторонам и направился в нужную ему сторону. Он уже уверенно ориентировался в Москве. Будто всю жизнь прожил в большом городе.

Длинный тротуар тянулся на подъём до Профсоюзной улицы. То слева, то справа вместо многоэтажных коробок возникали огромные заснеженные пустыри. Видимо, этот микрорайон только начал застраиваться. Однако ретивые дворники размахивали широкими фанерными лопатами повсюду, даже вдали от домов.

«Наверняка и среди них есть художники, музыканты, писатели... Может, даже поэты... Наверняка и пашут эти утонченные интеллигенты с большей, чем природные работники, пользой... Для них это как вторая профессия... Смежная и одновременно спасительная... Кому же хочется лет на пять-десять в лагерь на перевоспитание, в глухую промерзшую Сибирь, за Полярный круг?.. Причем никто не знает, вернется ли он оттуда?.. Уж лучше добровольно в пролетарии записаться... Пока записывают...»

«Смешно, но среди этих дворников и настоящие гении могут оказаться!.. Невероятно!..»

«Вроде бы еще и не преступники... Но уже наказаны... Чуть ли не по собственному желанию... Достоевский...»

Проходя мимо, будущий историк старался заглянуть в лицо каждому. Кто знает, может, когда-нибудь он узнает одного из них на обложках газет-журналов или на экране телевизора? В истории подобные курьезы уже случались. Впрочем, повышенный интерес к героям коммунального фронта объяснялся не только поиском подпольных гениев. Где-то в душе немец все еще надеялся встретить своего художника. Вдруг того срочно вызвали на другой участок на подмогу «коллегам»? Все-таки снега за ночь выпало немало. Однако среди народа в одинаковых телогрейках немец знакомого лица не обнаружил. К сожалению, и среди встречных прохожих его не было.

Разочарование от неудавшегося блиц-визита медленно превращалось в обиду.

Самолюбие отличника было уязвлено.

Самолюбие иностранца – тоже.

У немца создалось впечатление, будто им пренебрегли.

На виду у всей Москвы.

Пренебрегли незаслуженно.

И он не стал себе возражать.

Роль обиженного целиком отвечала его испорченному настроению.

Но, как ни странно, его мысли были заняты не только другом-художником. За полтора часа незапланированной прогулки Ральф значительно расширил свою московскую географию. Теперь он знал, где прячется чешский магазин «Власта» и родной гдзэрэровский «Лейпциг». Выучил пару новых названий улиц. Запомнил маршрут, которым было бы удобнее добираться от проспекта Вернадского до Каховки. Так что о существовании московских спальных кварталов отныне немец знал не понаслышке.

А когда на темнеющем горизонте показалась высотка общежития, он почувствовал облегчение и в то же время страшную усталость.

От пройденного расстояния.

От проведенной за учебниками ночи.

От всех событий последнего времени.

Силы таяли с каждой минутой.

И студенту их едва хватило, чтоб добраться до постели и с головой спрятаться под одеяло.

От мороза.

От всех своих удач и неудач.

От всего мира сразу.

Но перед этим, подойдя к дежурному по этажу, немец попросил сегодня его к телефону не подзывать. Даже по срочному делу. «Меня нет... Скажите, что я утром ушел на экзамен и больше не появлялся...» «Ни для кого?.. – Ни для кого...»

Ну хоть как-то должен же был Ральф отомстить.

Ну хоть символически.

И у него получилось.

Пропавшего друга дворник-авангардист отыскал лишь на следующее утро. И то после подключения к поискам соседа-блоггера.

28

Приближался последний понедельник января.

О своих отношениях с художником немец рассуждал уже в прямой связи с этой датой.

Без противоречий не обошлось.

Жизнь личная и служебная настолько переплелись, что Ральф в какие-то моменты терялся.

Он боялся делать выводы, но до выводов оставались считанные дни.

К понедельнику ему предстояло расставить все точки над всеми «і».

По крайней мере, на бумаге.

Точнее, в первую очередь на бумаге.

Ральф готовился к предстоящему походу на Лубянку, выбросив из головы все, что этого похода не касалось.

Горьковатый осадок, оставшийся от последней встречи с шефом, жестко предостерегал: улыбка и непринужденное общение Владимира Владимировича – не более чем игра. Ни появлять на нее, ни хотя бы предугадать ее развитие было невозможно. Сейчас Ральф это понимал. Он был не из тех, кто дважды наступает на одни и те же грабли. Так что гэдэровец собрался написать отчет, к которому нельзя было бы придраться. После мучительных размышлений он пришел к непростому для себя, но единственно здравому решению – не скрывать от шефа ничего, что было связано с художником. Ну, или почти ничего. Иначе это не могло не сказаться на карьере. И не только на эмгзушно-ломоносовской, но и, с вытекающими катастрофическими последствиями, на будущей, берлинской.

Владимир Владимирович в глазах гэдэровца выглядел могущественным человеком.

Могущественным и властным.

Самым могущественным и властным из всех, кто имел непосредственное влияние на его судьбу.

Переживал ли при этом Ральф за своего друга?

Конечно, переживал.

Но ситуацию это не меняло.

У Ральфа не было альтернатив.

Сомнения возникали исключительно на уровне эмоций и сопоставительного наклонения.

Правда, поначалу художнику это ничем серьезным не угрожало. К заданию немецкий «агент» лишь приступил и конкретного компромата добыть еще не успел. Все, чем он мог похвастаться, так это своими впечатлениями, точными бытовыми мелочами и роем бездоказательных подозрений. Которые, впрочем, оперативной ценности не представляли, хотя и соответствовали сексотовскому стандарту. Ральф понимал, чего именно добивается от него шеф. Однако до очевидных улик он еще не добрался. Даже усердно работая среди своих, студентов, немец не сразу приспособливался к обстоятельствам. Все определяло время. К творческой личности требовался особый, творческий подход.

Ральф надеялся, что Владимир Владимирович не станет его торопить или в чем-нибудь упрекать.

И вообще, в душе он был не прочь растянуть задание на предельно длительный срок. Оно казалось интересным и захватывающим. К тому же все события происходили сами по

себе и настолько бурно, что даже не надо было ничего придумывать.

Фантазия отдыхала.

Достаточно было все аккуратно переносить из жизни на бумагу.

В точной хронологической последовательности.

И с правильными знаками препинания.

Ральф был мастером протокольного жанра.

К писательским вольностям в истории с художником он решил не прибегать. Необходимости пока не было. По отношению к товарищу он повел себя, в своем понимании, честно. Во всяком случае, настолько, насколько позволяла ему его профессиональная, гэбэшная совесть.

Юный дзержинец не рвался нагружать себя чрезмерной ответственностью.

Юный дзержинец оставлял художнику шанс.

И собственной дружбе с ним тоже.

Мысли о предательстве его не посещали. Они совсем не вписывались в его давно сформировавшуюся систему ценностей и взглядов. Ральф принадлежал другому миру. И только ему был подотчетен.

Служба.

Долг.

Лубянка.

Штази.

Эти краткие, но монументальные по смыслу слова на самом деле значили для гэдэровца много, если не все. И конкуренции у них ни в ральфовском лексиконе, ни в ральфовском сознании не было.

Да и не могло быть.

Ну не имел права провинциальный молодой человек с амбициями карьериста пожертвовать этими абсолютными понятиями ради чего-то личного, глубинного, хрупкого.

Он даже не мог подобно представить.

Ведь он преследовал только высокие цели.

И ради них приехал в Москву.

Откуда Ральфу было знать, чего стоит она, дружба? Даже самая крепкая.

И тем не менее ему никак не хотелось терять близкого человека. Немец предпочел бы сохранить эти отношения в их нынешнем виде. Они ему не были в тягость. Но сделать это можно было, только четко соблюдая правила большой игры. Только постоянно помня о тех, кто ее затеял и вел.

Он знал, в чьих руках были все нити.

В том числе, главная.

Потому что ими был связан и он сам.

Во многом по этой причине Ральф решил, что в отчетах о художнике нужно писать правду, одну правду и ничего, кроме

правды. «Информация к Владимиру Владимировичу идет отовсюду...» Встреча с соседкой на Каховке это, увы, подтверждала. А ведь там были другие соседи, не менее зоркие. К тому же и среди остальных знакомых художника наверняка имелись «опекуны».

«Несчастный, его окружили со всех сторон...»

«Враги...»

Себя при этом он в виду не имел.

Самооправдание было изначально заложено в каждом его поступке.

Иначе так можно было скатиться до абсурда или стать пленником собственных слабостей.

До похода на Лубянку оставались считанные часы.

Сон в очередной раз отменялся.

Немец приступал к исполнению.

Приступал к созданию очередного образа очередного «неблагонадежного элемента».

Но по сравнению с предыдущими, проходными, этому образу суждено было стать высокой готбэшной классикой, богатой не только на яркие цвета, но и на оттенки.

Роль доноса в жизни студента возростала.

И будущий историк осознал ему цену.

Он хорошо ориентировался в мутном пространстве.

Он понимал уже многое.

И уже на многое был способен.

Ральф мысленно затягивал свой армейский пояс.

Перспективы подстегивали.

Какой сексот не мечтает стать генералом.

Тем более с погонами КГБ.

Но путь к мечте – это, прежде всего, работа.

Повседневная.

Без права на передышку.

Полная тревог и опасностей.

Во имя Партии.

Во имя Родины.

Во имя мамы с папой.

Ральф приступал к исполнению в ночь на последний понедельник января. В пустом читальном зале общезития. За дальним столом в углу.

Он любил творить в полном одиночестве.

Без свидетелей.

И наблюдателей.

К счастью, сегодня его ничто не отвлекало.

Ральф сдавал письменный экзамен по личной истории.

И экзамен этот был для него гораздо важнее, чем все те, за которые ему почти «автоматом» ставили пятерки.

Каникулы подошли к концу.

Благодаря отмашке Владимира Владимировича.

Брал старт новый лубянский семестр.

А значит, уровень ответственности повышался.

Чтобы не допустить ни малейшей оплошности, Ральф, насколько позволяла память, старался сегодня вспомнить все, до подробностей.

Все, что от него требовалось.

Начиная с новогодней ночи.

И память на сей раз Ральфа не подвела.

29

– Кто пришел!.. Сколько уже с тобой не виделись?..

– Ровно четыре недели...

– Верно... Мы же по понедельникам встречаемся... У тебя отличное чувство времени... А мне показалось, мы не виделись гораздо дольше... Ты даже чуточку изменился... Только сразу не пойму, в чем... Повзрослел, что ли?.. Да-да... Повзрослел, конечно... Видишь, как на тебя наши морозца влияют... И на полярника сегодня не похож... Мужаешь... Приедешь в родной Росток, родители сразу и не узнают... Они ведь, в отличие от меня, лишь раз в год тебя видят... И то не больше месяца...

– Почему не узнают... Я позавчера фотографии домой отправил... С лучшими видами зимней Москвы... И сам на многих из них отметился...

– Замечательно...

– Учусь фотографировать... Вы же для этого подарили аппарат... Кстати, еще раз спасибо, он отлично работает... Так что через пару недель мои родители увидят, в какой я сейчас форме...

– А кто проявлял, печатал?..

– Один мой знакомый, на журфаке учится... Русский... Первокурсник... У них там предмет такой есть – фотодело... Вот он согласился помочь... Воскресеньем ради меня пожертвовал... Мы три часа в лаборатории на проспекте Маркса занимались... Мудрили... Старались... Кто видел снимки, всем вроде понравились... Наверняка и родителям понравятся... В Москве они еще никогда не были... Да и зима на нашем балтийском побережье выглядит несколько иначе, мягко говоря...

– А что сказал художник?..

– О, с ним сложнее... Он ревниво относится ко всему художественному... Мы с ним вместе фотографировали... Специально в центр Москвы ездили... Еще были в парке Горького, на ВДНХ, в Коломенском... И в самый сильный холод тоже... Если уж на что-то настроились, нас ничто не останавливало... Целых три пленки использовали... По 36 кадров... Я их принес, можно посмотреть и оценить...

– ...

– У него потрясающее чувство композиции... И ракурс, и свет оптимально подбирает... Ну, это понятно: художник все-

таки... Мне было чему поучиться... Но что поразило – снимки, которые ему не понравились, он разорвал... На глазах у меня... Не посоветовался, не предупредил... С улыбкой, как ни в чем не бывало... От почти ста снимков осталось тридцать... Я, честно, был шокирован... Сначала обиделся... Даже думал, что с ним разговаривать не буду... Столько труда оказалось потрачено впустую... И моего, в том числе... Но потом... Потом он все вечером объяснил... И я ему поверил... Обида прошла... Хотя и не с такой скоростью, с которой он разорвал фотографии...

– Резкий парень...

– Да, но... Возможно, в этом случае он и прав... Когда фотографии хуже, чем натура, для чего их хранить?... Тогда лучше попытаться сделать другие... Мы договорились в ближайшие выходные продолжить наше общее хобби... Если облизать крайности, с ним легко...

– Что я могу сказать... Молодец... Точнее, молодцы... Свободное время проводите с пользой... Глядишь, твоим родителям придется скоро большой альбом покупать... А может быть, не один... Ты написал им, что у тебя появился русский друг?..

– Нет, не написал...

– Почему?..

– Не знаю...

– Они бы за тебя порадовались...

– Как я мог – без разрешения... Здесь вопрос не только в моей дружбе... Хотя, если можно, напишу в следующий раз... С удовольствием... Родители точно обрадуются... В письмах они постоянно спрашивают, с кем я дружу, учусь, гуляю по городу... Им очень интересно, как живут люди в Москве... Но одно дело получать информацию из газет... Другое – из первых рук...

– Напиши, обязательно напиши... Почему бы и нет?..

Пускай родители знают, как ты в Союзе живешь... У нас про дружбу писать не запрещено... Даже в Америку...

– Я коротко, без подробностей...

– А что касается твоего нового увлечения, то оно скоро может пригодиться... Старайся снимать чаще и больше... Практикуйся... Фотоаппарат – эффективное оружие... И владеть им надо в совершенстве... Деньги на пленку бери из тех, что я тебе выдал в конверте... Они у тебя еще не закончились?..

– Нет-нет... Я потратил только сорок восемь рублей и двадцать четыре копейки... В отчете есть все расходы... На последней странице...

– В следующий раз время на это не трать... Ничуть не сомневайся в твоей честности... Если бы были сомнения, мы бы с тобой сейчас тут не разговаривали... Мы должны доверять друг другу... Понимаешь?... Именно на доверии строится наша работа...

– ...

– Скажи мне... А ты сам художнику доверяешь?..

– В каком смысле?..

– Ну, вот государственную тайну, например, ты бы ему доверил?..

– Человеку, которого ты хоть в чем-то подозреваешь, ничего государственного доверить нельзя... Это не вопрос моего отношения... На моем месте так поступил бы любой нормальный человек...

– А какой-нибудь личный секрет?..

– Не знаю... Ответить категорично пока не могу... Мы еще не столь откровенны друг с другом...

– Ну, интуиция что тебе подсказывает?..

– Мне не хочется полагаться на интуицию... Думаю, что одной интуиции мало... Через какое-то время я смогу ответить и на этот вопрос... Я за ним наблюдаю... И даже мелочей не упускаю... Чтобы в итоге сделать правильные выводы... Я в отчете все написал...

– Хорошо, я потом прочту... Но сейчас я немного о другом... Давай пофантазируем...

– ...

– Ну, например, стал бы ты убеждать художника, или, точнее, пытался бы ты его «исправить», оказавшись он пособником врагов?.. Бывают же люди, которые рано или поздно осознают свои ошибки... А бывают с виду вполне приличные, порядочные, хотя в душе это самые настоящие негодяи... Таких не переделать... Сколько ни пытайся... У них чужая идеология... Их невероятно трудно привлечь к ответственности, хотя уже за одни только их мысли по ним тюрьма плачет... И на немалый срок... По сути, это те же враги... Но хитрее и коварнее...

– ...

– Вот ты взял бы художника на поруки?..

– Скорее нет, чем да...

– Почему?..

– Он обо всем говорит очень уверенно... Он человек с убеждениями... Правда, они не всегда мне ясны... Но мне лично кажется, что его не переделать... У него непростой характер...

– А как же тогда быть с дружбой?..

– Если окажется врагом, значит, не было и дружбы...

– Логично... Логично... Даже более чем логично...

– Иногда я его не могу понять, потому что во внешне похожих ситуациях он часто ведет себя по-разному... Все зависит от его настроения... И нередко он сам дает повод подозревать... Но как определить, когда это лишь всплеск эмоций, а когда хорошо продуманные суждения?.. Я боюсь тут ошибиться...

– Да, но в том случае, если он действительно враг, а мы вокруг него крутимся и не можем ничего поделывать, тогда ошибка может стать роковой...

– Наверное, это так...

– Я думаю, ты видишь разницу между безопасностью государства и застольными несурзностями подвыпившего интеллигента... Пусть трижды личности и пусть трижды таланта... Мы защищаем наши идеалы... Нашу систему... Ты должен понять правильно... Тратить время впустую мы не имеем права... Времени не так много, а работы полно... Тогда как отдельные мерзавцы гуляют на свободе только потому, что среди нас, увы, хватает ленивых, беспечных и безразличных... Я сейчас не о тебе...

– Его хотят посадить?..

– Посадить-то хотят многих... Но для этого требуется соблности формальности... Нужен более-менее серьезный повод... И чем скорее, тем лучше...

– Я буду стараться...

– Бывали случаи, когда ты оставался в его квартире один?.. Хотя бы минут на 30-40...

– Один раз...

– Отправь его как-нибудь в магазин... Или еще лучше в «Севастополь»...

– ...

– В конце Каховки, возле метро, есть гостиница, типа «Белграда»... Тоже для иностранцев... За чешским пивом или фирменными сигаретами... Ему понадобится минут сорок пять... А сам за это время перепиши все его номера телефонов из записной книжки... Подряд... Иногородние и заграничные, разумеется, в первую очередь... Фамилии, имена не обязательно, переписывай столбиком... Но если какие-то из них будут выделены или подчеркнуты, пометь крестиком... Надеюсь, это нам поможет...

– Я понял...

– Неплохо бы поторопиться...

– Каждую пятницу вечером мы встречаемся у него... Так, во всяком случае, мы договорились... Я заранее все продумаю...

– Еще: надо получить фотографии тех картин, которые у него дома... Желательно всех... Тоже подряд... Подумай и об этом...

– Неужели его абстракции представляют угрозу?..

– Сегодня – круги и квадраты, а завтра – свастика и шестиконечная звезда... Где гарантия, что не будет так?.. Ты даешь гарантию?..

– ...

– Вот именно... И никто ее не даст... Но дело сейчас не в том... Нам надо проследить маршрут передвижения его картин... На черном рынке появились работы, похожие на его...

Хотелось бы выяснить, кто еще участвует в продаже, а иногда и в перепродаже... Кто конечный покупатель... И откуда они...

– Это будет сложнее, чем с телефонной книжкой...

– Понимаю... Именно поэтому я говорю тебе сейчас, не откладывая до следующей встречи... Чтобы у тебя было время подготовиться, присмотреться... Ни в коем случае не должны возникнуть подозрения на твой счет... Нужна осторожность... Да, можно и другим путем получить эти фотографии, но через тебя безопаснее... Я имею в виду, безопаснее для дела... Если он вдруг поймет, что кто-то в его отсутствие был в квартире, он затаится и спутает нам все карты... А твоя репутация в его глазах безупречна... К тому же ты иностранец...

– Как скоро это нужно?..

– Особо спешить не стоит, но и тянуть тоже... Месяц, полтора... Получится пораньше – отлично... Действуй по ситуации... Но только наверняка... По большому счету, сам художник нас не сильно интересует... Ты прав: в его квадратах ничего страшного нет... Нам нужны его связи... Как в Союзе, так и за границей... Среди них есть заметные персонажи... Многие из них не зря сюда приезжают... И не за одними картинами... Крупная рыба хорошо ловится на живца... Знаю по собственному опыту... И до сих пор не ошибался...

– ...

– Да, чуть не забыл... В пятницу я был на совещании и разговаривал там с товарищами из вашего посольства... Они тоже отмечали твои способности и твои успехи... Ты всем нравишься... Тобой все довольны... Ну не красней, я правду говорю... И мы пришли к мнению, что пора тебя в партию принимать... Заслужил... Готовься... Sozialistische Einheitspartei Deutschlands braucht deine Energie... Хотя я, будь моя воля, тебя бы и в нашу партию принял... Таких кадров нам ох как не хватает...

30

Мать плакала.

Отец не выдержал и тоже заплакал.

Родители читали письмо из Москвы.

Стоя.

Вслух.

По очереди.

Читали и перечитывали.

Они подолгу изучали московские фотографии.

И восхищались.

Кремлем.

Повзрослевшим сыном.

Русской зимой.

Мать едва успевала вытирать слезы.

Отец своих слез не замечал.

Давно ему не приходилось плакать.
Фотографии произвели на него впечатление.
Он представлял на них себя и вспоминал молодость.
Свои девятнадцать.
Свои юношеские амбиции.
И мечты.
Свои первые походы, победы и поражения.
Короче говоря, свои довоенно-военные университеты.
И пусть сам он до Москвы так и не дошел, зато сын его спустя сорок лет смотрелся на Красной площади здорово.

Вот он – победитель и покоритель!

С невозмутимым видом позирующий на фоне группы богатых западных туристов возле знаменитой кремлевской башни с часами и Мавзолея.

Отец Ральфа по призванию тоже был историком.

Хотя и без университетского диплома.

Правда, доверял он, первым делом, фактам и знаниям, добытым без преувеличения на поле боя, собственной кровью. Которые не шли в сравнение с академическими учебниками и мемуарами послевоенных политиков. Любой боевой ветеран имеет свое личное отношение к прошлому. Впрочем, не только к прошлому. Ко всей мировой истории вообще. Они и с возрастом не забывают о причастности к великим событиям. Их наука – это их практика.

Нервы отца не выдержали.

И он достал из шкафчика над холодильником начатую бутылку «Доппелькорна». Несмотря на запреты докторов, мутный желтоватый напиток был идеальным средством от стрессов. Да и само письмо из холодной Москвы давало повод выпить.

За здоровье единственного сына.

За его достижения.

Чтоб успокоиться, растроганный воспоминаниями отец сразу после первой рюмки налил вторую, а за ней третью. Привычными двумя сегодня было не обойтись. И он, не глядя в сторону еще более придирчивой, чем все доктора, жены, наслаждаясь горьким вкусом любимого народного эликсира, не торопясь, выпил.

Письма из далекой русской Москвы всегда вызывали в доме горячие обсуждения.

Затягивались, как правило, надолго.

Обострая по ходу споров и прений многочисленными родительскими фантазиями.

Процесс превращения замысловатой ростокской сказки в реальность в их головах был запущен давным-давно. И с каждым новым письмом он все активнее набирал обороты. Оставалось лишь несколько лет подождать до счастливого финала. Оставалось набраться терпения и довести учебно-

воспитательный процесс до завершения. Не без помощи, разумеется, авторитетных берлинских товарищей и самых боёвых их московских коллег.

«Старики» были уверены, что их сын рано или поздно окажется на политической трибуне страны. Они его уже на ней видели.

Среди первых.

Среди самых важных.

Среди избранных.

И это была главная по значимости мечта.

Далее следовала мечта под номером два – о внуках. Однако с этой мечтой они не спешили. Для них Ральф оставался пока ребенком. К тому же надо было подобрать сыну вторую половину. Невеста, невестка... А ведь это на всю жизнь.

Сегодняшний «почтовый» день мало чем отличался от других «почтовых». Родители пришли в себя только тогда, когда сели писать ответ в Москву. И то потому, что нужно было сосредоточиться. Потому, что нужно было подробно доложить начинающему политику обо всех переменках на родном гдзэровском фронте. И хотя переменов времени последнего письма набиралось немного, расписывали они их в подробностях. Держать сына в курсе событий входило в их обязанность. Чтобы он не только формально помнил о доме, но и заранее готовился к возвращению. Иногда, для убедительности, к мелко исписанным тетрадным листкам прилагались вырезки из газет. С подчеркнутыми красным карандашом строками или комментариями на полях.

Неудивительно, что среди всех студентов общежития на проспекте Вернадского Ральф получал из дома самые толстые письма.

Мелочей для родителей не существовало. Все, на что они обращали внимание, не могло быть мелочью.

Они никогда не ленились по многу раз переписывать исчерпанные страницы на чистовик. Зато результатом они всегда оставались довольны. Казалось, куда проще было бы написать два отдельных письма. Однако в том-то и состоит семейное счастье – письмо от родителей к детям непременно должно быть одно, общее и желательно максимально длинное.

В этом смысле оба родителя были во мнении едины и придерживались традиции.

Им нравилось рассуждать вместе.

Им нравилось писать по очереди.

Им нравилось чувствовать себя полноценной ячейкой современного общества.

Кто знает, может быть, все эти сочинения когда-нибудь станут достоянием немецких литературоведов.

И будуг прославлены не только имена достопочтенных авторов, но и время, ими воспетое.

Во всяком случае, сам Ральф каждый раз с упоением зачитывался очередным шедевром материнско-отцовского творчества. Где любовь, мудрые нравоучения и газетная хроника виртуозно сочетались друг с другом.

Наряду с патриотизмом советским Ральф продолжал учиться и патриотизму гэдэровскому.

Ральф вживался в свое берлинское будущее.

Dolce Zukunft.

Deutsche Vita.

После прочтения педантичный студент обязательно все письма нумеровал и аккуратно складывал в чемодан, под кровать, как в архив.

Чтобы сохранить их для домашнего музея.

А заодно – для истории.

Под номерами скапливались письма и в Ростке. Вот только лежали они под рукой, в специальной подарочной коробке на письменном столе. Рядом с детсадовским фото любимого чада в тяжелой металлической рамке. Чтобы в любой момент их можно было взять и заново перечитать. Периодически именно так и происходило. Это был лучший репертуар для дуэта.

Высшая форма домашнего искусства.

Дошедшая до классики.

Зря один «своевольный» классик сказал, что все семьи счастливы одинаково. Если бы родители Ральфа услышали это в свой адрес, они бы точно оскорбились.

Такого они не простили бы даже классику.

И были бы абсолютно правы.

31

В один прекрасный день зима взорвалась.

Как гигантская связка бесцветных воздушных шаров.

Взорвалась на глазах у всего города.

Как в открытом кинотеатре.

И... зимы не стало.

Москву больше часа сотрясали оглушительные залпы. Которые с закрытыми глазами можно было принять за салют. Но ни бешеный гром, ни озарявшие небесную черноту невротические молнии никого не пугали.

Москвичей трудно чем-то испугать.

Большинство пешеходов даже не смотрели в сторону укрытий. До тех пор, пока не поднялся порывистый ветер и не начался дождь. Однако через несколько минут во всех магазинах и подземных переходах уже не было свободного места. В образовавшемся столпотворении воцарилось на удивление оптимистическое настроение. Все стояли друг к другу впиртирку, хотя никто не жаловался и не ворчал. Потому что дождь на сей раз оказался неожиданно теплым. И это не могло не вдохновлять. Кроме как о взорвавшейся зиме, других

разговоров не было. Конечно, это была самая свежая и самая актуальная новость. Самая долгожданная и многообещающая.

Для всех и без исключения.

На город обрушилась весна.

Сначала шумным крупнокалиберным ливнем.

А за ним – прорвавшимся сквозь тьму ярким солнцем и людскими улыбками.

В природе произошла революция.

Хоть и не Октябрьская, но все же революция.

Грязные, искореженные остатки снега таяли мгновенно. Вереницы вынужденных сбавить скорость давно не мытых автомобилей превратились в водный караван. От перепада температур асфальтовые тротуары задышали настоящим баннным паром.

Зиму безжалостно смывало со столичных улиц.

В небытие.

И защищать ее было некому.

На авансцену выходила революция.

Самая демократичная.

Самая желанная.

С самым человеколюбивым манифестом и порядками.

Столбик термометра подскочил на десять градусов. Не расстегнуть пальто или даже куртку в такую «жару» было невозможно. Смелчаки вовсе их снимали. Да с таким пренебрежением, какого еще пару дней назад они бы себе не позволили.

Всем не терпелось почувствовать себя свободными.

Всем хотелось поскорее выбросить зиму из головы.

И она того заслуживала.

Уж слишком все от нее в этом году натерпелись. Она надоела всем. Одолела всех. И не только тех, кто приехал в столицу из ласковых краев. Но и коренных москвичей, которые, насмотревшись «Клуба кинопутешественников», как никогда прежде страдали по теплу и солнцу.

Чудо произошло.

Весна в прямом смысле слова обрушилась на Москву.

Застав все живое врасплох.

И не потому, что ее здесь не ждали.

Наоборот.

По причине затянувшегося до конца апреля ненастья попросту не верилось, что подобное счастье вообще может наступить. Не маскарадный снежок во время первомайской демонстрации трудящихся – это отнюдь не редкая картина для Москвы. Не зря же у многих никогда не бывавших здесь иностранцев главный город Советов ассоциировался чуть ли не с вечной мерзлотой.

Однако мнения иностранцев советского человека мало интересовали. У того было свое отношение ко всему, в том числе и к весне. И он, как никто в целом мире, радовался ее приходу.

Это из года в год можно было воочию наблюдать по его настроению. В первый по-настоящему весенний день оно менялось до неузнаваемости. Пожалуй, ни одно явление природы, ни одно политическое мероприятие не влияли на полное комплексов житие homo soveticus столь радикально положительно. И причины тому таились совсем не в замысловатых теориях Павлова или Фрейда. И не в болезненно-поэтических наклонностях русской души. Даже не в приближавшихся дуэтом майских праздниках. Безразлично плывя по течению социализма-коммунизма, советский человек научился искать и находить счастье в малом. Научился ценить и превращать его в нечто для себя значимое и возвышенное. А иногда – в единственное, ради чего стоило терпеть и мириться с остальными временами года. Проще говоря, с остальной жизнью.

Весна-победительница вступала в свои права.

В течение нескольких часов полностью оккупировав Москву.

Она врывалась во все открытые окна.

Она ломилась во все закрытые двери.

Бросаясь в объятия каждому встречному.

Она хотела всем доставить удовольствие.

И требовала от всех взаимности.

Сердца москвичей застучали с этого дня с предельной частотой.

А на их лицах зарозовел румянец.

При первой же возможности все дела отменялись

Назначались экстренные свидания и походы.

У города появился пульс.

У города вновь появилось желание жить.

И не только своей жизнью.

Весна – дыхание магическое.

32

Военный парад в честь Дня Победы будущий немецкий историк наблюдал своими глазами.

На Красной площади.

В огне красных знамен, красных пионерских галстуков и красных транспарантов.

С красным спецпропуском в кармане.

В компании с фронтовиками, высокими армейскими чинами и замаскированными под гражданских гостей штатными и нештатными коллегами.

Грандиозность мероприятия поражала.

Всем, что попадало в поле зрения.

От ползущей колонны самоходных ракетных установок до театрализованно-батальных задумок-выдумок военных

режиссеров. Еще там были десятки телевизионных камер и узнаваемые образы журналистов, напрягавшихся в прямом эфире. А чего стоили восторженные взгляды участников и зрителей, устремленные в стороны трибуны Мавзолея. Где, как однойцельные близнецы, выстроились в жирную линию, с повязанными пионерскими галстуками на груди, члены Политбюро! А командующий парадом, обезбжающий по струнке вытянутые войска, стоя в открытом «ЗИЛе»! А неподражаемое продолжительное: «Ура!!!». С не менее продолжительным эхом.

И все это – не по телевизору!

Когда еще посчастливится увидеть сей шедевр!

Заявляя позицию за спинами орденных ветеранов и удачно выбрав просвет между их лысеющими головами, немец то и дело прижимал очки к переносице. Будто хотел навести резкость. Будто хотел максимально приблизиться к эпицентру парада. Хотя он и без того стоял в почетном втором ряду.

Ральф боялся пропустить что-нибудь важное.

Он отчетливо понимал: перед его глазами проходила не привычная, рядовая демонстрация Вооруженных сил. Даже имея поверхностное представление о реальной глобальной политике, в отдельных политических вопросах гэдээровец кое-что смыслил. Сегодня на главной советской площади под эгидой народного праздника разворачивались события, очень похожие на самые настоящие войсковые маневры. И участвовали в них самые передовые подразделения, самая современная боевая техника. Присутствовали, как обычно, и самые важные дипломатические персоны. Ясно, что это было больше, чем показное шествие. И больше, чем сакраментальное поклонение героическому прошлому. Это было недвусмысленное предупреждение всему вражескому лагерю. И одновременно – заявка на победу в следующей мировой войне. А то, что рано или поздно она начнется, сомнений, увы, не возникало. Ни у тех, кто сейчас клеймил позором врагов, ни у самих заклеянных, следивших за происходящим в Москве из своих заграничных бункеров. На одном широченном транспаранте так и было написано: «Берегитесь, агрессоры!» На другом: «Крах агрессорам!» Ральф, как полпред прогрессивной половины человечества, разумеется, был солидарен со всеми этими призывами. Он радовался силе и мощи братской советской армии. Верил в ее величие и непобедимость. Ну кто еще мог защитить его и его гэдээровских единомышленников от империализма? Кто еще мог гарантировать безоблачное существование его потомкам?

Однако радость от праздника не избавляла от волнения. Оба эти чувства, естественно вытекая одно из другого, так же естественно друг друга сегодня объясняли и дополняли. Доверие к Ральфу Владимира Владимировича и всего безымянного кагэбэшного начальства достигало как никогда высокой точки. Сегодня они продемонстрировали, что ценят его без оглядки на

иностранные происхождение. Иначе немца не вызвали бы на праздник как на работу. Наравне со всеми рядовыми и нерадовыми сотрудниками. И даже проинструктировали как находящегося на службе работника. Сегодня случайных людей на Красной площади не было. В такой день на нее пускали по особым спискам лишь лучших сынов и дочерей Отечества. Лучших во всех смыслах. По всем пунктам-параграфам. С незапятнанными анкетными данными и безупречными характеристиками. Не только лично на них самих, но и на всех их ближайших предков-родственников. Не забывали, известное дело, про друзей тоже.

Ральф стоял в одном строю с лучшими.

Среди «безупречных» и «незапятнанных».

Он хорошо смотрелся.

Отличаясь от большинства только своей юностью.

Других отличий от гражданских участников праздника даже сам Ральф не смог бы в себе отыскать. Их попросту не было.

Двухлетняя работа гдээрзовского товарища над собой быстро принесла плоды. К концу второго курса его образ приобрел все, чего не хватало ему раньше, до знакомства с Владимиром Владимировичем. И вот теперь комсомолец-эфдзетовец практически ничем не выделялся из сплошной советской массы. Для полноценного иностранца это вряд ли могло быть комплиментом. Но у будущего немецкого историка были свои высокие цели и задачи. Он выбирал сам жизненные ориентиры и примеры для подражания.

Впрочем, были и такие, для кого он давно лично стал примером для подражания.

Он находился на своем, заслуженном месте.

И на сегодняшний день считал это наиболее важным своим достижением.

Сегодня Ральф испытывал зависть к самому себе.

И ему было чему завидовать.

Под едва разборчивые возгласы главнокомандующего и нескончаемые крики «Ура!» писалась еще одна страница не по годам богатой биографии скромного студента из Ростова. Не столько для служебного пользования, сколько для последующих поколений его соотечественников.

В сердцах Ральфу захотелось пройти маршем вдоль кремлевской стены.

Плечом к плечу с советскими солдатами.

Уж очень они сегодня ему нравились.

Пожалуй, никогда до сих пор немец еще не испытывал такого уважения, такой преданности к стране победившего социализма. Не зря для многих людей, долго находившихся за границей, существует психологическое понятие второй родины. Хотя большой разницы между второй и первой сегодня немец не

ощущал. Сегодня он считал себя сыном единой идейной Родины. И Родина отвечала ему воистину материнскими чувствами.

Периодически гдээрзовец надуывал в кармане брюк спецпропуск. И к его шекам сразу прилиwała кровь. Даже первое прикосновение к паспорту в свое время не вызвало в нем таких сильных эмоций.

Для Ральфа солнце сегодня светило особенно ярко.

А небо было особенно синим.

Он настолько был взоружен происходящим, что даже забыл, в честь какой победы и над кем был устроен этот неподражаемый парад.

Главное, что он ощущал среди избранных.

И эти чувства не были заблуждением.

Немец от души праздновал чужую победу.

Немец с гордостью принимал чужой парад.

33

Погода на 9 мая разгулялась на славу.

Как по заказу Политбюро.

И одновременно Гидрометцентра.

Создавалось впечатление, будто белокаменная изо всех сил рванула прямо в лето. Остановить Москву-красавицу было невозможно. Температура напоминала июльскую. В помещении вообще не хотелось находиться. Народ тянуло на улицу. Во всяком случае, ту его часть, что не сидела за праздничным столом. Хотя были и такие, кто осмеливался на маленький пикник на скамейках в парке.

После окончания парада и делового обмена мнениями с Владимиром Владимировичем, довольный и польщенный Ральф отправился бродить по городу. Праздник, особенно в центре, блистал на каждом шагу. Продавцы мороженого сняли в накрахмаленных снежных халатах. Милиционеры шеголяли в брюках с отутюженными лезвиями-стрелками. Все прохожие необычайно любезно уступали друг другу дорогу. Тянувшаяся от Красной площади улица Горького превратилась в бешущее море флагов, детских флажков, разноцветных воздушных шаров. И это под нескончаемые советские марши и бархатный баритон Юрия Левитана из громкоговорителей. Судя по довольным лицам, народ явно забыл о своих будничных проблемах. По крайней мере, на сутки. Все весело галдели; то тут, то там запевали боевые шлягеры Великой Отечественной и прямо на закрытой по случаю праздника проезжей части центральных улиц – под воздействием фронтовых «ста грамм» – пускались в пляс. Кого-то заводила весна. Кого-то – священный праздник. А были и такие, для кого девятое число стало естественным продолжением не менее пафосного и не менее заводного Первояма. Немец с любопытством наблюдал за повальным народным брожением. Впервые он очутился в городе во время

массового гуляния. И затянулись эти наблюдения надолго. До самого зрелищного и ответственного момента – праздничного салюта из двухсот орудий в разных концах Москвы. Затаив дыхание, Ральф любовался искрящимся небосводом и со всей необъятной страной слушал этот в высшей степени торжественный грохот. Вместе с Одессой, Мурманском и Калининградом. Новороссийском, Киевом и Севастополем. Вместе с родным для его отца Курском.

Славный праздник славно завершился.

Наступала пора произвольной программы.

С этой минуты Ральф принадлежал лишь самому себе. И без колебаний выбрал путешествие по ночному городу.

Под утро, одолев большую часть Мосфильмовской, он неспешным шагом добрался аж до Ленинских гор.

Там его ждала полная тишина.

К пяти часам даже милиция отправилась отдыхать.

Город был в распоряжении Ральфа.

Постояв немного на пустой смотровой площадке, среди набросанного за день мусора, немец решил спуститься по крутому лесному склону ниже и, найдя место поудобнее и почище, устроил себе привал среди деревьев. Долговязая университетская высотка осталась, к сожалению, вне зоны видимости, наверху. Зато молчаливая извилистая Москва-река с тускло подсвеченными берегами, напоминавшая широкое шоссе после дождя, была видна как на ладони.

Как же Ральфу нравилось оставаться один на один с городом! Было в этих отношениях нечто завораживающее, таинственное, интимное.

Праздничная темнота постепенно таяла.

Наступал новый рабочий день.

Но возвращаться в общежитие Ральф не собирался. Об учебе он сегодня не вспоминал. На нее не хватало ни мыслей, ни времени. В конце второго курса он уже мог такое себе позволить.

Опустившись на траву, Ральф входил во вкус второй своей московской весны.

Среди деревьев, на сыроватой земле, она чувствовалась еще острее. Небрежная, ненавязчивая прохлада и аромат пробивающейся зелени бодрили. Придавая предутренним фантазиям юного студента немного романтики. Конечно, усталость давала о себе знать, но не та, от которой тянуло спать и портилось настроение. Это несмотря на то, что практически целый день Ральф провел на ногах и толком ничего не ел. Четырех порций фруктового мороженого и стакана яблочного сока ему вполне хватило. Он даже о «котлете по-киевски» не успел помечтать. Вот от чего бы он сейчас действительно не отказался, так это от бокала любимого «Гурджаани». Да, на худой конец можно было согласиться и на рюмку прозрачной

«Столичной». Но, к сожалению, немногочисленные московские бары были уже давно закрыты.

Расстраиваться из-за отсутствия алкогольных напитков немец не стал. Упущенное сегодня он наверняка еще не раз наверстает. Поэтому он наслаждался Москвой, продолжая находиться в плену праздничных впечатлений.

Прошедший день во многих смыслах и предчувствиях был для него знаковый, особый.

Сегодня Ральф влюбился во все военное.

От современного тяжелого оружия до обыкновенной солдатской формы. Сегодня ему были симпатичны все – и седые орденосные ветераны, и аккуратисты-курсанты, и молодцеватые «срочники». И хотя у Ральфа не имелось ни одного знакомого военного, сегодня он их полюбил всех сразу. И не абстрактно, как это можно было предположить. В какой-то миг будущему историку даже захотелось пойти на службу в армию. Чтобы оказаться рядом с теми, кто вызвал в нем такой восторг. Чтобы надеть на себя такую же защитного цвета форму. Когда несколько часов назад «вольный» немец подсматривал за группами гуляющих по городу солдат, его прямо-таки тянуло в гущу сплоченного солдатского братства. Но познакомиться он ни с кем не решился. Хотя мысленно Ральф даже готов был променять университет на казарму. И ни трудности быта, ни строгая дисциплина, ни продолжительность службы его не пугали. В Ральфе зрело мужество. Причем ему хотелось не только служить в высоком звании и отдавать команды, но и самому команды выполнять.

«Вот где вырастают настоящие мужчины!..»

«Такие разве могут проиграть войну?..»

Сегодня совершенно искренне гдээронец влюбился в советскую армию. И любовь эта отныне стала частью его сознания. Если бы подобные идеи посетили гдээронца еще в Ростке, он бы наверняка предпочел профессию военного. Даже мамини уговоры его бы не остановили. И он с огромным желанием отправился бы на учебу в СССР в военное училище. Тем более что восточных немцев в них хватало. Во многих, и не только в столице.

Окунувшись мысленно во все военное, Ральф вспомнил вдруг сон, который приснился ему еще дома, в Ростке, в ночь перед первым отъездом в Москву. Когда он с мамой чуть не опоздал на поезд.

Как же были похожи те молодые лица на многие из сегодняшних!

Будто это были кровные братья.

Ральфу не верилось, что такие совпадения случаются в реальной жизни. А ведь от того раннего утра его отделяли почти два года.

Продолжая в подробностях вспоминать тогдашний сон, немец представил себя в армейской бане. Среди здоровых, крепких, веселящихся ребят. И что было неожиданным для ральфовского воображения – будто среди своих знакомых. Голым среди голых.

Это стало для немца откровением.

Это стало кульминацией его фантазий...

... напряжение достигло предела.

Расстегнув брюки и крепко обхватив свободной рукой ствол ближайшего дерева, немец наконец-то понял, чего он так жаждал всю эту ночь.

Ральф терял контроль над собой.

Ральф ломал собственные стереотипы.

И его ничто не могло остановить.

Через несколько мгновений в глазах потемнело.

На тело обрушилась дрожь.

Оборвать которую смог только собственный вскрик.

Одинокий глас над еще не проснувшейся после праздничного пьянства Москвой.

Выдержав паузу, немец вытер со лба пот.

С трудом понимая, что с ним произошло.

И абсолютно не понимая, что делать дальше.

На лесном склоне он просидел еще долго.

Без движения.

Без чувств.

И уже без сил.

«А может быть, это опять сон?..»

«Как тогда, перед отъездом...»

«Нет...»

Ральф боялся открыть глаза.

Ральф стеснялся взглянуть взглядом с городом.

Он испугался собственного откровения.

Это был его первый в жизни настоящий оргазм.

34

– Чего ты сегодня кислый?.. Таким я тебя еще ни разу не видел... Пьянствовал после работы с дворниками?.. Или муки творчества одолели?..

– Хуже...

– Что-то случилось?..

– За последнюю неделю уже третьего моего знакомого забрали... Прямо из постели, рано утром...

– Куда забрали?..

– Куда-куда?.. На Лубянку, куда еще?.. И никто до сих пор не вернулся... Родственники в растерянности... Если не сказать в ужасе... Впрочем, не только родственники... Все понимают, чем это пахнет... Обращались в милицию, а там только руками разводят...

– О, Gott... Они связаны с диссидентами?..

– Не знаю... Но интересно то, что между собой они не были даже знакомы... Такое впечатление, будто по городу прокатилась волна арестов...

– А ты откуда узнал?..

– Друзья сказали... Многие из них сейчас прячутся на чужих квартирах... Боятся, что к ним придут... Телефоны же все прослушиваются...

– Ты это как-то связываешь с собой?..

– Нет, но все равно странно... Скоро, наверное, и до меня доберутся...

– М-да...

– Я перелистал свою записную книжку... Несколько раз подряд... В ней уже не осталось имен, которыми бы не интересовались оперативники... Одних посадили – кого раньше, кого позже... К другим с обыском приходили... Третьих погугать вызывали... На всякий случай... Наши службы работают на совесть... Если понятие «совесть» к ним вообще подходит...

– ...

– Так что круг постепенно сужается...

– Просто в твоём кругу много инакомыслящих...

– Любый нормальный по природе – инакомыслящий... Что тут необычного и страшного?.. Разве это преступление – отличаться от остальных?.. А власть почему-то именно нормальных панически боится... Создает проблемы... И себе, и другим... Не любит она отвечать даже на простые вопросы... Предпочитает в лагерь к волкам отправлять... Лет так на пять-шесть... Чтобы сразу концы в воду...

– Не переживай... Если за тобой тоже придут и все закончится печально, я через кого-нибудь из русских тебе сухари передавать буду... Большими посылками... Не пожадничай... На весь барак хватит... Самые вкусные и дорогие... Ванильные, с изюмом... Из «Елисейского»... А если письма разрешат писать, то и писать регулярно буду, на десять страниц каждое...

– Тебе смешно...

– Знаешь, сам виноват... Друзей никто не навязывает... Тянет тебя к диссидентам, это правда... С другой стороны, не стоит и преувеличивать... Нужно подождать... Заранее чего паниковать?.. Успокойся... Без суда и следствия у вас не сажают...

– Толку-то от такого суда и следствия?.. Приговором оправдательных у нас не бывает... Даже в товарищеских судах... Нашему правдоискательскому обществу виновные нужны всегда... Точнее, заключенные... И желательно, в больших количествах... Эх, сразу чувствуется, насколько ты далек от действительности... Хотя она тебя не касается... Ты же не в Союзе родился... И не в Союзе жить будешь... Какой ни на есть,

но ты все равно иностранец... И ваши лагеря с нашими еще нескоро по «качеству» сравняются...

– Ну не может быть, чтобы всех троих арестовали без причины... Тем более если между собой они не знакомы... Тебе не все известно... За ними наверняка наблюдали... Следили... И наверняка продолжительное время... И для задержания имелись причины... Были бы они чисты, их бы отпустили... Попугали бы день, другой и отпустили... Это точно... Разве я не прав?..

– Ральф, весь ужас в том, что с тобой бессмысленно спорить... Ты всегда прав...

– Почему ужас?..

– Потому что возражать бесполезно... Надо было тебе на юрфак поступать... Из тебя получился бы образцовый прокурор... В ГДР прокуроры тоже нужны... Тебе сразу доверили бы все политические дела... У вас ведь их хватает... И место в гэдэровской истории тебе было бы гарантировано...

– Почему нет?.. Может быть... Я не откажусь... Только не понимаю, почему ты злишься...

– И прокурорская форма очень бы тебе подошла... Со всеми ее золотистыми значками и полосками... По-моему, это твоя скрытая страсть... Дай тебе волю, ты бы многих по своим местам расставил... И своих, и чужих... Нет-нет, не расставил – рассадил...

– Будь моя прокурорская воля, я бы, в первую очередь, посадил тебя под домашний арест... Как минимум, на пару лет... Для профилактики... И без права на переписку... С одновременным отключением телефона... Чтобы никто из подозрительных не приходил и не звонил... Пусть думают, что ты переехал на другую квартиру... Или еще лучше, в другой город... Тогда бы у тебя точно никаких проблем не было... Уходи себе в холсты и краски... С утра до ночи...

– А кто бы мой двор убирал?..

– Ради такого случая я бы дворника нашел... Который бы асфальт подметал и за окнами твоими присматривал... Чтобы ты постоянно заботу о себе чувствовал... И никогда не расслаблялся...

– Это за что ты решил меня наказать?..

– Чем меньше человек переходит на красный свет, тем меньше у него шансов попасть под машину...

– А что делать, когда красный горит всегда и во всех направлениях?.. Когда зеленый напрочь выключен... Что в этой ситуации делать?.. Куда двигаться?.. Стоять на одном месте?.. Такое не для меня... Рано или поздно надоест... И об опасности забудешь...

– Писать, чертить и мазать красками можно и стоя на одном месте... Если не искать на голову приключений...

– Интересно, ты всех друзей так учишь жить?..

– Нет, тебя одного... Потому что других друзей у меня нет... Ты – единственный... Вот я и беспокоюсь...

– ...

– Зато у тебя их много...

– Я этим горжусь...

– Гордись, пожалуйста... Я ведь тебя не осуждаю... С твоими друзьями я близко не знаком... Кроме болгарина и новгородных поклонников хоккея, я никого не видел... Ты почему-то упорно их от меня прячешь... Но пойми, если кому-то из них кажется, что за решеткой свободы больше, чем на воле, пускай сами там сидят... Я не хочу, чтобы они тебя за собой тянули... Пускай антисоветчики занимаются своим делом... А творческий человек должен заниматься своим... Ты уже столько раз мне повторял, что политики не касаешься... Что ее нет ни в твоих картинах, ни в твоих мыслях... К сожалению, иногда я убеждаюсь в обратном... По-моему, ты не всегда откровенен... Неужели мало того, что через день и летом, и зимой ты улицы убираешь?.. Или ты хочешь снег в Сибири разгрести?.. Но на всю Сибирь твоих сил не хватит... И душевные репортажи по «Голосу Америки» тебе посвящать не будут... И радио «Свобода» о тебе не вспомнит... Для этого хватает профессиональных диссидентов... Они – звезды на Западе... А не такие, как ты, дворники... За это им гонорары платят... Большие, в долларах... И разные премии присуждают... Прикрываясь великими именами... Так что им есть за что мучиться... Это часть их работы... Их призвание... Не умеют они по-другому деньги и славу зарабатывать... А тебя наверняка подставляют...

– Ральф, ты – первый иностранец, кто мне подобные глупости говорит...

– Я ничего такого не говорю... Просто из иностранцев я первый твой настоящий друг... И в отличие от приезжих ценителей авангарда, прежде всего, желаю тебе свободы... А не толкаю в тюрьму... Да, может быть, их совсем не интересуют твои картины, но твоя жизнь, поверь мне, их совсем не интересует... Кто ты для них?.. Не надо строить иллюзий, не заблуждайся...

– Что сегодня с тобой?.. Будто ты с Луны свалился... Или на Лубянке лекцию прослушал...

– Ты сам начал этот разговор... Еще час назад у меня было отличное настроение... Последнее занятие сегодня отменили... Завтра – выходной... Я специально не пошел в столовую, чтобы мы пообедали вместе... Знаешь, какой я голодный?.. С утра ничего не ел...

– Так чего молчишь?..

– Что я могу сказать, если ты все время про Лубянку, диссидентов, прокуроров...

– Ладно, не будем впутываться в гэдэшные дела... От наших дискуссионных толку нет и не будет... И на свободу никого не выпустят... Давай лучше об обеде подумаем... Хорошо бы

быстро сообразить ну нечто эдакое... У меня, между прочим, есть деревенская курица... С Украины три дня назад передали, от бабушки... Можно в духовке запечь ее... А чтобы за это время гастрит не заработать, я сейчас тебе пару бутербродов сделаю...

– Чешского пива у тебя случайно не осталось?.. Все-таки сегодня пятница...

– Нет, но какие сложности?.. Пятницу уважать надо... Тут недалеко «Севастополь»... Отличный интуристовский комплекс... К Олимпиаде построили... Там почти как в чешском посольстве, все есть... И официанты знакомые... Они меня любят... Пока еще ни разу никто не отказывал... Так что будет тебе пиво до самого понедельника... Целый ящик... Может, еще чего к пиву прихватить?.. Да и одной курицы нам не хватит...

– Смотри сам...

– Хорошо... Я на такси туда и назад, машину отпускать не буду... На все про все уйдет минут сорок, не больше... А ты можешь начинать готовить... Чего время терять?... Курицу разделять умешь?.. Только рубашку сними... Чтобы не получилось, как в прошлый раз... Чистые майки в шкафу...

– А ты не против, если я пока отдохну?.. Сорок минут мне хватит... Сегодня ночью я так плохо спал...

– Я вообще не понимаю, как можно хорошо спать в комнате, в которой спят еще три чужих человека... Ладно, договорились, валийся... С курицей я потом, как вернусь, расправлюсь... У меня опыт... Я же вырос в деревне... Но смотри, не усни... Иначе тебя не подниму... Даже пивом...

35

Гэдэровец сработал безошибочно.

Проявив чудеса расторопности.

Перекрыв все нормативы ГТО.

Несмотря на сероватое освещение, морозящую дрожь в ногах и учащенное сердцебиение.

На фотографирование полного собрания картин ушло девятнадцать минут и тридцать три снайперских щелчка. При этом и трем оставшимся кадрам нашлось применение – не поддающаяся описанию неразбериха рабочей комнаты сама напросилась на пленку. То ли на всякий случай, для комплекта, то ли чтобы чуть-чуть разнообразить материал на «сочувствующего».

Юный дзержинец постигал фотографическую практику в полном объеме.

Обогащая конкретным смыслом борьбу с современным абстрактным искусством.

Лубянка – против ренегатства и диссидентства.

В немецкой коллекции не хватало только фотопортрета самого автора картин.

Впрочем, портретов художника за последний год набралось в его лубянской папке с избытком, на выбор.

И в компаниях.

И крупным планом.

И с комментариями на обратной стороне.

И без.

Умеющих снимать в КГБ было достаточно.

А каждая фотография, хранившаяся в картотеке, была не просто печатной копией тайно снятого объекта.

За каждой из них скрывались смекалка, отвага и риск героев-разведчиков, героев-фотографов.

Система работала отлаженно.

Система работала как единый организм.

Все в цепи было продумано. Вплоть до специальных, грязновато-черных конвертов, в которых хранились сотни километров пленки.

Лубянка гордилась своими слепопытками.

Вот кто был ее главной ударной силой.

Не зря Владимир Владимирович убеждал: в вопросах государственной важности информация не бывает лишней. Тем более что кроме важности государственной, иной КГБ и не знает.

Тем более когда она наглядная.

И совершенно точно – неопровержимая.

Наконец юный дзержинец познакомился с творчеством своего друга. Прикоснувшись буквально к каждой картине, обнаруженной в доме. Правда, ни одна из них никаких чувств у него не вызвала. И дело было совсем не в нервном напряжении или в недостатке времени. Просто он не связывал воедино самого художника и его неестественно-безжизненное художество. Скорее наоборот, немец вовсе старался создать между ними непреодолимый вакуум, зону отчуждения. Словно пытался оградить художника от его же собственного подозрительного занятия.

Ральф дорожил собственными убеждениями. Не любя то, в чем не находил им подтверждения. Потому что все неведомое не только посягало на его представления об окружающем мире, но и напоминало об опасности.

Относилось это и к живописи.

Ральф был слишком разборчив, последователен в своих художественных вкусах. И не дружил с чуждой эстетикой. которая была слишком далека от гэдэровской школьной программы и образцового семейного воспитания.

Взять, к примеру, Рембрандта или Рубенса, любимых художников мамы. С ними сложностей не возникало. И даже с Гойей, любимым художником папы, можно было с грехом пополам разобраться. Но что скрывалось в тупых квадратах, безликих каракулях и в прочем однообразном примитиве? Чем

все это могло нравиться коллекционерам? Почему они не жалели денег? Неужели там, за границей, нельзя было нарисовать подобное? Или у русских особые каракули? С одной стороны, гдээровец поражался выбору иностранцев. Ведь в таком искусстве не было ни кровинки. Ни нерва. С другой стороны, ну как здесь не заподозрить недоброё? Разве могли богатые необдуманно выбрасывать деньги? Ральф искал связь между странной щедростью и работами своего друга... и не находил. Да, нарисовал он на полотне несколько пятен. И что? Что он имел в виду? Что это давало зрителю? Цвет ради цвета? Линия ради линии? Где тут высокое творчество? Где настоящая жизнь?

По мнению немца, знакомство с иностранцами пошло художнику больше во вред. Это были коммерческие связи. Искусство же оказалось для него недосягаемым. Потому что до сих пор он так и не создал ничего стоящего. Во всяком случае, из того, что хранилось в квартире.

Абстракционизм в глазах Ральфа терпел поражение.

Под натиском мэтров академической живописи.

Под влиянием маминго и папиного вкуса.

И виновниками этого исторического поражения стали дисциплина и врожденная немецкая бескомпромиссность.

Дружба перед службой безоговорочно отступила.

Ее примеру последовала и совесть.

Без каких бы то ни было угрызений.

Истина брала верх: победителей не судят.

Такая истина победителей возносит.

И, как правило, на руках самих проигравших.

Спрятав «ФЭД» в «дипломат», с армейской ловкостью сменив рубашку на красную советскую майку с надписью «Спартак», Ральф устало вытянулся на тахте в сладостном ожидании заслуженного пива. На Каховке он чувствовал себя как дома. И это не было преувеличением.

Да, творчество художника Ральфа не волновало. Но не оно же определяло их отношения.

Юный Рихард Зорге с воодушевлением зевнул.

Благо, этого никто не видел.

Операция прошла успешно.

Поводов для недовольства собой не было.

И положительные эмоции нахлынули.

Он на самом деле оказался неплохим фотокором.

Спустя несколько недель комплименты от Владимира Владимировича это подтвердили.

А очередная денежная премия в 100 рублей на личные расходы плюс многоцветная шариковая ручка в подарок подняли боевой дух гдээрковского смельчака до высоты знаменитой Останкинской телебашни.

На Лубянке знали цену профессионализму.

Витрина.

На безлюдном проспекте.

В безлюдном ночном городе.

Витрина элитного салона для новобрачных.

В ярком свете неоновых ламп.

С блеском и отблесками фальшивых драгоценностей.

Маленький театр церемоний.

Но без занавеса и зрительного зала.

За стеклом.

Как Мона Лиза в Лувре.

Только здесь главных героев двое.

Ральф поражен пышностью нарядов.

Он не может оторвать взгляд.

Из черной небесной пустоты доносится металлический перезвон колокольчиков.

Рядом с витриной открывается дверь.

И Ральф не отказывается от приглашения.

Перед ним – неведомый ему до сих пор праздник.

Марш Мендельсона заполняет пространство.

Душа и музыка сливаются воедино.

По телу пробегает мурашки.

Ральф – как истинный немец – ценитель и поклонник любых маршей.

Фойе брачного салона неожиданно превращается в зал далеких герцогских времен.

И по размерам,

И по обстановке.

Из дверей со всех сторон появляются многочисленные пары оживших манекенов в причудливых средневековых свадебных костюмах.

Скромный студент МГУ оказывается в плотном кольце танцующих.

Он медленно вращается вокруг собственной оси.

Ему не верится, что все это происходит с ним.

Скользящее прикосновение атласа-бархата напоминает немецкую сказку.

Музыка пленяет все сильнее.

Мендельсон чередуется с неведомыми гдээрвовскому слуху размашистыми вальсами.

Ральф сдается на милость празднику.

Ральф сдается на милость машине времени.

Он принимает предложенную роль.

Он – полностью в сюжете.

На нем костюм то жениха.

То невесты.

Но своего внешнего вида он не замечает.

Ральф всеми желаем.
Ральф всем доступен.
Он с серьезным видом кружится в парах.
Периодически поправляя указательным пальцем на нос сползающие очки.
Ральф напрягает зрение.
Пытается хоть в ком-то разглядеть знакомое лицо, но вокруг все одинаковы.
Все – в масках.
В юных глазах появляется страх.
Страх крупным планом.
Страх через линзы очков.
Резкая смена кадров.
Световая гамма та же, неоновая.
Ральф в платье невесты бежит по тому же безлюдному проспекту.
Бежит от преследующей его толпы, с которой только что охотно танцевал.
Фата развеивается на ветру.
Дыхание тяжелым эхом отдается в пустоте.
Но на высоких каблуках далеко не убежать.
Ральф спотыкается.
Падает.
... и в этот момент просыпается.
Конец фильма.
Пижама вся мокрая.
Не хватает света.
Не хватает пространства.
Немец боится пошевелиться.
Чтобы скрипом общежитьевской кровати не разбудит соседей по комнате.
Он боится, что его сон поймут с полчиным.
И о нем станет известно на Лубянке.
Немец еще долго лежит неподвижно.
С открытыми глазами.
В голове – хаос.
Чувствует, как горят щеки.
Музыка его не покидает.
Даже бой курантов и гимн Советского Союза из радиоточки не могут привести его в привычное состояние.
Оказывается, есть вещи и посерьезнее.
Которые способны остановить сердце.
Если к ним прислушаться.
Если вникнуть.
Если ощутить безысходность.
Зарядка отменяется.
И мысленное перечисление дел на день тоже.
Надо скорее выйти на улицу.

Мендельсон – сочинитель магических.

37

Ночь при настольной лампе в кабинете – стихия всех службистов.

Это внутренняя потребность.

Энтузиазм и романтика.

Апогей жанра.

Независимо от идеологической принадлежности.

Независимо от расстояния до родного дома, семейного положения и количества лет, проведенных в погонах.

Видимо, в таинственном ночном безмолвии, как ни в какое другое время, переплетаются шпионский драматизм и поэтика страстей.

Звездочки с неба случайно не падают.

Звездочки с неба падают точно в цель.

Владимир Владимирович при всей нестандартности его образа не был исключением из этого служебного правила. Неравнодушные к щегольской одежде и дорогим элитным ресторанам лишь удачно камуфлировали его негнбимую гэбэиную сущность. На самом деле он почти не отличался от менее модных, менее изысканных в манерах и вкусах коллег. Пухлые папки с чернильным грифом «Секретно» периодически и его привязывали к кабинету на Лубянке до предутренней зари, а нередко прямо за столом заменяли подушку. Обессилев от чтения, расшифровок, длительных размышлений, уставший кадровый офицер погружался в сон вместе со своими героями.

И вместе с ними просыпался.

Обычно его будило назойливое постукивание швабры о дверь. Приходившая на работу уборщица оповещала всех полуночников о начале нового дня.

Чекист вновь включался в режим.

Будто из него и не выходил.

В многочисленных ральфовских документах Владимир Владимирович копался особенно тщательно. В информации недостатка не было. Она поступала из всех возможных источников. В том числе из Восточного Берлина, Востока и даже Гамбурга, где после разделения Германии на зоны обособовался родной дядя Ральфа по отцовской линии. По всем имеющимся данным Ральф считался перспективным специалистом. Как с точки зрения кадровиков штази, так и с точки зрения их советских собратьев. Для него на любом фронте нашлась бы подходящая роль. Из него, например, мог получиться ценней агент для работы на территории ФРГ. Ну, на худой конец, сотрудник посольства на Западе. Где его можно было бы использовать как связного. Что для Москвы тоже представляло конкретный интерес. Персона будущего историка МГУ волновала руководство отнюдь не меньше, чем его непутовое

богемное окружение. Зато окружение путевое, с которым немец старался под любым предлогом не вступать в близкие контакты, давало Ральфу безоговорочно высокую оценку. Судя по чужим отчетам, его искренне уважали все законспирированные соратники по студенческому подполью. Уважали, считая политически грамотным, морально устойчивым и рекомендовали для оперативного сотрудничества. Такое единодушие не могло Владимира Владимировича не радовать и тем не менее оно чутьчку настораживало.

Уже несколько дней на столе рядом с личной папкой Ральфа лежала и папка художника. Которая выглядела раза в три толще и потрепаннее «немецкой». Хранилась она на другом этаже и в другом управлении. Однако по сводкам и материалам последнего времени их можно было с пользой для дела объединять в одну. И странно, что этого не было еще сделано. Во всяком случае, с точки зрения лубянского протокола. Владимир Владимирович иногда даже путался, в какую из них положить тот или иной документ.

Бумаг накопилось множество.

Дружба – не только общая судьба и общие чувства.

Это, как водится, и общее многолетнее досье в органах безопасности.

А если не повезет по большому счету, то и общая статья уголовного кодекса.

Неожиданные новости стали поступать в конце мая. И все – от каховских соседей художника. Это были письма. Растянутые, подробные, высокопарные, как будто их особо сознательные авторы предупреждали о неминуемой угрозе государственному строю. Хотя кто знает, может быть, они впрямь так мыслили. Все доносчики обычно отличаются гипертрофированным чутьем не только на идеологию, но и на быт, и на чужую личную жизнь. Доносчик – это же не просто призвание. Это целая подборка различных маний. От главной – мании собственного величия – до мании общественного приличия. При трезвости, одержимости и полной самоотдаче.

Талант доносчика – тоже дар Божий.

Если отбросить все шаблонные монологи о политике и морали, соседей особенно раздражали развязный смех по ночам и недвусмысленные скрипы кровати. Эта наглая, вызывающая ритмичность не давала бдительным стражам нравственности покоя. По всем подтверждениям речь шла именно о тех вечерах, когда там находился немец. (Что по датам полностью совпадало и с его отчетами.) Никого другого в квартире не было. Последнее замечание повторялось в письмах по много раз, для убедительности. Посланий на эту тему Владимир Владимирович насчитал четыре, два из которых были от жильцов с верхнего этажа. Видимо, те страдали по ночам сильнее остальных им больше остальных.

Владимир Владимирович налил себе рюмку коньяка из праздничного офицерского запаса.

И выпил залпом, как положено.

Без коньяка трудно было все это представить.

С коньком же картина становилась яснее.

Такого развития ситуации шеф никак не ожидал.

Похоже, каховские общественники, не дававшие до сих пор повода сомневаться в подлинности их информации, произвели на него впечатление.

Содержание исписанных страниц из школьной тетради не казалось пустым соседским бредом.

Но как на это реагировать?

Вот вопрос.

Да, было над чем поломать голову.

Владимир Владимирович вспомнил грустную историю Ральфа и Наташи.

И достал из папки их общую фотографию.

Спустя месяц знакомства.

На факультете.

«А они неплохо смотрелись...»

«Со стороны, во всяком случае...»

«Вот тебе и Ральф...»

«Вот тебе отличник...»

Теперь стало понятно, почему все так закончилось. И по-другому закончиться не могло.

В практике кадрового чекиста чего только странного не случалось.

Однако сейчас было важно эту странность правильно оценить.

Через два дня ему самому предстояло писать отчет.

И смотреть в глаза своему начальнику.

Как тут не разозлиться?

Ральф всем задал задачку.

Почесывать затылок было бесполезно.

Как и курить сигареты одну за другой.

Часы показывали пятый час утра.

Тяжелые шторы скрывали рассвет.

Вторая рюмка напросилась сама собой.

Да и третья не помешала.

За здоровье Ральфа.

Впрочем, и за здоровье художника тоже.

Уже третью ночь подряд неутомимый чекист Владимир Владимирович проводил в рабочем кабинете.

Служба.

Чем не отчий дом?

После Дня Победы существование московского немца наполнилась доселе неведомыми эмоциями.

Нет, той жизни, что была на виду, это не коснулось. И на возмущенном фронте все осталось по-прежнему. Несмотря на возмущенные письма трудящихся и серьезные сомнения руководства. Кардинальные видоизменения произошли вне университета, посольства и Лубянки. Пафос неожиданно перестал быть всем и вся. В мегаполисном воздухе запахло свежестью распутившихся деревьев и беспрецедентной до сих пор волей. По крайней мере, во внеурочные минуты. Весна вознесла Ральфа над пожирившей все вокруг суетой. Даже у привычного ежесдневного быта появились довольно непривычные, ни с чем не сравнимые, лирические оттенки. Запоздавшие нежности московской стихии всколыхнули не только душу с телом, но и богатую фантазию будущего историка. А его внутренний голос все чаще повторял один и тот же ответ на многие, зачастую самые противоречивые, непохожие вопросы: «Почему бы и нет...». Хотя вопросов с каждым солнечным полуднем становилось все больше. Ральф фактически поселился у художника на Каховке. И выбирался на проспект Вернадского лишь на один час по субботам, когда туда звонили родители. Даже сводки для Владимира Владимировича он «сочинял» без специального настроения, не напрягая бдительность, по-советски – прямо на кухне. Автоматически переключаясь с волны кулинарно-поэтической на волну сексотско-аналитическую. Огненные немец жил в двух мирах, и билось в его груди два сердца. И это ему совсем не мешало. Наоборот, он чувствовал себя счастливым. Разумеется, в разное время суток по-разному. Весна приглушила его правильность, комплексы и страхи. Весна позволила вкушать счастье во всей его полноте. Ни в общезитии, ни на факультете никто и не догадывался, что происходит с их товарищем. Но что-то происходило, и это бросалось в глаза. С родной группой он почти не общался. Активность на семинарах упала на порядок. А сразу после звонка последнего занятия немец в считанные мгновения забрасывал книги с тетрадками в свой черный «дипломат» и, вдохновенный свободой, без комментариев исчезал в неизвестном направлении. В общезитие, ясно, ночевать он не являлся. Среди любителей посплетничать прошел слух, будто у Ральфа есть девушка-москвичка, дочь известного профессора, на которой он собирается жениться. А кто-то якобы видел их гуляющими по Ленгорам. Звучало вполне правдоподобно. И, как ни странно, на руку немцу. Однако до будущего историка слух этот так ни разу и не дошел. Среди однокурсников у него не было друзей, кто бы мог поинтересоваться его личной жизнью напрямую. Близо он никого к себе не подпускал.

Так уж получилось, что Каховка стала для немца самой родной московской улицей.

А одна из ее безликих близнецов-двенадцатиэтажек – почти родным домом. Конечно, Германия, Ростоки, мама с папой оставались вершиной его привязанностей. И все же в какие-то моменты, особенно по ночам, он о них забывал. Растворяясь в объятиях на крохотной тахте. Ощущая себя с художником пришельцами из космоса. Подозреваемый и кумир теперь сливались для Ральфа в одно лицо. И Ральф был не в силах сопротивляться этим своим чувствам. Даже неравнодушные ко всему солдатско-военному превратилось для него в ненавязчивый, интимный каприз, которому он не придавал особого значения и о котором вслух никогда не говорил. Художник оказался во всех смыслах ближе и доступнее. Да и в military, при всегда короткой прическе, представить его было несложно. Весна – изобретательный конструктор человеческих привязанностей. Весна – всегда креатив. Партийная дисциплина по сравнению с весной – слишком прямолинейна, надуманна, бесплодна. По утрам, когда интеллигент и пособник размахивал метлой из сухих веток, немец в знак семейной солидарности тоже вставал вслед за ним и с воодушевлением занимался делами. В том числе и хозяйственными. У окна ему работалось с особым удовольствием.

Каховские дворы сияли чистотой.

Немецкая улыбка – лучами утреннего солнца.

В отличие от немецкого друга, художник к категории морально-устойчивых никогда не относился, поэтому все прошедшее воспринял спокойно и без надрыва. Мучил его лишь вопрос, как же плохо он себя знал до появления в его жизни Ральфа. Ребенок, жена, пусай и бывшая, с внешностью будто с обложки «Огонька» да и просто друзья-подружки – все куда-то улетучились. От прошлых любовных привязанностей и приключений осталось только туман. Немец выжил всех подчистую. Художник даже не заметил, как это произошло. Как не помнил, с чего в ту ночь все началось. Смесь шампанского, водки и узбекского портвейна оказалась сродни гипнозу. Да и в подсознание, хоть пьяное, хоть трезвое, попробуй-ка, залезь. Художнику казалось, что с немцем они близки не один год. И близость эта была родственной. А в перспективе выглядела прочной и долгой, несмотря на нравоучения, которые из репертуара Ральфа весна так и не вытравила. Художник постепенно привык к ним.

С диссидентствующими единомышленниками теперь он общался значительно реже. А в его творчестве наступил период почти реалистического расцвета.

Понятно, что тут не обошлось без Ральфа.

И его нравоучений.

Впрочем, без Ральфа в этом доме с некоторых пор не обходилось ничего.

Впервые со времен русой красавицы Наташи советско-гдээрсовская дружба вновь начала восхождение.

На Лубянке такую «тонкость» к сведению приняли, и, тщательно поразмыслив, превращать ее в грозную статью УК не стали. По большому счету, им было наплевать на чужую личную жизнь.

Из всех наплевателей советской госбезопасности это выглядело прямо-таки парадоксальным.

Либеральным и демократичным.

Достоинства Ральфа перевесили.

И потенциал гдэбэшных замыслов тоже.

Группа важных товарищей приняла решение.

Оба дела с грифом «секретно» были скоро объединены в одно общее.

Дружба – дружбой.

Если службе не помеха.

Весна старалась изо всех сил.

39

– Давно мы не сидели с тобой среди западных иностранцев... Посмотри на них: самодовольные, самовлюбленные, никого вокруг не замечают... Но в чем-то стоит брать с них пример... Есть в них эдакая внутренняя струнка... Они всегда над обстоятельствами... В отличие от нас... – Владимир Владимирович в свойственной ему манере едва заметно махнул рукой официанту, и через пару минут на столе появились бутылка красного сухого «Напарсули» и блюдо тарталеток с холодными закусками. – Наконец-то завтра можно без зарзрения совести хоть до вечера валяться в постели... А как у тебя дела, Ральф?.. Лето всю гуляет, а на твоём лице зима... Ну-ка, соверши маленькое чудо... Подтянись, улыбнись, оживи нам обстановку... Иначе твоё кислое настроение, не дай Бог, передастся и мне... Сейчас выпьем прохладного винца, заморим червячка грибочками, салатиками и тут же забудем обо всех наших проблемах... Мы ведь не хуже других... Сегодня не будем обсуждать ничего серьёзного, обещаю... Держу слово отдыхающего советского офицера... Один вечер обойдемся без врагов... Пускай и они расслабятся, дадим им передышку... Завтра у меня день рождения, между прочим... Да, настоящий, по паспорту... Есть повод закончить эту неделю на веселой ноте... Думаю, что ты не против... Летом так не хочется работать... Впрочем, сдавать экзамены с зачётами тоже не хочется, по собственному опыту знаю... Ладно, не будем философствовать... Это мы умеем... Не надо притворяться нытиками и слабаками... Начиная, Ральф, это тоже своего рода зачет, с тебя первый тост... Только не за меня... За меня все

тосты после ноля часов... Если к тому времени мы еще вспомним о дне рождения...

– ...

– Давай, Genosse, смелее, ты уже не ягенок... Второй курс московской жизни заканчиваешь... Пора разряд тебе присваивать и значок выдавать...

– ...

– Сколько тостов выучил за два года?.. Сам ведь мне жаловался, как много в компаниях пить приходится... Ну, чего молчишь?.. Все, решили... Ты полностью отвечаешь за сегодняшний вечер... Сейчас проверю на прочность... Будешь произносить тосты, пока хватит тебе фантазии... Не морщишь, а то я могу и власть применить... Ты знаешь мой характер... Уверен, что уже знаешь... Все историки – люди злопамятные... Хоть вы и пытаетесь это скрывать... По книжкам сужу... И по своим наблюдениям... Иначе какие тогда из вас историки?..

– ...

– Ты думаешь, что «Белград» случайно так популярен в Москве среди западных снобов... Здесь кухня лучше, чем в «Национале», «Интуристе» и «Украине»... Те дипломаты, кто сюда ходит, в еде соображают... Потому здесь никогда не бывает свободных мест... Но мы с тобой тоже не лыком шиты... И сами себе дипломаты... Сейчас мы наш аппетит чуть раззадорим, потом, через часок, поднимемся наверх, в ресторан... Там у нас столик рядом с карликовой пальмой заказан... С шампанским, копченным угрем и шоколадным десертом... Потом, после двенадцати, спустимся в подвал, в ночной бар... Сегодня пятница, по пятницам собирается вся элитная молодежь... Случайных гостей в этом баре не будет... А девушки – длинноногие, загорелые, утонченные – глаз не оторвать... На любой вкус... Уверен, что и для тебя красавица найдется... Крепись, программа предстоит на выносливость... Насколько наших сил хватит...

– Я так и знал, что будет какой-то сюрприз...

– В нашем деле это называется службой...

– ...

– Вспомни, как договаривались вначале?.. Встречаемся четыре раза в месяц: три – в понедельник на Держинке, один – в «Белграде»... Сколько раз мы виделись вне моего кабинета?.. Всего два... И оба прошлой осенью, в октябре и ноябре... В декабре – сессия... В январе – каникулы... И так далее... А ты обещал со мной дружить... Вспомни, вот за этим столом обещал... Тогда у тебя с друзьями туговато было... Так что у нас с тобой сегодня сюрприз плановый... А у тебя на вечер были какие-то свои соображения?..

Ральф настолько испугался подвоха, что моментально выпалил: «Нет-нет...» И сразу поднял полный бокал.

– Чтобы лето не кончалось!..

– О, Gott, ты еще и романтик...
– Москва меня таким сделала...
– Каким таким?..
– Романтиком...
– Похоже, похоже... Думаю, романтичнее Москвы нет города на свете... Когда вернешься в Германию, она будет тебе частично снится... Так что цени нашу ненаглядную, белокаменную, с рубиновыми звездами сейчас... Осталось тебе влюбиться здесь... Чтоб покончить с одиночеством и материализовать свой романтизм... Между прочим, почти каждый пятый иностранный студент уезжает из Союза с русской второй половиной... Такова статистика... Хотя мы ее не афишируем... Своей красавицей еще не обзавелся?.. Некоторые твои однокурсники уже жениться успели... А кое-кто даже детей успел родить...
– Пока некогда...
– Смотри, а то спохватишься к шапочному разбору... Блондинки у нас не залеживаются... Да и от брюнеток, в общем, не отказываются... Хочу посмотреть, как танцевать в баре сегодня будешь... Не забывай, ты ж иностранец... Покажи себя джентльменом...
– Мои родители поздно поженились... Наверное, и мне не следует торопиться...
– Не надо во всем копировать родителей... Знаешь, как часто взрослые жалеют о том, что они в жизни что-то не так сделали или, наоборот, чего-то не сделали... В мире все относительно... Они жили в одно время, ты в другое... У них были свои ошибки, у тебя свои... Молодой человек должен стараться превзойти предков... И родителей в том числе... Иначе он не сдвинется с начальной точки... Давай второй тост...
– За родителей и всех близких...
– Согласен... Но это будет последний тост с серьезным лицом... Давай что-нибудь из более легкого жанра... Не будем превращать вечер в панихиду...
– Хорошо, можно и такой вариант... – не задумываясь, выпалил Ральф. – Чтобы у нас все было, но нам за это ничего не было... – и сам же, хитровато сверкнув очками-глазками, рассмеялся.
– О!.. Ты даже такое усвоил... Тебе бы пора изучением русского застольного фольклора заняться... Мы богаты на золотые россыпи... Догадываюсь, сколько всего ты успел послушаться в разных компаниях...
– Это самый веселый тост, который я увезу с собой из Москвы... Немцы будут в восторге...
– Кстати, когда ты собираешься на каникулы домой?.. Сессия уже заканчивается...
– Сразу после практики, в конце июля...
– А куда на практику?..

– В Донецк...
– Один или с кем-то?..
– Из нашей группы на Украину больше никто не едет... Почти все выбрали Сибирь и Среднюю Азию... Кстати, художник вчера предложил поехать со мной... Чтобы мне скучно не было...
– Дружба – вещь тонкая... – Владимир Владимирович едва заметно улыбнулся.
– Я собирался об этом написать в следующем отчете... Если это нежелательно, конечно, тог... Тогда я придумаю причину...
– У него там друзья?..
– У него там бабушка...
– Ах, да, я забыл... Он же родом оттуда...
– И мне не придется жить в общежитии... Мы могли бы жить у нее, в двухкомнатной квартире... Он уже несколько раз разговаривал с ней по телефону... Она ждет нас... Я ее на фотографии видел... Милая интеллигентная женщина... Во время войны пережила оккупацию... Имела отношение к молодоговардейцам... Была самой настоящей подпольщицей... У нее дома даже фотографии тех времен сохранились, и она их пока никому не показывала... Как историку, как немцу, мне было бы это интересно...
– Да... Внуку с бабушкой повезло... А вот бабушке с внуком, к сожалению, не очень... – Владимир Владимирович красноречиво замолчал. – Две недели назад я получил информацию: из Нью-Йорка летит американец, который на обратном пути должен забрать несколько его картин... У них уже есть договоренность... Они встречались позавчера на углу улицы Горького и Большой Бронной, рядом с кафе «Лира»... При тебе он об этом ничего не говорил?..
– Нет... Точно нет...
– Ну, ладно, что я опять все о делах да о врагах... Я же обещал тебе... Давай следующий тост...

40

В подвальном баре было немногочисленно, а атмосфера не столь навязчива, как того боялся скромный гдээрвец. За большими круглыми столами мест было предостаточно. Народ подтягивался неспешно. Передвигаясь вразвалку, с легкой богемной лендой. В основном это были болгарские и югославские студенты. Причем если первые лезли вон из кожи, демонстрируя свое заграничное происхождение, то по лицам и жестам вторых это ощущалось само собой. Чего-чего, но ору на разных славянских наречьях было сверх всякой акустической нормы. Голосистая Донна Саммер из четырех немаленьких колонок с трудом с ним справлялась. Хотя в охотку выпивающий народ вряд ли обращал на нее внимание.

К ночи Владимиру Владимировичу таки удалось немца растормошить и даже поднять ему настроение. Чекист – он и на отдыхе не теряет квалификацию.

«Напареули» с шампанским подготовили благодатную почву для «Столичной» с апельсиновым соком.

Владимир Владимирович еще раз продемонстрировал свой талант психолога.

Насмотревшись на смазливую пижонскую публику и почувствовав себя естественным звеном в крепкой цепи иностранцев, Ральф окончательно разошелся. Он стал без подготовки выдавать очередные тосты, позволял себе не совсем осмысленные шутки и даже смеялся иногда громко и в удовольствие. Прямо как дома, на Каховке.

Дуэт двух дзержинцев состоялся.

Несмотря на разницу в возрасте, они казались довольно близкими людьми, открытыми и отменно понимающими друг друга.

Одним словом, друзья.

В отпуске.

Или коллеги.

На работе.

Шефа все происходившее радовало. Ральф постепенно приобщался к столь необходимому по гэбшному расчету кондиции, и добрый Владимир Владимирович не скупился на комплименты немцу.

«Вот таким ты мне нравишься гораздо больше... Глаза ожили, по щекам разлился румянец... В таком состоянии ты напоминаешь мне мои студенческие годы... Если бы ты знал, какой я заводной был... И сколько мне доставалось от родителей... Когда приятели отлавливали меня вечером в пятницу, то до понедельника не отпустили... Счастливец тех дней и ночей у меня не было и, наверное, не будет... Я до сих пор часто вспоминаю то время и ту дружбу... Нет, у юности нет альтернативы... Ее просто не с чем сравнить... Умение быть несерьезным – тоже искусство... Особенно для таких серьезных, как ты... Кстати, а почему бы тебе сейчас не пригласить сюда художника?..»

В глазах Ральфа сверкнула молния.

Он даже замер со стаканом в руках.

Будто водку с соком ему за шиворот вылили.

«Пусть придет... Что здесь такого?... Я переберусь за другой столик... Мешать не буду... Поболтаете о своем, проведете нормальный вечер... Меня в лицо он не знает... Да и я его только по фотографиям... Вы же с ним почти никуда не ходите... Я тебе говорил, бери почаще инициативу на себя... Твоя работа – это редкое сочетание личного со служебным... Короче, делай так, как я тебе сейчас скажу... Поднимаешься в фойе, справа от лифтов будет телефон-автомат... Не тяни время,

допивай своего «молотова» и беги звонить... Считай, что это мой приказ... На тебе двушку... Привыкай к полноценному московскому ритму... Ты должен успевать все... И то, что не успевают остальные, понимаешь?... Поверь мне, жизнь не настолько бессмысленна, какой иногда кажется со стороны... Скажи художнику, чтобы он поторопился и взял машину... Вы же по пятницам встречаетесь... Чего сидеть ему одному дома и скучать?... Потом вместе назад поедете... К друзьям надо относиться бережно... А я отойду со своими ребятами, но когда вернусь, не знаю... Да и зачем вам я?... Могу только помешать... Все, именно так и сделаем... Про меня можно забыть... Считай, что меня тут не было... Гуляйте от души и «командировочных» не жалей... Хотя швейцару денег не давай, не надо его баловать... Скажешь: «Мы в «подвал», к Володе...» Он сразу все поймет...»

Вернулся Ральф минут через тридцать с улыбающимся художником.

Предчувствия немца не мучили.

Он витал гораздо выше.

Он был во власти чувств.

На месте исчезнувшего шефа расположилась премилая пара советских ребят: взрослый, с комсомольским лицом, парень лет под тридцать в модном, но не по сезону теплом костюме и совсем еще юная девушка.

За время отсутствия историка-дзержинца дыма в баре стало еще больше.

Веселья – тоже.

Донну Саммер сменил Род Стюарт.

А уже напившиеся югославы пытались хрипловатому Стюарту подпевать.

Ни Ральфа, ни художника соседи по столу совсем не заинтересовали. Каждая из пар развлекалась сама по себе. Но в какой-то момент застольный контакт неумышленно все же произошел. В такой обстановке он просто не мог не произойти. Ну а дальше, как бывает, слово за слово, тост за тост, от общих тем к общим интересам и общим знакомым. Обмен телефонами, адресами и обещаниями встретиться. Незамедлительно подтвердилась аксиома: не столько мир тесен, сколько круг узок. Тем более если этот круг заранее очерчен красным гэбшным карандашом. Ральф не только забыл о своем шефе и его наступившем дне рождения, но и потерял всякую осторожность. Он едва успевал бегать к стойке за очередными порциями холодной «Столичной» с апельсиновым соком. Пожалуй, впервые так получилось, что немец был порядочно выпившим, тогда как художник лишь принялся за дело. Наверстывать пришлось быстрыми темпами. Соседи, правда, больше улыбались, нежели пили. А немец хоть и перешел на символические глотки, но их все равно набралось немало.

Владимир Владимирович, подыскав новую компанию в дальнем углу бара, периодически бросал взгляд в сторону своего прежнего стола.

И через какое-то время, как обещал, вообще исчез.

К часу ночи подвал набился битком.

Болгар с югославами стало еще больше.

Кого-то из них потянуло на родные песни.

Кого-то – на родные танцы.

Появилось несколько типично западных физиономий.

Непонятных русских вокруг тоже хватало.

Профессиональные валютчики от гэбэшников внешне мало чем отличались.

Так же как проститутки внешне мало чем отличались от порядочных советских девушек.

Ральф уже забыл, почему он оказался в «Белграде».

Давно потеряв шефа из виду.

И даже не искал его глазами.

Зачем?

А шеф тем временем действительно отмечал свой день рождения, самый настоящий, по паспорту.

Наверху, в ресторане, за тем же столиком, за которым еще несколько часов назад он ужинал с Ральфом. Однако на сей раз в компании отдежуривших сослуживцев.

Мавр свое дело сделал.

Причем план его сработал на 100%.

Немец уже ничего не соображал.

Наслаждаясь подаренной ему свободой и счастьем.

И был вдрызг пьян.

Когда на следующий день Ральф уезжал в общежитие, чтобы поговорить с родителями, художник протянул ему большой конверт. Но попросил до отъезда в Германию не открывать.

«ЛИЧНО ТЕБЕ ЛИЧНО ОТ МЕНЯ»

Других надписей на конверте не было.

Ральф спрятал конверт под рубашку.

Чтобы не привлекать соседское внимание.

Однако эта предосторожность значения уже не имела.

Как не имели значения весна, счастье и все остальное.

Было поздно.

Из окна художник смотрел Ральфу вслед, пока тот не сел в троллейбус.

Но немец не обернулся.

Через пару минут к дому художника подъехала черная с затемненными стеклами «Волга».

Спустившийся со второго этажа участковый позвонил в дверь.

Разве мог немец предположить, что после всего он еще долго ничего не узнает о своем друге?

А разве могло быть иначе?

Оправдание – ошибка магическая.

41

Гэдэровская родина щедро встретила своего будущего историка – свежим морским бризом, солнцем и вязкими родительскими поцелуями.

Да здравствуют каникулы!

Да здравствует месяц безделья!

Два года учебы и практика позади.

И всего лишь три вперед.

Ростокский дом ожил.

Дом наполнился светом.

Особенно кухня.

Крохотные семь квадратных метров предстали во всем неприхотливом уюте. Полевые цветы в стакане, забавные аппликации на занавесках и полотенцах, радиоприемник на волне популярных немецких шлягеров вперемешку с не очень горячими новостями. Уже ровно год в доме не было подобного переполюха. И вот она – долгожданная радость. Накрасив губы по случаю приезда сына, мать уселась в новом бордовом, цвета помады, фартуке. Гладковыбритый отец надел светлую накрахмаленную рубашку и с умным видом степенно расхаживал по диагонали квартиры, давая жене полезные советы.

У сына тоже не получалось сидеть на одном месте. Он то выглядывал в открытое окно, за которым, оказывается, ничего не изменилось, то заглядывался на себя в зеркало, прилизывая свой взерошенный чубчик.

Правда, по-настоящему зрелость Ральфа проявлялась в минуты, когда он начинал дельно рассуждать о политике. В последнее время это стало его любимым занятием. Сразу чувствовалось, что смысленный юноша был в курсе всего происходящего на планете. Ральфа волновали и события в революционной Никарагуа, и душманское сопротивление в Афганистане, и холодная война с мощной ядерной гонкой вооружений, и даже растущая безработица на соседском немецком западе.

Будущий историк, а в перспективе политик, созрел для собственных предсказаний-версий-прогнозов, научившись добывать информацию из скудных газетных строк. Все-таки не зря он провел два года на Ленгорах и больше года на Лубянке. Так что его компетентность и накопленный опыт, его политграмотность и политинтуиция в глазах родителей не вызвали сомнения.

Они слушали сына.

Не перебивая.

Как слушают партийного лектора в актовом зале.

Они доверяли сыну и его оценкам.

«Ничего, что еще не муж, однако уже и не ребенок», – вздохнув, заметила про себя мать.

«Да, боевого парня мы вырастили», – мелькнула мысль в голове отца.

Ральф говорил убедительно и размеренно, но не боялся перескакивать с одной темы на другую. Он хотел охватить весь мир и все его проблемы сразу.

По ходу помогая матери накрывать праздничный стол.

После дороги он проголодался.

Конечно, блеклая жареная селедка и не менее блеклый салат «Картофельный» уступали «Северюге по-московски» и салату «Столичному». А бутылка вина местного розлива не обещала утонченного вкуса советского шампанского. И все же ростокское семейное торжество осталось для сына неповторимым событием.

Мама.

Папа.

Партия.

Родина.

Все было в этом четверостишии.

Ральф преображался.

Превращаясь в истинного патриота.

И примерного семьянина.

Эти два понятия были в его мозгу неразделимы.

Большую часть своих гэбэшных секретов сын поведал маме с папой в первый же вечер.

Надо же было поделиться личными успехами.

Надо было и отчитаться.

Никогда еще в домашней обстановке Ральф не излучал столько важности.

Не был настолько твердым и категоричным.

Он выверял каждый взгляд.

Взвешивал каждое слово.

А сочетание «Владимир Владимирович» выговаривал с особой фонетической тщательностью.

Разговор полупшепотом.

При выключенном телефоне.

И накрытой материнской шалью настольной лампе.

Конспирация – она и в Ростке конспирация. Штази ни в чем не уступала советским братьям-коллегам в слежке за своими. Родители все это знали и слушали сына с такой тревогой, словно жизни того угрожала страшная опасность. Гордость, конечно, в их душах присутствовала, но на лицах она была едва заметна, утопая в полумраке. Сейчас на первый план выходили вещи более значимые. Сейчас речь шла о категориях государственного масштаба. А может, и мирового.

Совсем перед сном Ральф решил еще раз прогуляться по квартире. За время его отсутствия все в ней осталось на прежних местах. Никаких особых приобретений. Никаких видимых

перестановок. И это ощущение старомодности не раздражало. В Москве он тосковал по этой чуть наивной обстановке. Здесь не надо было ни за кем следить. Здесь не надо было ни от кого прятаться. Здесь все было связано с его беззаботным детством.

Если не считать фотографий из Москвы, появившихся на стене над письменным столом.

Ральф подошел ближе.

Чтобы взглянуть на них своим ростокским взглядом.

И на несколько секунд выключился из реальности.

Виды русской зимы тут же вернули его на Каховку.

И ко всему, что было с ней связано.

Ральф задумался.

«Россия и Германия – две разные планеты».

Разные, но обе достойные его любви.

Потом Ральф достал из чемодана привезенный втайне от Владимира Владимировича конверт, открытый еще по дороге в поезд.

И прикрепил рядом с фотографиями еще один – самый главный свой портрет.

Работы друга.

Мама с папой были в восторге от чернильной графики.

И долго расспрашивали об авторе.

Сын рассказывал с вдохновением.

Забыв об усталости.

Но в какой-то момент он осекся.

Чтоб не наговорить лишнего.

Ральф опять задумался.

И родители не стали его отвлекать.

Оказывается, художник умел не только каракули на холсте мазать. Это стало подлинным откровением. Куда пропал странный русский, немец, разумеется, догадывался. Но себе лично признаваться боялся. Все произошедшее месяц назад настолько его напугало, что от некогда почти родственных чувств осталась одна непреходящая жалость.

Тайная.

Горькая.

Которая проявлялась обычно ночью, в темноте, когда голова уже покоилась на подушке.

И которая иногда доводила до слез.

Часть 2
DRANG NACH WESTEN

Если воспринимать Историю буквально, как безбрежную вселенную человеческих историй, тогда, наверное, и сама профессия историка покажется во сто крат достойнее, благороднее и деликатнее.

Измена как высшая форма прозрения.

Прозрение как высшая форма измены.

1

Стена.
Пала.
В одночасье.
В прямом эфире.
Под дулами телекамер.
И молчавших на виду у всего мира «калашниковых».
Холодная война досрочно определила победителя.
К удивлению самих же победителей.
И на правах прокурора загнала в угол побежденных.
Москва, чуть потрепыхавшись, сдалась.
Бульдозерам был дан зеленый свет.
Бульдозеристам – чужие флаги в руки.
Архитектурный символ новейшей Европы рухнул.
Оставив после себя имена перебежчиков-неудачников на отполированной каменной глыбе.
Да пыль с осколками на сувениры.
Время понеслось исправлять свои ошибки.
Скальпелем по живому.
И заодно совершать ошибки новые.
Не думая ни о клятве Гипократа.
Ни о последствиях.
Время заторопилось.
Пока Москва вдруг не созрела.
Не протрезвела.
И не зависла над самой опасной из всех в мире кнопок.
Но...
Расчет психологов подтвердился.
Надежды Голливуда оправдались.
Горби струсил.
Выдав трусость за разум.
А отсутствие воли – за политкорректность.

Рукопожатиям бывших врагов не было конца.

При этом лица побежденных сняли даже ярче лиц победителей.

Так Западному Берлину выносили приговор.

И в конце концов вынесли.

Европа неожиданно лишилась центра тяжести.

А вместе с ним – самой эрогенной своей зоны.

Будто ее никогда и не было.

Шедевр умер.

Шедевра не стало.

Ни на карте.

Ни в мыслях.

Ни наяву.

Оssi восторженными толпами рванули через заветный периметр и за считанные минуты превратили изысканный постмодернистский город в суперплацдарм национального единства. В большой базар. В большой вокзал. В большой бордель. Оssi любили все большое. И такая коллективная любовь была прямо пропорциональна их ненасытному воображению. Они хотели все и сразу. Они заглядывали в каждую витрину и на глаз примеряли все на себя. Они торопились выгоднее потратить подпольно накопленные мелкими купюрами западные марки, подолгу не выходя из дешевых ресторанов и заваленных бараклом секондхэндов. А по вечерам, уставшие от свалившейся с неба фортуны, вседозволенности и обострившихся собственных капризов, осси тащили домой переполненные полиэтиленовые сумки «стратегических» покупок и довесков-подарков от добрых на залежавшиеся товары продавцов. Сплоченные, они все выглядели одновременно возбужденными и растерянными. Вмиг разбогатевшими и осознавшими прошлую бедность. Счастливыми (в глазах своих) и трагикомичными (в глазах западных земляков). Сами они этого не понимали. Так как мечтали во что бы то ни стало избавиться от надоевшего «восточного» клейма и стать полноценными весси. Однако чем активнее они мечтали, тем меньше у них оставалось шансов почувствовать аромат и шарм открывшегося перед ними неповторимого доброкачественного мира. Мира, так случилось, однажды оторвавшегося от мира остального. И пустившегося в открытую межвременную кругосветку. Но кому нужна была вся эта виртуальная утонченность? Оssi были гораздо прозаичнее. Они видели в Западном Берлине зажиточный Запад. И этого им было более чем достаточно. Банальное «хлеба и зрелищ» взяло верх за категоричным преимуществом. Чужое пиво казалось вкуснее и пеннее. Чужие трамваи – стремительнее и проворнее. Чужая жизнь – не только разнообразнее, но и сексуальнее. Всего за одну ночь свобода стала выгодным платежным средством во всем. От мелкорозничной торговли до

оптовой политики высшего пилотажа. У попкорна и поспешно подписанных исторических деклараций отныне была единая цена. Все подчинялось ISO. Все превращалось в гипермаркет. Кому-то удавалось удачно продать компромат на прошлое, кому-то задешево вновь приобрести девственность, а вместе с ней и сытое будущее. Свобода все слепо поощряла и все оправдывала. Свобода заставляла жить по новым, ею же придуманным правилам. Свобода с лихвой зарабатывала себе на вечный памятник. Она не допускала ни сомнений, ни подозрений, ни инакомыслия. Ну разве революционной массе могло прийти в голову, что, разрушая Стену, осси тем самым разрушают не только Восток, но и Запад? Ибо они с воодушевлением ненавидели обоих адовых монстров цивилизации. Первого – за все посредственное и тусклое, что ежедневно мелькало перед их носом. Второго – за все яркое, модное, блестящее, что они созерцали по вечерам лишь на вражеском TV и что им, уввы, не принадлежало. Теперь наконец-то к ним пришла свобода в полной своей красе. А вместе с ней и надежда на обладание всем ярким, модным, блестящим. Теперь слово «вражеское» их больше не пугало. Потому что «вражеским» вокруг становилось все. Даже они сами.

Ральф сразу полюбил Берлин.

Который легко заменил ему Москву.

У этих городов оказалось немало общего.

И прогулки бывшего москвича и нынешнего берлинца это подтверждали.

О Ростке он и думать не хотел.

В провинции ему было не развернуться.

Столица давно стала его призванием.

Не было в Германии ни одного города, который мог бы заменить ему Берлин.

Потому что ни в одном немецком городе не было так много и от Запада, и от Востока одновременно.

Здесь даже у истории вырисовывались два лика.

Раньше от Бранденбургских ворот начиналась Стена.

Теперь у знаменитых ворот этой Стены торговали.

По 10 евро за миниатюрный целлофановый пакетик.

Скупые могли поторговаться.

И продавцы быстро сдавались.

Рядом на импровизированном прилавке лежало все, что напоминало о бесславно-славном гэдэровском прошлом.

Недостатка в покупателях никогда не было.

То ли настоящее приелось.

То ли от побед скукой повеяло.

Парадокс?

Нет.

Просто причина поменялась местом со следствием.

Во всяком случае, на одной отдельно взятой площади.

В центре одной отдельно взятой столицы.

2

Ральф сидел у открытого окна.

Гольф.

Небритый.

На кухне своей берлинской квартиры.

На пятом этаже.

В Пренцлауэрберге.

Ральф сидел, любуясь сверкающими мокрыми крышами соседних домов.

Только что закончился дождь.

Выглянуло июньское солнце.

И вид из окна не мог не ласкать взгляд.

Свобода.

Полная внутренняя свобода.

О которой когда-то нельзя было и мечтать.

Талантливый историк, он же – неудавшийся политик, он же – счастливый обладатель пособия по безработице, никуда не торопился. Серьезные дела не обременяли, а о несерьезных можно было забыть. Поэтому скромный обед в одиночестве затянулся до заката и незаметно перешел в ужин. Бутылка недорогого итальянского вина и половинка расплавленной в микроволновке арктически замороженной пиццы постоянно присутствовали в его пятничном меню. С пищей не надо было возиться. А полюбившееся красное сухое в сочетании с несколькими сигаретами придавали уверенности в собственных силах и слабостях.

Перед походом в ночной клуб.

За весельем.

И приключениями.

Пятница стала для Ральфа его самым востребованным и самым желанным днем.

Ральфу нравилось, когда по пятницам, ближе к вечеру, немецкий обыватель менялся до неузнаваемости.

Независимо от происхождения.

Независимо от успехов прожитой недели.

Будничная озабоченность и профессиональные штампы брали тайм-аут, уступая место легкомыслию, перверсиям и милым душе и телу капризам.

Германия на выходные не делилась на осси и весси.

Без стеснения снимая с себя все одежды, она делилась исключительно на активных и пассивных.

Все остальное и тех, и других одинаково не волновало.

Вот когда бундесланд становился единым и могучим.

Включая большинство из семнадцати миллионов переродившихся граждан.

Ральф был одним из них.

Одним из бывших.

Одним из настоящих.

Увы, мечты мамы с папой не сбылись.

Сказка подвела своих сочинителей.

Ростокский пузырь лопнул.

И было не важно, по чьей вине.

Надежды дзержинца-эфдзётовца исчезли с горизонта по причине исчезновения самого горизонта. Больше года стажировки в вождельском МИДе не успели ему принести результатов. Ну а потом ни от рядового чиновника Ральфа, ни от доживавших свой карьерный век его начальников ничего не зависело.

Московская перестроечная оттепель с эпидемической скоростью разливалась по растерянной Европе.

Превращаясь в материковый потоп. Ввергая в пучину небытия не только отдельных секретарей, председателей и президентов, но и целые государства. Правда, незадолго до потопа краснодипломник истфака МГУ все-таки успел защитить свое «кандидатское» творение и с тех пор стал по немецким стандартам именоваться доктором. Новое звание грело душу извечному отличнику Ральфу. Однако на том перечень его достижений обрывался. И даже успешный выход из родной СЕИГ сразу после защиты не помог.

Подвело время.

Подвели приливы и отливы.

Подвели Рейган с Горби и Колем.

Подвела Стена.

Подвела толпа.

Подвели бестолковые кремлевские путчисты.

Подвели ставшие за бутылку спиртного демократами «прозревшие» советские коммунисты.

Подвели немцы.

Подвели русские.

Подвели чехи, венгры, болгары.

Подвели мстительные поляки.

Подвели кровожадные румыны.

Подвели все.

И бывшие враги, и бывшие кумиры.

Ральф тоже себя подвел. Он больше не интересовался войнами и пролетарскими революциями. Отныне он был равнодушен ко всему, что происходило в чужих странах. Ральф выпал из мирового исторического процесса. Даже за своей объединенной Родиной он наблюдал без ажиотажа. Политика перестала быть для него потребностью. И он с тихим презрением относился ко всем, кто был с ней связан. И к правительству, и к партиям, и к журналистам.

С доверием в новой Германии было, правда, сложно. Как бывший гэдзэровец мог доверять тем, кто лишил его светлого будущего?

Да и светлого прошлого заодно.

Пламенный гэдэровец больше не относил себя к самой прогрессивной половине человечества. Хотя к остальной ее части он тоже не проявлял интереса.

Ральф к массам поостыл.

Ральф на человечество был обижен.

И не мог простить ему своего поражения.

Тем не менее сдаваться молодой доктор не собирался. Он только делал вид, что смирился с неизбежностью. На самом деле он продолжал бороться. За свое местечко под немецким солнцем. За свое участие в параде под немецким флагом. И не важно, в каком качестве. Старые принципы постепенно отмирали, а в иных не было необходимости. По совету загоревших мамы с папой он даже готов был перестроиться. Почему бы и нет? В конце концов, вокруг все оси спешно перестраивались. Никто зря времени не терял. Однако как это сделать бывшему штазисту? А вдруг станет известно о его гэбэшных подвигах? Может, пойти «куда надо» и самому все рассказать? Вдруг простят? Или же злополучный гэбэшный опыт кому-нибудь пригодится? Безусловно, дорогие мама с папой плохого не посоветуют. Но одного родительского благословения было маловато. Надо было найти чистокровного, заслуженного весси, кто поручился бы перед новыми властями за «искренне» раскаявшегося доктора.

Протекция – священная корова при любом строе и при любом режиме.

Сделав глоток вина, Ральф закурил сигарету.

Разве мог он раньше позволить себе столько времени проводить без серьезных дел? В последнее время подобное случалось с ним нередко. Менялись не только приоритеты. Менялись и представления о серьезности. За бутылочкой сухого он и не заметил, как наступил вечер. Хотя крыши соседних домов уже давно погрузились в темноту. Ральф не спешил включать свет.

Берлин уходил в подполье.

Берлин прятался от взглядов посторонних.

Привезенные из Москвы часы с кукушкой открывали одиннадцать раз, напомнив о походе в клуб.

23.00 – сбор товарищей.

«Не опоздать бы...»

Перепроверив еще раз ход стрелок по часам наручным и пересчитав деньги в портмоне, счастливый обладатель пособия по безработице с забытым русским размахом допил последний бокал.

Достал из гардероба черные кожаные штаны и черную кожаную куртку.

Высокие кожаные ботинки и шестиугольный кожаный картуз довершили комплект.

Ночь звала.

Ночь манила.

Раскрывая свои кожаные объятия.

Перед выходом Ральф остановился перед зеркалом.

Покрутился влево, вправо.

Надушился одеколоном.

Поправил очки.

Надушился еще раз.

И, несмотря на уже недельную небритость, нашел себя соблазнительным.

После чего не без страсти хлопнул ладонью по гладко обтянутым ягодицам.

Градус настроения резко подскочил вверх.

Человеку всегда приятно, когда он себе нравится.

Значит, есть шанс понравиться другим.

У ночи вырисовывалась перспектива.

Воображение рисовало целую вереницу интриг.

И у каждой была своя изюминка.

Да, было к чему стремиться.

При этом не к чему было придраться.

Ральф скорчил шутовскую гримасу.

Какие позволял себе в детстве.

И сам же в ответ этой гримасе улыбнулся.

Именно этой улыбкой он поприветствует через полчаса своих друзей.

Пора было ехать.

На Виттенбергплатц.

3

С Владимиром Владимировичем и людьми с Лубянки повзрослевший держинец не встречался уже очень давно. Русские неожиданно все исчезли. Без предупреждений и объяснений. Ральф списал все это на перестройку и развал Союза. Сначала он волновался, не спал ночами, перебирая в голове всевозможные варианты и последствия, а спустя несколько месяцев смирился. «Оно, наверное, к лучшему». Появлялась надежда, что его лубянская жизнь постепенно уйдет в небытие. К тому же немец старался вспоминать о своих московских университетах как можно реже. Чтобы не бердить душу былой личной востребованностью, это с одной стороны. С другой, чтобы не мучиться различными постсоветскими страхами.

Однако КГБ не та служба, которая исчезает из жизни сексота по первому сексотовскому требованию.

У *perpetuum mobile* нет обратного хода.

Perpetuum mobile – только вперед и навсегда.

Причем в отличие от сопливых историков, пророков и аналитиков, КГБ на собственных ошибках и поражениях учится.

Демонстрируя поразительную изворотливость и выживаемость. Так что хоронить лубянского монстра, как помпезно хоронили серпачо-молоткастый Союз, было бы преждевременно. Пугливый Запад от переизбытка чувств слегка погорячился. На радостях захлебнувшись своими же иллюзиями и шампанским. Гэдэровец, будучи до мозга костей держинцем, это осознавал. Да и опыт, которым он еще совсем недавно гордился, подсказывал. Так что вряд ли стоило удивляться, когда однажды его разбудил ранний телефонный звонок.

– Привет, Genosse!.. Как дела?.. Как Берлин?..

– ...

– Надюсь, ты меня узнал?..

– Конечно, узнал... У меня все нормально... А как там Москва?..

– Я не в Москве... На сей раз чуть ближе, в Дрездене... Знакомлюсь с достопримечательностями... Вроде бы уже обехал всю Германию, а очень многого, оказывается, еще не видел...

Чем занимался Владимир Владимирович в богатой на достопримечательности Германии, Ральф, не напрягаясь, догадывался. И вряд ли он мог заниматься чем-то другим. Кадровый офицер КГБ говорил самоуверенно, на едином дыхании, без лишних слов и эмоций. Без присущих ему тактических вступлений. При этом голос его казался даже тверже, нежели он обычно звучал в ральфовской памяти. «Такого не перестроить...» Что одновременно радовало и огорчало. Какие бы события ни происходили за последнее время в бывшем СССР и вокруг него, на авторитет шефа в глазах держинца они не влияли. Владимир Владимирович всегда вызывал у Ральфа уважение. Даже несмотря на то, что после отъезда Ральфа из Москвы они виделись редко. Даже статьи в германских газетах о злодеяниях КГБ этого отношения не задевали. Ральф с детства преклонялся перед большевистской силой. И ни в коем случае своей слабости не изменял. Хотя жизнь под общей крышей с недавними идейными недругами требовала от марксиста-ленинца не только покаяния, но и отказа от старых привычек и вкусов. Наступала эра новой силы и новых подчинений. Наступала эра новых образов. С этими «новшествами» нельзя было не считаться. И все-таки Ральф не сдавал себя подчистую. Не зря объединенная Родина подозревала восточных сыновей в неискренности и не торопилась их прощать. Прощение надо было еще заслужить. Но тайные интимные слабости обладают особым иммунитетом. К истории и географии, в том числе.

– ...

– Чего замолчал?..

– Я спал...

– Спал?.. На тебя не похоже... Посмотри на часы... Все чиновники в это время уже давно по офисам сидят... А ты бездельничаешь... В Москве, между прочим, у тебя был порядок с дисциплиной... Нельзя выбиваться из режима... Помнишь, какой сегодня день?..

Немец не сразу сообразил, что имел в виду шеф. То ли отвык от московского бытия и русской манеры общаться, то ли подумал, что в этом странном вопросе скрывается информация.

– Какой?

– Понедельник...

– Ах да, понедельник...

Видимо, Владимир Владимирович ожидал от Ральфа более радостной реакции. И ему не понравилась вялость бывшего подопечного.

– Именно, понедельник... Есть дни, которые из памяти выбрасывать не стоит...

– ...

– Ладно... Я звоню по другому поводу... Нам нужно поговорить...

– Я не смогу приехать в Дрезден... Ко мне родители завтра приезжают...

– Нет проблем... Ты же знаешь мою мобильность... А ваши расстования – не наши... К вечеру я буду в Берлине... Можно вместе поужинать... И желательно на востоке... Как ты на этомотришь?..

– Хорошо... Где?..

– В пяти минутах ходьбы от твоего дома... В ресторане «Пастернак» бывал?..

Владимир Владимирович давал понять, что он в курсе событий, происходящих в жизни Ральфа. Что он все еще человек с Лубянки, которому известно очень многое. И это производило впечатление. Последнее время Ральф начал потихоньку пренебрегать своим советским прошлым. Но кто сказал, что это прошлое безвозвратно исчезло? Стена оказалась не более чем символом. Гэбэшный дух, он и в огне не горит, и в воде не тонет. А природные катаклизмы, такие как PERESTROIKA, его лишь закаляют. До еще не совсем проснувшегося немца не сразу дошло, что в нынешнюю квартиру в Пренцлауэрберге он перебрался всего полтора месяца назад. И никому, кроме родителей, ни адреса, ни номера телефона не давал. «Толку, что Советский Союз развалился... По сути ничего не изменилось...» Ральф хмыкнул себе под нос. Немного народу осознавало, что толку от развала действительно было мало. На 1/6 части суши все осталось по-прежнему. И хозяин остался прежний. КГБ не знает усталости. КГБ не знает границ. KGB – FOREVER & UEBER ALLES. Запад так и не понял, что Советский Союз – понятие не столько географическое, сколько неистребимо-биологическое.

Немца бросило в легкий жар.
– «Пастернак»... Да, это рядом... В двух кварталах...
– Тогда в восемь?..
– В восемь...
– Давай... Спи дальше...
Ральф вздохнул.
Владимир Владимирович положил трубку первым.
Короткие гудки резанули слух.
Была в них не только тревога.
Они напоминали обрывки автомобильной сирены.
Будто кто-то пытался разбудить водителя, заснувшего в пробке за рулем.
Неожиданно дало о себе знать горьковатое похмелье минувшего уикенда.
Стакан газировки оказался кстати.
Помогло.
И слегка успокоило.
Отдаленно напомнив вкус грузинской «Боржоми».
С закрытыми глазами немец пролежал бы еще долго.
Но кукушка в очередной раз напомнила о реальности.
Она никогда не ошибалась.
Чем иногда раздражала.
Ральф давно не просыпался так рано.
Что мог означать сегодняшний звонок?
То ли прошлое возвращалось.
То ли будущее наступало.
Вот только оптимизма от этого не прибавлялось.
Ральф лениво потянулся.
Икеевская кровать скрипнула.
«Как же грустно спать одному...»
В комнате вдруг стало не по-утреннему жарко.
«Может быть, правда, через пятьдесят лет в Берлине будут пальмы расти?»

Ральф настежь открыл окно, и ворвавшийся городской шум безжалостно добил его сон.
Кукушка опять крикнула.
Ральф окончательно проснулся.

4

– Пастернака читал?
– Нет, не читал... Раньше было нельзя, а сейчас меня он мало интересует... Я уже забыл, когда русскую книгу в руках держал...
– Не надо так пессимистично... Это временно...
– Может быть... Я не зарекаюсь... Может быть, когда-то я вновь увлекусь всем русским, как в школе... Может быть, я и до Пастернака однажды доберусь... Если чаще сюда приходиться буду... В этом ресторане, кстати, всегда полно народу... И в

основном молодежь ... Несмотря на мрачную обстановку и очень специфическое музыкальное ретро... Немцев тянет ко всякого рода темным символам... Это у нас в крови... Вот почему и все советское сейчас в Германии модно... Начиная от серпа с молотом, осетровой икры, водки и заканчивая бывшими диссидентами... С их мужеством и лагерным творчеством... Буквально на всех телеканалах... Кому же не хочется прикоснуться к эпохе в ранге победителя?.. И совсем не важно, говорят в студии о шах или об «Одном дне Ивана Денисовича»... Немецкий обыватель у экрана верит всему без разбору... Детали – не для него... Считаю своим христианским долгом поплакать на чужих развалинах...

– Я обратил на это внимание... Многие немцы, с кем приходится разговаривать, мне сочувствуют... А бывает, даже чуть ли не слезы льют... Причем жалеют не столько меня лично, сколько страну в целом... Западные – тоже... Вот тебе и парадокс... Похоже, теперь им скучно без нашей империи...

– Теперь все, кто ненавидел Союз, резко полюбили то, что от него осталось... А те, кто хоть раз бывал в СССР или прочитал пару запрещенных книг, открыто называют себя экспертами по перестройке... Хотя до сих пор Грузию от Узбекистана не отличают... Да и зачем им это надо... Они в лучшем случае повторяют то, что уже слышали по другим телевизионным каналам...

– Бог с ней, с политикой... И заодно с запутавшейся в себе историей... Все равно мы ничего сейчас не изменим... Давай лучше поговорим о чем-нибудь более полезном... Между прочим, мне в этом полумраке нравится... Такая таинственная, почти подпольная атмосфера... Чувствуется, что я в Берлине... Все напоминает советские послевоенные фильмы... Даже Виноградов с Козиным в эту обстановку вписываются... Неожиданное сочетание, не правда ли?.. Удивительно, но немцам такая музыка правда нравится... Несмотря на то, что ни слов не понимают, ни о судьбе самих певцов ничего не знают... Вот тебе и русско-немецкая непохожесть...

– Мне она тоже нравится... У меня дома есть пластинка Виноградова...

– А знаешь, почему я бефстроганов с гречкой заказал?.. Это любимое блюдо Пастернака... Мне один писатель в Москве рассказывал... И хозяин здесь наверняка об этом слышал... Иначе откуда оно взялось бы в главном меню... Ты же знаешь, как у вас относятся к гречке... И к прочим кашам...

– А я гречку люблю... С общежитиевских времен... В нашей эмгзушной столовой она всегда была... В разных комбинациях... С мясом, рыбой, горячим молоком... Так что я с удовольствием и гречку поем, и родные Ленгоры вспомню...

– Ты что, уже все забыл?..

– Нет... И вряд ли это возможно... Просто в последнее время столько проблем, что не успеваю опомниться... Для сентиментальности нужно стечение обстоятельств... И подходящее настроение...

– А с работой?..

– ...

– На пособии вечно держать не будут...

– Пока тишина...

– А перспективы?..

– Кому в Германии нужны гдээрзовцы?.. Да, лозунги были соблазнительные... Но очень скоро стало ясно, что в раю на всех мест не хватит... Перестройка – это ведь тоже бизнес-проект... Только глобального масштаба... И какая власть захочет делиться своими лавами?.. Проще говоря, деньгами, постами, званиями... Претендентов оказалось чересчур много... И чего людям голову морочили, когда объединялись?..

– Не вешай нос... Надо искать таких людей, кто в тебе нуждается... Кому ты можешь принести пользу... Кто по достоинству оценит твои способности... Не зря же, в конце концов, ты учился в одном из престижных университетов мира... Неплохая специальность, красный диплом... Проблема не в тебе, я думаю...

– Это уже не актуально...

– Не торопись...

– Я не тороплюсь... Жизнь торопит...

– Перестань умничать... Это благодарное занятие, которое только вводит в заблуждение...

– Три года прошло, как я получил «доктора»...

– Не все так черно, как оно кажется... Ориентируйся в пространстве... Учись быть современным и актуальным... Помни о своих лучших качествах...

– ...

– Есть одно любопытное предложение... Собственно, для него я и приехал...

– ?..

– По Москве не соскучился?..

– ?..

– Как тебе вариант поработать в наших архивах?.. На самом высоком уровне... Есть интересные документы... Всего несколько недель назад с них сняли секретность... Из иностранцев их еще никто не видел... Заодно материал для докторской наберешь... Это совместная идея с западными немцами... И ты будешь единственным осси... Приглашение получишь напрямую от немецкого фонда... Все будет солидно и официально... Мы организовали тебе отличную рекламу, не подкапаться... Буквально завтра на твой адрес придет большой конверт... Прочтешь договор, подпишешь и с фотографиями на документы отошлешь по обратному адресу... Остальное тебя не

касается... У меня с ними твердая договоренность... Гарантирую... Два года престижной работы с приличной зарплатой... Плюс авторитет среди серьезных западных коллег... Плюс шанс закрепиться на перспективу в научных кругах... По-моему, пора наверстывать упущенное... И последнее, но главное, зарплата – на самом деле, это мелочь... Мы вместе сможем зарабатывать приличные деньги... В России наступило время больших денег... Упустим шанс, останемся ни с чем... О деталях поговорим потом, уже в Москве... Ну как тебе предложение?..

– От такого трудно отказаться...

– А и не нужно отказываться... Не вижу причины... Когда появится возможность поработать по специальности за солидное вознаграждение?.. Не бойся, смелее смотри в будущее... Надо вычерчивать новую линию жизни... С учетом всего происходящего вокруг... Будем продолжать бороться... Как делали это в Москве... Да, за последние годы негатива накопилось в избытке... Но кто сказал, что мы проиграли?.. Не все лежит на поверхности... Война никогда не заканчивается... А мир – это так, не более чем рекламная пауза... По-моему, нас недооценили... Смеется по-настоящему тут, у кого остались силы смеяться...

– У меня нет слов...

– Я хочу услышать твой конкретный ответ...

– Согласен...

– Узнаю прежнего Ральфа... Дай-ка я тебя хлопну по плечу... Молодец, не раскис, как многие... И это радует... По такому поводу стоит выпить пару капель покрепче... Чтобы Москву напомнило... А нам с тобой, правда, есть что вспомнить...

– Водка «Горбачев»?..

– Нет... У меня с этим именем дурные ассоциации... Что угодно, только не «Горбачев»... Может, «Столичную» закажем?..

– Я не против...

– Лучшая на свете водка... И лучший на свете крепкий вкус... Разве можно его с чем-то сравнить?.. Да, совсем забыл... Если не знаешь, то хочу тебя обрадовать... Твоего друга, художника, выпустили... Теперь у нас за круги и квадраты уже не сажают... И диссидентов у нас больше нет... Теперь и у нас демократия... Пусть рисует себе на здоровье... Может, великим станет...

5

Последняя новость Ральфа ошеломила.

Придав ночи особый привкус.

Радость, волнение и надежда перемешалось в мутных СЛ-ях ледяной «Столичной».

Придя домой, немец решил сразу позвонить в Москву, на Каховку.

Номер телефона он помнил наизусть.

Впрочем, он не забыл ничего, что касалось художника.

И рвался не просто поговорить.

Ему не терпелось узнать, думал ли о нем художник все эти годы.

Ральфу хотелось пригласить его в Берлин.

А может, и в Росток, на выходные.

Познакомить с мамой-папой.

Чтобы вместе отобедать жареной балтийской селедкой.

Родители все еще продолжали искренне восторгаться чернильным портретом сына.

Теперь по их инициативе рисунок висел под стеклом и в деревянной раме.

На самом видном месте.

Но в первую очередь, Ральф хотел окунуться со своим московским другом во все соблазны ночного Берлина.

Показать ему все закоулки Виттенбергплатц.

И остаться там до рассвета.

Мысли наперебой будоражили воображение Ральфа.

Но мечты мечтами.

А встретиться тянуло прямо сейчас.

Да, многое немец отдал бы за то, чтобы сию минуту очутиться на Каховке.

Две тысячи километров – не расстояние.

Разлука – не вечность.

Подняв телефонную трубку, Ральф собрался с духом.

Давно он уже с духом не собирался.

И даже не по-пьяному бодро откашлялся после набора последней цифры.

Сколько раз немец репетировал в своих фантазиях этот звонок? Сколько раз он мысленно рисовал себе по ночам их первую с художником встречу после лагерной разлуки? Однако то ли репетировал плохо, то ли, наоборот, переусердствовал в своих представлениях, то ли еще что.

В решающий момент, вопреки ожиданию, все рухнуло.

Услышав безразлично холодное «алло», Ральф вдруг растерялся и, не произнеся ни единого звука, резко бросил трубку. Он сам не ожидал от себя такой трусости. Ральфу показалось, что художник уже в курсе всех перипетий их совместной диссидентско-гэбэшной жизни. «Наверняка он давно обо всем узнал... Или во время следствия... Или на суде... Или интуиция подсказала... Не могло ж у русского совсем не быть интуиции...» Ральф шатался взад-вперед по квартире, не соображая, что с ним происходит. За годы после возвращения в Германию такое откровение ни разу его не посещало. Хотя вроде бы и должно было.

Ральф злился.

Но с совестью это связано не было.

Он просто злился.

И на себя, и на художника, и на свое бессилие.

«Он меня никогда не простит...»

Мысли вовсю заработали именно в этом направлении. Молния за молнией обжигали взбунтовавшийся мозг. Идея за идеей взрывали нетрезвое сознание. Ральф лишь сейчас понял, что вернуть прошлое нереально. И не нужно. «Так можно испортить поездку в Москву...» А с этим шутить было опасно. «Наверняка на Каховке телефон и сейчас еще прослушивают... И соседи наверняка остались те же...» Ральф встал в уныние. Если бы в эти минуты кто-нибудь увидел его со стороны, то обязательно бы его пожалел. Скупая слеза, сползавшая из-под очков, впечатляла. И с сексотами такое случается. Сексоты тоже обыкновенные смертные.

Восторг от набросанных Владимиром Владимировичем перспектив утонул в переживаниях о художнике.

Ральф не находил себе места.

А наштававшись, рухнул в кресло.

«Как же отвратительно одиночество...»

«Как же омерзительно пьянство...»

В какой-то момент Ральф осознал, что он не жалеет о несостоявшемся разговоре. И ему стало легче. «Русские правы: «Что Бог не делает, все к лучшему...» Не часто немец вспоминал о Боге. Хотя сегодня это было кстати. И абсолютно не важно, что побудило его поставить точку в богатом каховском прошлом.

Это уже никому не нужные подробности.

Так, издержки психоанализа.

Заблуждения Фрейда.

Ральфа потянуло на пьяную философию.

Это типично русское пристрастие, видимо, прижилось в нем навсегда.

«В конце концов, какая разница, кто кого предал?...»

«Или кто кого простил или не простил...»

Один поезд ушел – придет следующий.

Сегодня Ральф расставался с самой романтической из своих иллюзий.

На следующий день все решения остались в силе.

В игру вновь вступила суровая прагматика.

В первую очередь Ральф заглянул с утра в почтовый ящик, где его ждал обещанный большой конверт.

У Владимира Владимировича, как и прежде, слова с делом не расходились.

Для фото Ральф погладил белую рубашку, приготовил оставшийся со студенческих времен пиджак.

И вновь стал похож на комсомольца-эфдетовца.

Повышенный интерес западных коллег к выпускнику главного советского вуза был обеспечен.

Подписанный договор в тот же день сразу отправился по обратному адресу.

А через неделю пришел утверченный ответ.

Так что можно было паковать чемоданы.

После несостоявшегося разговора с художником Ральф больше не объединял Москву и некогда любимую Каховку в единое личное целое.

В судьбе дзержинца бывший русский друг за одну ночь перешел в новое качество.

Превратился в музейный запасник.

Вместе со всеми своими картинами.

Образами.

И чувствами.

Впрочем, память – одна из форм щедрости.

Ральф не стал из нее ничего выбрасывать.

Просто произошла переоценка.

Точнее, уценка.

Гдээровец решил навести порядок в своем прошлом.

Как в шкафу.

Москвы пока это не коснулось.

Она все еще оставалась в фаворе.

Более того, Москва вновь становилась передовой.

6

Все течет – все себе изменяет.

Каждый когда-нибудь прозревает.

Ральф проработал в московских архивах два года и четыре месяца.

На благо двух стран.

Двух народов.

Двух спецслужб.

Но зря думал Владимир Владимирович, что только он управляет гдээровским историком.

На сей раз чекист просчитался.

Среди немецких ученых, работавших в одном проекте с Ральфом, нашлся свой собственный штатный Владимир Владимирович.

Тоже умник.

Остроумник.

И модник.

Специалист по Кремлю и холодным войнам.

За спиной которого стояла хоть и менее суровая, но все равно громкая аббревиатура.

У спецслужб с наукой всегда альянс.

Независимо от специфики науки и специфики страны.

Немецкий В.В. долго и внимательно присматривался к гдээровцу. А когда «присмотрелся», согласие последнего на сотрудничество последовало к концу первой открытой беседы. Ральф чуть не завалился в обморок, узнав, что о нем в бывшем поместье Рудольфа Гесса под Мюнхеном давно все известно. И в таких неопровержимых деталях, которые он не совсем помнил. Ральф был уверен, что его выгонят из проекта. А может, и предательство пришьют по советской аналогии. Однако сам по себе бывший историк-КПССовед ценности для правосудия не представлял, и ему дали возможность исправиться. То есть сдать всех, на кого он работал. Теперь уже Владимир Владимирович оказался под колпаком. Вот кто интересовал немцев. К поклоннику немецких достопримечательностей накопилось достаточно вопросов. И Ральф решил не упускать подаренный судьбой шанс искупить вину перед объединившейся Родиной. Тем более что впереди замерцала надежда. Принеся в жертву лубянского шефа без оглядки на светлое прошлое, бывший гдээровец заложил капитальный фундамент для еще более светлого будущего. По возвращении домой его ждал успех – не бей лежачего работа в фонде, командировавшем его в Москву. Плюс зарплата, которой могли позавидовать даже многие весси. Это стало для Ральфа заслуженной наградой за проснувшийся патриотизм. Но что особенно было важно для бывшего дзержинца как для специалиста по России, его уважали и ценили коллеги.

«Не нужно быть миллионером – достаточно получить постоянную работу», – когда-то Ральф учил жизни своего московского друга.

И вот Ральф ее обрел.

Квартира в Пренцлауэрберге постепенно заполнялась не самой дешевой мебелью, копиями шедевров известных авангардистов, бессмысленными, но с виду симпатичными безделушками. Оказывается, вкусы, как и взгляды, тоже меняются. Мечта любого осси – стать весси – сбылась. Да еще как! Костюм – из KDW, деньги – в американском банке, еда – из французского, на худой конец, китайского супермаркета. Скоро на стоянке перед домом появился и дорогой автомобиль. Все в кредит, конечно. Зато чувство собственного достоинства открыло себе путь вверх.

Перепрыгивая по несколько ступеней сразу.

И не оглядываясь назад.

Ральф рос.

Не по дням.

По часам.

Ральф обуржуазивался.

До полной гармонии не хватало лишь одного шага.

Но и на него он решился.

Спустя год достаточно солидный чиновник устроил и личную жизнь.

Он жаждал чего-то необыкновенного, неповторимого, желательно, азиатского.

И хотя восток – дело сложное и тонкое, Ральфа это не остановило. Выбор пал на Поднебесную.

То ли под впечатлением от кухни, то ли подавшегося моде европейца потянуло на экзотику. И где-то далеко, на окраине чумазого пролетарского Пекина, он нашел свою вторую половину.

Молодой мастер восточного массажа пришелся немцу по душе.

Высокий, стройный, симпатичный.

Услужливый, доверчивый.

При свечах – романтичный.

Семейный, преданный.

В минуты близости – лиричный.

Ральф окончательно отрезал себя от женской половины человечества.

И перестал бояться об этом говорить.

Страсть к сильному полу превратилась в самый что ни на есть восклицательный знак.

Так одним братским союзом в Германии стало больше.

Одним перспективным холостяком меньше.

На улицах Берлина по случаю первого в истории нации массового сочетания «братьев» и «сестер» состоялся чуть ли не военный праздничный парад.

В те дни для прессы не было более важного события.

Фото и телекамеры не оставили без внимания никого.

Ральф возглавлял целую колонну.

Взявшись за руки с китайцем.

Наутро в Ростке мать держала в руках свежий номер берлинской газеты.

Свадебная фотография сына – на первой полосе.

Крупным планом.

Таким сияющим она его еще не видела.

И хотя это была другая сказка, но все равно сказка.

Мать не могла оторваться от газеты и не заметила, как прямо у киоска ее окружили соседи по дому.

Все были в восторге от Ральфа и его избранника.

Осси любили обсудить своих, достигших уровня весси.

Немолодое женское сердце заклокотало от волнения.

Ведь она была матерью того самого молодого человека на снимке!

Отныне ее сын стал известен на всю страну!

Ну, и не беда, что он не пробился в политики.

Главное – обрел себя.

Покончил с сомнительным прошлым.

Устроил личную жизнь.

И будущее.

Мать больше не волновалась за судьбу сына.

Несколько слез упали прямо на фотографию.

Соседи не скупилась на утешение.

Они тоже гордились Ральфом.

Никто не забыл, что все они начинали в одной команде.

Слез становилось все больше.

Утешение становилось все назойливее.

Но мать ни с кем не хотела делиться своими чувствами.

Такой собственницей, как в это утро, она еще никогда не была.

Ей хотелось поскорее убежать домой.

Спрятаться от чужих взглядов.

Броситься в объятия мужа.

В эту минуту стал накрапывать дождь.

Ростокский, мелкий, противный.

И вдруг мать увидела мужа, спешащего ей навстречу с раскрытым зонтом.

Кино эпохи неореализма.

Кино как высшая форма счастья.

Мать, размахивая газетой, бросила замешкавшихся на старте соседей и тоже побежала.

Да здравствует режиссер!

Да здравствуют Росселини с Пазолини!

Феллини со товарищи.

А фрагментами и Фассбиндер.

Мать плакала.

Слава – время магическое.

2009